ПИОНЕР

АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1957 ГОД

4

Эти рисунки сделал художник Илья Соколов в городе Ульяновске. На верхнем — дом, в котором жила семья Ульяновых с 1878 по 1887 год. На нижнем — одна из комнат этого дома; в ней жил Владимир Ильич, когда он был еще гимназистом. Здесь все сохранено в том виде, как было в школьные годы Ленина: его рабочий стол, полка с любимыми книгами. Дом этот теперь превращен в музей.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Год издания 34-й

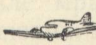

№ 4

АПРЕЛЬ
1957

В этом номере:

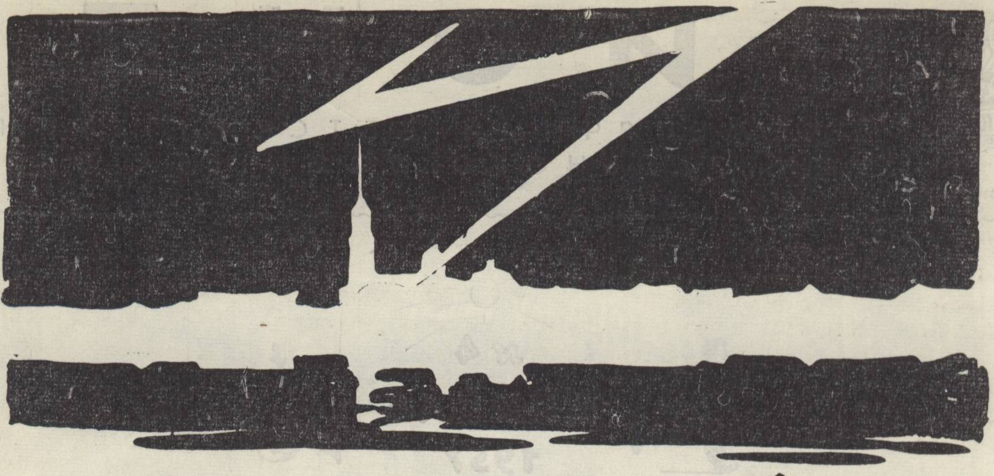

На обложке:
рисунок Ф. Глебова «Ледоход».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Начало

Главы из повести

М. Прилежаева

Рисунки О. Коровина.

Петербургская встреча

Стоял час сумерек над Петербургом. Шпиль Петропавловской крепости, потушив позолоту, призрачно уплывал во мглу. Дышало холодом осеннее небо. Резкий ветер гнал по Неве волны с белыми гривами.

Был ноябрь.

Через горб Николаевского моста перевалила запряженная парой лошадей, дребезжащая от старости конка и свернула на Биржевую площадь Васильевского острова; конновожатый звоном медного колокола возвестил остановку. Чиновники в тощих шинельках, приказчики, мелкие служащие всевозможных учреждений и ведомств возвращались в этот час с должности, толпясь, вылезали из конки и рассеивались в разные стороны.

Выпрыгнул юноша в поношенной бобриковой куртке и зашагал по направлению к Университетской набережной.

Ветер дул ему в спину, юноша поднял воротник.

У него было свежее, почти детского овала лицо с выпуклыми, необыкновенно живыми глазами и черными, словно выведенными тушью, усиками. В глубокой задумчивости он шел вдоль Невской решетки, не обращая внимания на прохожих и не замечая следовавшего чуть поодаль за ним человека, совсем еще, как и он, молодого, но с окладистой бородой, придававшей ему простецкий и в то же время внушительный вид.

Бородач также сошел с конки на Биржевой площади. Смешавшись с людьми, он направился сначала к Петровским казармам, а затем очутился на противоположной стороне, над Невой, и некоторое время сопровождал на расстоянии юношу в бобриковой куртке.

— Глеб! Кржижановский! — догоняя его, позвал он негромко.

Кржижановский инстинктивно отшатнулся к решетке.

— Вы? Старков! — с облегчением произнес он, узнавая товарища.— Тоже туда?

— Угадали.

Они пошли дальше вместе.

— Я вас еще в конке заметил,— сказал Старков.— Для конспирации покрутил немного. С практики недавно?

— Только-только.

— Уроки жизни? Нелишне. Петербургские новости знаете?

— Вы имеете в виду... Всюду разговоры о нем.

— И не зря.

Они перекидывались короткими, им одним понятными фразами, умолкая при встрече с прохожими. Старый профессор в долгополой шубе и островерхой куньей шапке величественно прогуливался вдоль набережной, похожий на боярина. Пробежала курсистка в очках. У подъезда Академии художеств шумела группа длинноволосых художников.

— Нам лучше прийти туда врозь,— сказал Кржижановский.

— В таком случае я вас обгоню.

И Старков припустил вперед, энергично размахивая руками и раскачиваясь на ходу. Пересек мостовую, едва не угодив под оглоблю проезжей пролетки, потолкался минуту среди речистых художников и исчез.

Кржижановский отстал.

Нестерпимо хотелось скорей повидаться с друзьями, особенно с Зиной Невзоровой! Сколько времени они не встречались? Четыре месяца. Неужели всего четыре? Трудно поверить. Кажется, вечность!

Возле мраморных сфинксов, бесстрастно внимающих под чужими небесами рокоту северных волн, Кржижановский остановился. Странно притягивает, страшит и тревожит неразгаданная немота этих сфинксов. Одиночество. Мертвый камень. Угрюмые всплески Невы.

Кржижановский стоял и думал. Он не мог освободиться от мыслей о недавних событиях.

Глеба предупреждали: на сахарном заводе тяжело. Невыносимо тяжко, говорили ему.

«Туда и поеду на практику».

В сущности, там, в никому неведомом местечке Каменец-Подольской губернии, о котором он и не слыхивал раньше, состоялась его первая настоящая встреча с рабочим классом. Встреча всерьез.

...В первые же дни на завод пришла наниматься артель мужиков. В лаптях, домотканых рубахах, с жиденькими котомками на спинах, худые, нечесаные, до черноты обожженные степными ветрами и зноем, они сбились у заводских ворот, как стадо овец, и дожидались под солнцем, без шапок.

Кржижановский практиковал в химической лаборатории.

Химия химией, а прежде всего он марксист и в первую очередь хочет знать условия жизни рабочих. Увидеть своими глазами. Услышать. Испытать.

Он марксист, и не из последних в их студенческом Петербургском кружке. В Петербургском кружке все до единого великие специалисты по части теории, однако не каждый решится вступить с Кржижановским в дискуссию по поводу «Капитала» или любой работы Плеханова.

Хорошее добавление к теории Маркса этот сахарный завод, будь он трижды проклят со своими порядками!

Потомив с полдня под воротами, артель впустили в завод.

— Показать им сначала приманку? — сказал Кржижановскому мастер, бодрячок и балагур, с круглой, как тарелка, плешью, окаймленной кольцом жестких кудряшек, и вздрагивающими алчно и пьяно ноздрями. Подлец! Он-то знал, чем кончаются такие экскурсии.

Затянув потуже пустые животы, измученные, довольные (посчастливилось сговориться с начальством!) мужики с интересом в первый раз входили в сушильное отделение завода. И цепенели. У всех одинаково на черных шеях напрягались кадыки.

В каменном полуамбаре, с узкими щелями окон и пышущими жарой и угаром печами во всю десятисаженную его длину по колено навален сахарный песок. Белый как снег. Сыпучий. Сладкий. Сытный.

— Чего глядите? — гоготнул мастер.— У нас сахар рабочим бесплатный. С собой выносить — этого нет. А здесь ешь до отвала. Ешьте, ребята! Ешьте, сколько осилите.

Мастер вышел, а Глеб, прижавшись к железной воротине амбара, смотрел, как бородатые мужики, помявшись, принимались загребать горстями песок, сначала несмело, боясь, нет ли какого подвоха, потом жаднее. Спешили, запрокидывая головы вверх, сыпали песок в рот, давились, и снова хватали полные пригоршни, и ели, ели.

«Надо уйти. Стыдно смотреть,— думал в ужасе Глеб.— Слушайте, не должно быть такого! Не должно! Не должно!»

Он не помнил, как оставил амбар.

Мужики, наевшись сахару, поодиночке выходили во двор, их пошатывало и мутило.

Почему-то Глебу с первого взгляда отчетливо запомнился парень лет семнадцати, с прямыми белесыми, как пыль, волосами, падавшими на белые брови: что-то было в нем наивно-доверчивое, детское. Парень вышел из амбара с синим, как у утопленника, лицом, закачался и вдруг дико взвыл, изогнулся, словно переломился пополам. — приступ рвоты его сотрясал, разрывал внутренности. Он рухнул на землю.

— Обожрался. Теперь на всю жизнь отворотит от сахару,— услышал Глеб.

— На голодное брюхо и помереть можно.

— Бог милостив.

Глеб подбежал к парню.

— Испить... ради Христа.

Глеб сбегал за водой. Парень поднес ковш ко рту и со стоном припал, стуча зубами о края и расплескивая воду на грудь.

Внезапно Глеб потерял голос, просто не мог произнести ни звука.

«Вас с расчетом отравили. Гнусный хозяйский расчет! Обкормили, чтобы никогда больше не ели сахару. Здесь нет справедливости. Нет, не было и не ждите».

— Не уволят меня? — спросил парень, напившись воды и впадая в жестокий озноб. Его подкидывало, как в лихорадке.— Не прогнали б с работы...

За работу артели было положено по двенадцать копеек на человека за день.

Глеб вернулся с завода разбитым. Еле дотащил ноги до дому. Он квартировал в веселенькой хатке, с горшками огненной герани на окнах и полосатыми половиками на желтом полу, у рачительных, домовитых хозяев. Он боялся увидеть сегодня хозяев, ненавидел их заботы, жирные щи и герани! Пробрался тайком на чердак, забился там в угол.

Душно. Пахнет раскаленным железом, березовыми вениками, подвешенными на жердях под крышей. Треснула балка, словно уронив тихий вздох.

Сушь. Тоска.

Парня звали Егором. Простодушен он, как бывает простодушен талант.

Куда там талант! Ворочай полсуток без роздыха свекольное варево в чанах лопатой, таскай пятипудовые мешки на спине. Копейка за час.

Кржижановский решил научить парня грамоте. После работы Егор приходил в вишневый садик под окном его горницы.

— «Ды-о», — читал Егор по букварю. — Эка мудрецы, нарисуют кружок, а он со значением. Вот та, раскоряка, то — мэ. А сложить не осилю, Глеб Максимилианович.

Скоро они прочитали первое слово.

— Дом, — сложил Егор. — Глеб Максимилианович, дом?! До-о-м.

Он нагнулся над букварем; серые, как пыль, пряди волос свисали на брови, Егор отводил их медленным жестом, поглощенный таинственным трудом чтения.

Вдруг отодвинул букварь.

— Глеб Максимилианович, хата у нас в деревне сгнила. Думал, сколочу на заводе деньжонок, а их на прокорм не хватает...

Конечно, они занимались не одной только азбукой, встречаясь вечерами в вишневом садочке.

...Это произошло к концу практики. Рабочие сошлись во дворе у конторы. Небольшая кучка рабочих, впереди Егор, в холщовой, истлевшей от пота рубахе, из расстегнутого ворота которой торчала, как жердь, длинная шея.

Конторщик воровато высунулся из окна, поспешно захлопнул раму. Рабочие ждали начальства. Прошел час. Два часа.

Натянуло на небо жиденькие печальные тучи, день похмурел. Нехотя посеял ленивый дождик. Припустит, умолкнет. Снова посеет...

Кучка рабочих поредела, кое-кто ушел. Остальные ждали. С мужицким, неодолимым упорством. Молча.

И вдруг за заводской оградой застучал пугающе четкий солдатский, похожий на выхлопы шаг: «Ать-два, ать-два...»

Глеб, узнав о случившемся, прибежал к конторе, когда жандармы цепью охватили рабочих. Шашки наголо, груди колесом, револьверные кобуры на ремнях.

Конторщики высыпали во двор. Разглядывали бунтовщиков через плечи жандармов с жадным, злым любопытством.

— Чего захотели? Платы им набавляйте. «Тре-бу-ем!» Сапогов отродясь не надевывали, а туда еще: «Тре-бу-ем...» Лапотники!

Кржижановский увидел Егора. Взгляды их встретились, и — не забыть! — у Егора просияло лицо, и ребяческая жалкая гримаса плача покривила его; он рванулся из цепи, чуть не сбив с ног жандарма, с отчаянным всхлипом схватил руку Глеба и... поцеловал.

— Спасибо!

Жандарм поволок Егора обратно.

Егор, прощай! Где ты, Егор?

. . . .

Ветер все жестче. Круче волны в Неве. Громада Исаакиевского собора на том берегу потонула в вечернем тумане.

И пора на кружок...

Кржижановский направился к 7-й линии.

Большой, Средний проспекты, параллельно Неве пересекающие Василеостровские линии. Вот и Малый проспект. 7-я линия подходит к концу. Вид ее изменился: здесь дома беднее, чем в Университетском районе. Монотонно-серые, неказистые «доходные» дома, без фронтонов и лепных украшений, где селятся бедные студенты, мастеровые, рабочие.

Неподалеку, заключая 7-ю линию, поднял в небо черные трубы гвоздильный завод. Он вошел в жилые кварталы и расположил здесь кирпичные свои корпуса, стеля над крышами зданий хвосты грязного дыма.

Окончилась вечерняя смена. Завод загудел, на гудок отозвалась Галерная гавань, подхватил Балтийский судостроительный.

Он шел в глубокой задумчивости, не обращая внимания на прохожих.

Отработавший смену мастеровой люд запрудил улицу, нарушая благопристойную ее тишину.

7-я линия ожила, полнясь шумом.

Кржижановский озабоченно огляделся и, убедившись, что не привлек ничьего любопытства, юркнул во двор.

Это был обычный питерский двор — темный, обнесенный стенами многоэтажных зданий, расчерченный вдоль и поперек поленницами дров; три долговязых тополя, раздетых догола ноябрьскими непогодами, неприютно торчали между дровами.

Кржижановский вбежал в один из подъездов. Первый этаж. Он дернул колокольчик.

Дверь открыла Невзорова.

Какая удача — она!

— Зинаида Павловна... здравствуйте, Зина!

— Наконец-то вы приехали, Глеб!

И тотчас возник тот поспешный, не очень связный, значительный для обоих разговор, о котором оба соскучились.

— Вы загорели. Настоящий индус! Столько работы, Глеб, планов... Вас не хватало.

— А как мне не хватало вас там!

— Слышали, что будет сегодня?

— Да. Волнуюсь ужасно. Если бы вы побывали на этом заводе! Медлить нельзя. Там я понял: медлить преступно.

Он снимал куртку и шапку и, приглаживая ладонью курчавые волосы, полушепотом рассказывал о пережитом.

Она умеет удивительно слушать! С какой-то особенной душевной внимательностью, вся откликаясь. Она все та же, простая и умница. Праздничная! Смуглый румянец, темный блеск глаз, серьезных и ласковых.

Вот Глеб и дома. С друзьями.

— Вы не первый. Почти все гости собрались,— невпопад сказала Невзорова.

В коридорчике появилась квартирная хозяйка, сдававшая курсисткам, сестрам Невзоровым, комнату.

Крупная, мужеподобная финка с плоской, как доска, грудью, затянутой в черный лиф платья, хозяйка Невзоровых отличалась необычной любезностью.

— Фрейлен! Вы принимайт гости. Пользуйте мой музик. Битте! — мешая финский, немецкий и ломаный русский язык, говорила она.— Я звана на чашку чай. Весь квартир к вашим услугам. Фрейлен, белая блузка с сиреневым бантом вам прелесть к лицу. О, молодость создана получать удовольствие в жизни!

Узенький коридор, оклеенный пестрыми, похожими на дешевый ситчик обоями, вел в комнату Невзоровых, откуда слышен был шум молодых голосов. Дверь в хозяйскую половину отворена; видна симметрично расставленная мебель в чехлах, дешевая литография, изображающая задумчивый Гельсингфорсский залив, и закупоренный, как вся мебель, в полотняный чехол рояль — гордость хозяйки.

— Она не опасна? — шепотом спросил Кржижановский, когда хозяйка скрылась к себе.

— Едва ли. Плохо понимает русский язык, это удобно.

По всем признакам, у курсисток Невзоровых действительно затевалась вечеринка. Обыкновенная студенческая пирушка с парой бутербродов на брата, неограниченным количеством чая и ураганом разговоров и споров.

Повод для веселья уважительный: к Зинаиде Невзоровой перебралась на житье старшая сестра, учительница из Владимира, теперь курсистка Высших женских курсов.

— Уж я внушала, внушала хозяйке: встреча по случаю приезда сестры,— рассказывала Зинаида Невзорова Кржижановскому.

Они вошли в продолговатую, довольно просторную комнату с одним окном, глядевшим во двор, и изразцовой печкой в углу, возле которой уютно расположился диван и круглый стол, где под белым стеклянным абажуром зажжена была лампа. Две девичьи кровати, покрытые клетчатыми пледами, да книжная полка довершали незатейливое убранство комнаты.

Собрались знакомые Кржижановскому студенты-технологи. Петр Запорожец, красавец, с точеным профилем и высокими дугами черных бровей; хрупкий, тонколицый Анатолий Ванеев; был здесь и обогнавший Глеба на набережной Старков, которого наперекор мужиковатому виду и русской бороде заступом называли нерусским именем Базиль; был студент университета Михаил Сильвин, плотно сколоченный, кряжистый человек неторопливых движений и медлительной речи; и курсистка Аполлинария Якубова с деревенскими тугими щеками и горячими, как угольки, утонувшими в узких щелочках глазками, и скромненькая, одетая в синее учительское платье Софья Невзорова.

— Глеб! — всплеснула руками Аполлинария. Его встретили гулом приветствий, снова он почувствовал радость возвращения домой.

— Все собрались,— баском заявила Аполлинария.— Кто знает, когда будет он?

— Герман Красин приведет его в шесть,— сказал Петр Запорожец.— Господа, как хотите, но, без преувеличений, что-то в нем исключительное...

Кржижановский понял: речь о том человеке, для встречи с которым сегодня был созван кружок. Надо послушать. Он незаметно прошел к окну, плотно завешенному тяжелой шторой.

— Так вот,— продолжал Запорожец, удивленно выгибая крутые красивые брови.— Заявляются к Ульянову наши, Герман и Радченко. Познакомиться. И между прочим экзамен произвести. Разговор, естественно, о философии с начальных же слов. Что же? Он таким просвещенным оказался марксистом, что наши... Представляете? Герман и Радченко! Столпы! Ну, друзья, не хотел бы я быть на их месте!

Вдруг сидевший в дальнем углу комнаты Анатолий Ванеев, узкоплечий юноша с тихим лицом, вскочил, грохнув стулом.

Анатолий Ванеев — провинциал, первокурсник, в столице всего несколько месяцев. Выступать со своими суждениями в кружке петербургских марксистов, где каждый по крайней мере три раза проштудировал «Капитал», а уж о сочинениях Плеханова и говорить не приходится, стоит отваги! До сегодняшнего вечера Ванеева почти никто не слыхал. Все любопытно примолкли. Он неловко шагнул к Запорожцу:

— Нас не удивишь просвещенностью.

Запорожец улыбнулся чуть снисходительно:

— Разумеется...

— Александр Ульянов — его брат, вот в чем суть! Я заранее уважаю его оттого именно, что он из Ульяновых!

— Ай-ай! — укоризненно покачал головой Михаил Сильвин, товарищ Ванеева.

— Идеализм чистейшей воды, — пробасила Аполлинария низко осевшим от удивления голосом.

— Называйте, как хотите. Для меня это имя священно!

— А я понимаю Ванеева! — с жаром вмешалась Невзорова. — Понимаю. Согласна с вами, Ванеев! И я помню еще... Аполлинария, помнишь?

Она присела к подружке на валик дивана, обвив рукой ее плечи.

— Когда осенью девяностого года мы поступали на Высшие женские курсы, с Волги приехала учиться Ольга Ульянова. Мы крепко-накрепко с ней подружились. Через год она умерла.

Зазвенел колокольчик. Ровно шесть.

— Мы очень дружили с Ольгой, — повторила Невзорова. — Из-за нее нам Ульянов родной. Аполлинария, да?

Она побежала открыть дверь. Аполлинария ярче выпустила в лампе фитиль. Ванеев вернулся на свое место в углу, спрятался там за чьей-то спиной. Кржижановский оставался стоять у окна.

Наконец он увидит Ульянова! Вернувшись со студенческой практики, Кржижановский узнал от товарищей новость: в Петербурге появился необыкновенный волжанин. Со всех сторон только и слышно о нем. Одни, как Ванеев, еще не зная, восхищались Ульяновым: впереди его летела слава подвига и героического имени брата. Говорили о его образованности, уме, ораторской силе. Новый Плеханов! Не за границей, а дома, здесь, в Петербурге, продолжатель или, во всяком случае, блистательный его ученик! Говорили о недавнем собрании студенческой социал-демократической группы, куда Ульянов был приглашен и где Герман Красин, всеми признанный толкователь Маркса, читал реферат о развитии капитализма в России. Как обычно, реферат обсуждался. С академической строгостью, научными формулами и, конечно, солидными ссылками на теорию Маркса.

Тогда, на этом кружке, петербургские молодые марксисты впервые услыхали Ульянова. Он ворвался в их спор («ворвался» — другого слова не подберешь) и, надо признаться, смутил и нарушил академический тон обсуждения.

— Капитализм в России — факт. А дальше? Революционеры ли мы, если не делаем практических выводов?

«Революционеры ли мы? — озадаченно спрашивал себя Кржижановский. — Однако! Нет, уж этого от нас не отнимешь. А для чего мы живем, как не для этого дела, которое будет исполнено, и отчасти и нашими силами? Революционеры ли мы? Да и да! Правда, может быть, революционной практики у нас недостаточно... Но посмотрим, что нового скажет Ульянов». Так раздумывал он, прислушиваясь к голосу за дверью. Что в этом голосе? Какое-то странное своеобразие. Ускользающий звук «эр», смягченный и рассеянный: Ульянов картавит. И как славно, по-своему...

В это время в комнату вошел Владимир Ильич. Он вошел очень быстро и остановился. С разбегу. Будто споткнулся.

В комнате людно, можно сказать, набито битком. Люди сидят на диване, на кроватях, по двое на стуле. Сильвин состроил пирамиду из словарей и расположился с удобством. Ванеев при входе Ульянова встал, но тотчас снова спрятался.

Ульянов поклонился молча.

— Пожалуйте, Владимир Ильич! — говорила Невзорова.

Ульянов смущен. Хотя и толкуют, что новый Плеханов, но, конечно, смущен! И волнуется. Сегодня он делает контрреферат в ответ Герману Красину: «По поводу так называемого вопроса о рынках». Столько народу! Не растеряйся попробуй!

— Сюда, на диван, Владимир Ильич, — приглашала Невзорова, украдкой приглядываясь к нему, пытаясь по внешности определить масштабы молодого Ульянова. Внешность Владимира Ильича не говорила ничего особенного. Невысокого роста. Довольно плотный, коренастый. Но не тяжелый. Напротив! В походке и жестах Ульянова юношеская легкость. Смугловатого оттенка лицо, на котором приметны поднятые к вискам неправильной линии брови, слегка раскосые глаза, просторный лоб. Хорошо, что он очень естествен.

«А в общем, обыкновенный человек», — решила Невзорова, читая ту же мысль на лицах товарищей.

«Брат нашей Ольги. И Александра, последнего народовольца, героя».

Пока только это выделяло Ульянова среди всех остальных.

— Вам светло? — спросила Невзорова, придвигая ближе к Ульянову лампу.

— Да, спасибо. Прекрасно, — сказал он, картавя, видимо, благодарный ей за приветливость.

Он вытащил из кармана тетрадь, положил перед собой на столе и начал доклад.

— Применима ли теория Маркса к России — вот в чем вопрос.

«Ответ — применима!» — подумала Невзорова. Она поймала взгляд Глеба.

«Да, это мы знаем,— говорил его ревниво настороженный взгляд.— Слава богу, в «Капитале» Маркса мы разбираемся. И немного в России тоже».

Глеб бесшумно шагнул от окна и, втиснувшись между Петром Запорожцем и бородатым Старковым, сел против Владимира Ильича на кровать, обхватил колени руками и, крепко сплетя нервные пальцы, застыл в напряженном внимании. После всего, что он увидел и узнал на заводе, Глеб с изнурительным волнением ждал сегодняшнего занятия кружка. Нужен ответ: что делать? Не завтра, не в будущем. Что делать сейчас? Если реферат Ульянова не больше, чем изложение теории Маркса...

Ульянов говорил о России. О капитализме, который сейчас, в девяностые годы XIX века, составляет основной фон хозяйственной жизни страны. О русской деревне. О русских хозяйственных порядках.

Сначала Глеб, слушая эти ничем не стесненные и удивительно простые слова, усердно себя проверял: «Это мы знаем. И это». Потом, сам не заметив, как и когда, бросил проверять. Недоумение и вместе с тем радость охватили его. Казалось, все, что Ульянов говорит, знакомо, известно, много раз передумано, а в то же время открыто только сейчас, только им. По той тишине, особенной, удивленной, которая постепенно наступила в комнате, Глеб догадался, что не он один уловил в ходе рассуждений Ульянова новое.

Деревня, о которой Ульянов говорил, была русской, живой, с безлошадными дворами, разоренной землей, самоваром и фаянсовой посудой в избе кулака, батраками на кулацких десятинах и обозами кулацкого хлеба на рынках. Казалось, слышен запах земли, дегтя, пота. И движение времени. Сама жизнь вошла в комнату курсисток Невзоровых на Васильевском острове!

Аполлинария подперла щеку по-бабьи ладонью и уронила негромким баском:

— Так все и есть.

— А главное, главное — неабстрактная правда! — вскричал, срываясь с места, Глеб.

«Милый Глеб, кипяток! Выдержки решительно ему не хватает,— улыбнулась Невзорова.— Влюбился в Ульянова»,— поняла она.

— Ясно видно: в нашем крестьянстве идет разложение на буржуазию и пролетариат,— быстро говорил Владимир Ильич.—Где окончится движение? Раскрестьянивание в деревне — начало процесса, крупный капитализм в городах — его конец и тенденция. Попробуйте разорвать...

Он говорил все быстрее, слова едва успевали за мыслью, в глазах отважней разгорался огонь, азартный румянец пылал на лице: он ничуть не меньше был увлечен, чем его слушатели.

С удивлением Невзорова начала замечать: первое впечатление обыкновенности внешнего вида Ульянова исчезает бесследно. Выражение лица молодого Ульянова так переменчиво, что истинный характер его проступает не сразу. Откуда она взяла, что у него обыкновенная внешность? Поразительный лоб! Сломанные зигзагами брови. Как оригинально лицо!

Владимир Ильич перевернул последнюю страницу, накрывая тетрадь ладонью.

— О рынках позаботится наша буржуазия, а мы должны позаботиться о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России. И соединить его с социализмом.

Кржижановский вскочил.

— И это есть практический вывод,— сказал он, подбегая к столу.— Та самая деятельность, которая нам подсказана жизнью и ходом истории.

— Да! — тоже вставая, весь подавшись к нему через стол, живо ответил Владимир Ильич.— Это и есть наша задача.

Он вышел из-за стола. Он уже чувствовал, что понят и принят в кружке молодежи, помощи которой искал.

— Наша задача! Наше дело! И долг.

— И медлить нельзя! — подхватил Кржижановский.

Но тут заговорил Герман Красин. Он простоял весь доклад неподвижно, прислонившись к печке, со скрещенными на груди руками. Герман был бледен, его низкий, глубокого тона голос, обычно спокойно-внушительный, содержал сейчас угрюмую ноту.

— Вы рассмотрели русскую жизнь, но...

— Спор,— вздохнула Невзорова,— мы спорим и спорим, а все на месте.

— Нет, нет, не бегите от споров! — возразил Владимир Ильич.

— И что же? — задорно обратился он к Красину, откидывая полы пиджака, сунув руки в карманы и слегка выкатив грудь, как бы готовясь встретить бой грудью.

Если бой, Невзорова на его стороне. И Глеб, и Ванеев, и... кто же здесь против?! Нас зовут к делу. Пора! Что ни говори, мы слишком уж книжники и так еще робко свя-

заны с рабочим классом, которому посвящены все наши рефераты в кружке.

— Капитализм в России — факт, — продолжал Герман тем тоном, в котором отчетливо слышалось «но».

Владимир Ильич весь подался вперед.

— А массовое рабочее движение плюс социализм будет фактом. Плюс социализм! — подчеркнул он.

Герман досадливо повел плечами, губы у него покривились. Он привык к своему авторитету и некоторому даже ореолу пострадавшего за революцию человека. Германа высылали из столицы. Он был членом марксистской группы Бруснева. Группа образовалась, когда теперешние марксисты-студенты только начинали читать «Капитал». Уже тогда бруснeвская группа создавала среди рабочих кружок. Поднимала рабочих на демонстрацию у гроба писателя Шелгунова. Проводила первую маевку петербургских рабочих.

— Группа разгромлена. Бруснев в тюрьме. Десятки рабочих в ссылке. Движение смято,— отрывисто перечислял Герман.

Ульянов вмиг очутился возле него.

— Что вы говорите! — воскликнул он с молодой, изумленной и нетерпеливой горячностью.— Что вы предлагаете? Продолжать изучение Маркса здесь, в этой комнате, законспирировавшись от рабочего класса?

Он развел руками. Тесно заставленная книгами комнатка, с теплой печью, белым абажуром, надежными шторами на окне... Еле доносится приглушенный уличный шум...

— Брусневцы разгромлены? Мы сменим их. Движение смято? Нет, оно продолжается. Пусть отходит тот, кто боится тюрьмы. Революция не игра в бирюльки. Или, может быть, вы... зовете спасать отечество в комитетах грамотности? Пожелаем успеха. Не будем мешать.

Он сердито откинул руки за спину и, поскучнев, отошел от Германа.

— Я революционер. И марксист,— поспешно и вместе надменно бросил Герман вдогонку.

Ульянов быстро оглянулся, секунду молчал и вдруг улыбнулся.

— Тогда идемте к рабочим.

Сразу начался шум. Заговорили все в одно время, словно прорвалась запруда.

— Рабочий класс созрел для социализма! — возбужденно говорил Кржижановский в кружке, обступившем Ульянова.— Настало время работы. Теорию социализма — рабочим! Вы правы. Вы даете метод. Я чувствую: мы стоим на земле.

— И прочно,— басила Аполлинария.

Стоя в плотном, жарком кольце, Ульянов, красный, с капельками пота, выступившими над верхней губой, торопливо прихлебывал ложечкой чай из стакана, сунутого кем-то ему в руки, и с задорной и счастливой искрой в глазах наблюдал взрыв речей и энергии, едва успевая кивать головой.

Герман Красин одиноко расхаживал по комнате, скрестив на груди руки.

Глеб настиг его и схватил за рукав.

— Были декабристы. Народники. Народовольцы. История выдвинула пролетариат на авансцену. Если мы, марксисты, не хотим тащиться в обозе... Быть или нет?

— Быть. Сколько нас?

— Столько, сколько потребует дело рабочего класса!

— Н-не знаю. Увидим.

Глеб махнул рукой и оставил его: все-таки у этого человека дар охлаждать. Глеб вернулся к Ульянову.

...После собрания расходились группами. Хозяйка задержалась в гостях, и сестры Невзоровы нагромоздили на кухонном столе стаканы, чашки, тарелки с остатками бутербродов, создавая видимость недавней пирушки. Владимира Ильича снова провожал Герман Красин, молчаливый, рассеянный. Долго искал на вешалке шарф, свалил на пол чье-то пальто.

Владимир Ильич оделся, надвинул шляпу на лоб, сунул руки в карманы.

Он был весел, лукаво-смешлив, и всем казалось, что они давно-давно с ним знакомы и близки. Может ли быть, что кружок когда-то жил без Ульянова?

— А пирушка удалась,— кивая на кухонный стол, щуря левый глаз, улыбнулся он Невзоровой.

— Будьте осторожны! Пожалуйста! — вырвалось у Невзоровой.— Будьте осторожны,— повторила она Глебу, прощаясь.

Кржижановский, Сильвин и Ванеев вышли из дому последними.

Ветер разбуянился к ночи и, со свистом гуляя вдоль линий, продувал насквозь весь Васильевский остров, у берегов которого тяжко бились о камни ледяные волны Большой Невы и залива. В бурном небе качалась луна, то ныряя в глубину облаков, то застыв в синеве, и от света ее ночь, казалось, была холодней, а пустынность улиц опасней.

Позади дома Невзоровых поднимал в летящее небо немые, темные трубы завод.

— Капитализм, бьет твой час,— сказал Глеб.

— Не советую рассуждать, не время,— строго остановил осторожный Сильвин.

Но улицы почти безлюдны. Вдалеке плетется пустая извозчичья пролетка. Ночной дворник в белом фартуке шаркает метлой возле ворот.

Все же они шли молча.

«...Вызвать к жизни социалистическое рабочее движение в России»,— мысленно повторял Кржижановский. В судьбе их кружка в этот вечер ноября месяца тысяча восемьсот девяносто третьего года определился поворот, он это знал. И то же чувствовали, думали и знали Михаил Сильвин и Анатолий Ванеев.

Седьмая линия вывела их к набережной. На углу Линии, возле дома академиков, Глеб сказал товарищам:

— Стойте!

Как ни остерегался Сильвин лишних разговоров на улице, Глеб не мог удержаться. Они стояли как раз рядом с мраморной доской, прибитой на стене дома академиков и показывавшей уровень наводнения 1824 года.

— Изрядно разбуянилась здесь когда-то Нева,— промолвил Сильвин, заметив приближающегося из-за угла человека в пальто с бобровым воротником. На всякий случай он произнес эту безопасную фразу и приложил палец к губам, испугавшись выражения озорства и восторга на лице Глеба.

— Кто скажет буре: стой на месте! — громовым голосом воскликнул Кржижановский.

Человек в бобровом воротнике скользнул взглядом по доске, очертившей уровень грянувшего когда-то здесь бедствия, и равнодушно отвернулся. Он медленно удалялся, и даже на спине его, казалось, было написано выражение скучающей праздности.

Когда спина скрылась, Глеб сорвал с головы шапку, подбросил вверх и тихонько сказал:

— Да здравствует рабочая революция в России!

— Черт знает что! Мальчишество! — проворчал Сильвин, оглядываясь по сторонам.

— Пускай мальчишество!

Кржижановский обхватил друзей за плечи, они встали в кружок, почти касаясь друг друга головами.

— Слушайте,— быстрым шепотом заговорил Кржижановский,— все, что было до сих пор: книги, наши разговоры, рефераты, Маркс и Плеханов, — все было подготовкой.

— Да! — ответил Ванеев.

— Братцы, мне по душе пришелся Ульянов,— сказал Глеб.

Сильвин оглянулся. Набережная пуста, словно выметена. Гаснут в окнах огни. Ветер. Шумит Нева.

— Безобразие, называть имена на улице!

И, наклонившись к товарищам, тихо:

— Мне он тоже по душе! Помяните мое слово: этот человек даст всему направление.

Они постояли молча. Потом пошли к конке.

За Невской заставой

В Александро-Невской лавре звонили к воскресной обедне.

Мерно гудел большой соборный колокол в 800 пудов меди, в его торжественный гул вплетался высокий перезвон малых колоколов; над всей окрестностью разливался и властвовал утренний благовест.

По Старо-Невскому проспекту в пристойном порядке двигались коляски и кареты с кучерами в суконных кафтанах на козлах: важные лица из дворянской и чиновничьей знати следовали к литургии в Александро-Невскую лавру. Мелкие чиновники, чиновницы, гимназисты, приказчики и иной люд попроще шагали в храм божий пешком. На паперти набились калеки — здесь идет неслышная свара за переднее место, тянутся за подаянием изъеденные грязью и язвами, дрожащие от перепоя руки.

Блистает золотом иконостас в соборе, таинственно мерцают свечи, колебля кроткие язычки желтого пламени, душный ладан плывет из кадил, и митрополит в праздничном облачении, усыпанном жемчугом, возглашает под сводами храма:

— Ныне, и присно, и во веки веков...

В то время, когда благонамеренный Петербург, предвкушая после обедни воскресную кулебяку, слушал по церквам божье слово, неподалеку от лавры, где, обогнув ее, дорога сворачивает влево к Неве и, минуя знаменитые Калашниковские склады, переходит в изрытый ухабами Шлиссельбургский тракт, на разъезде одноколейки стоял паровичок с прицепным вагоном. Он давно тут пыхтел и дымил, дожидаясь встречного такого же паровичка, который за Невской заставой называют в народе «самоваром».

Несмотря на воскресное утро, вагончик полон. Необычное зрелище представлял со-

бой этот воскресный вагончик, пассажиры, вернее, пассажирки которого были, видимо, все между собою знакомы. Мужчин мало. Почти одни девушки. Скромно одеты, в драповых кофточках, темных шляпах без вуалек и перьев, иные в накинутом на волосы шарфе или платочке. Багаж у всех одинаковый. Одна держит в охапке перевязанную бечевкой кипу тетрадей, у другой связка книг или карта.

Нетрудно понять, что в вагоне собрались учительницы.

Они необычные учительницы, и машинист это знает. Машинист — видавший виды, бывалый человек с жесткими седеющими, насквозь прокуренными усами. Он высунулся по пояс из своего паровичка и на чем свет стоит честит стрелочника, что долго держит. Но стрелочник не может открыть путь, пока не подойдет встречный, и машинист в ожидании крутит цигарку и думает об учительницах, которые, он знает, выйдут все на одной остановке. От остановки полторы версты пешком в сторону, там воскресная рабочая школа. Таких школ три за Невской заставой. Учительницы съезжаются в воскресные школы из разных районов — с Васильевского острова, Пантелеймоновской улицы, с Литейного, Лиговки,— сначала долго трясутся на конках, потом на «самоваре» и, так как надо им всем в одно время, случается, своей компанией займут весь вагон. В воскресенье в этот час, кроме них, почти никто и не ездит.

Что-то доброе поднимается в душе машиниста, когда он думает об этих удивительных девушках, которых давно привык возить по одному и тому же маршруту, в будни вечером, в праздники утром. Никто им за работу в воскресной школе не платит. Никто их на работу не гонит.

Встречный наконец подошел, стрелочник перевел стрелку, паровичок фыркнул, дернулся, и вот уже колокольный звон, позолоченные купола Невской лавры и коляски с кучерами остались далеко позади. Мимо окон вагона побежали шитые тесом деревянные домишки с кустом чахлой сирени или голенастой осиной за палисадом, горбатые и кривые лачуги, среди которых, пораздвинув их, нахально выдвигается вперед доходный купеческий дом; бежали мимо немощеные улицы с дощатыми мостками вместо панелей, канавы, свалки, трактиры и фабричные трубы. Паровичок пыхтел вдоль Шлиссельбургского тракта за Невской заставой.

Город кончился. Против Семянниковского механического завода стоял когда-то пограничный шлагбаум, за которым встречали ямщиков чистое поле да поросшие ольхой трясины вдоль низких берегов Невы.

Сейчас навстречу паровичку через каждые две — три версты встают фабричные и заводские корпуса, все на один фасон: приземистые красные кирпичные стены, зарешеченные окна, ворота, обшитые железом.

От завода к заводу тянутся села. Фарфоровый завод — село Фарфоровое, Александровский завод — и село Александровское. Здесь, в селах, не пашут землю. Зимой и в глухое осеннее время задолго до света раздастся протяжный, охрипший от натуги гудок и повиснет над сонными хибарами: это первым заговорил Обуховский завод, будя тысячи рабочих к станкам. Тотчас подхватит другой, третий, и десятки заводских гудков на разные лады огласят ночь. Тягуче воет, скликая своих рабочих, прядильная мануфактура Максвелля; у завода Аристова голос гнусавый и сиплый, словно с простуды; тонкий свист Невского Стеаринового, будто боясь, что обгонят, вырывается из общего хора, захлебывается, гаснет и опять, как кнутом, хлещет воздух; с правого берега Невы угрюмо наплывает одинокий бас суконной фабрики братьев-англичан Торнтон. Она стоит там, как тюрьма, на отшибе, обнесенная крепостной стеной. Пустыри вокруг, болото да темная большая Нева...

Из окна вагончика все время видно Неву. Она затянулась у берегов неверным осенним ледком; посредине, над тяжелой, свинцового цвета водой низко несутся клубы белого пара.

В вагоне до самой остановки не умолкают разговоры. Возле немолодой учительницы, внешним своим видом неуловимо от других отличавшейся, собралась компания. Женщина за сорок лет, с черными, как вороново крыло, волосами, энергичным лицом, которому неправильность черт и ироническое выражение глаз придавали особую какую-то характерность, Александра Михайловна Калмыкова, всегда в кругу молодежи. Невзорова и Якубова чуть не с бою заняли места на скамейке против нее. Рядом, обхватив обеими руками кипу книг на коленях, устроилась невысокая, узенькая в плечах, молчаливая девушка. Серьезный взгляд чуть суженных глаз и линия губ, говорящая о характере сдержанном, придают всему ее облику выражение строгой юности.

— Надежда Константиновна, Крупская, к нам! — зовут девушку из другого конца вагона.

Но нет, так уютно и весело в калмыковской компании!

— Поздравляйте! — смеясь, рассказывала Калмыкова.— Вернее, сочувствуйте. Недавно приезжает ко мне граф Гейден, по секрету, с конфиденциальной бумагой. Остеречь прикатил! Ставят графу на вид, что в Вольном экономическом обществе, где наш граф — председатель, при его попустительстве подвизается в общественной деятельности зловредная личность. Она самая, я! Дожили! Неблагонамеренной стала.

— Чем вы властям не угодили, Александра Михайловна? — притворно удивляется Невзорова.

— Не иначе, складом? — улыбнулась Крупская.

— Вот, вот! Это самое мое издание и стоит поперек горла властям.

— Ах, да только ль оно!

Между тем паровичок остановился, и пассажиры заторопились к выходу. Выйдя из вагона, Невзорова незаметно отделилась от Калмыковой, пропустив подружек вперед. Замешкалась и Крупская.

— Надежда Константиновна!— окликнула Невзорова. Они обе так молоды, что полное имя как-то не очень с их возрастом вяжется, но здесь, за Невской заставой, они учительницы. Группы рабочих по дороге в школу догоняют и обгоняют их, слышно то и дело:

— Надежда Константиновна, здравствуйте!

— Здравствуйте, Зинаида Павловна!

Сегодня им надо остаться вдвоем, они избегают попутчиков.

— Прочитали о рынках? — улучив момент, тихо спросила Невзорова.

— Да. Передала рукопись дальше. Большое впечатление! Очень! Кто он?

— Приезжий волжанин. Брат Александра Ульянова. Слушайте, Надя...

Крупская выронила книгу, нагнулась поднять и нарочно упустила на землю всю связку.

— Надо сообщить всем, чтобы созвали самых надежных рабочих,— поспешно говорила Невзорова, тоже нагнувшись и помогая ей собрать книги.— Места встреч намечены. Время назначено. К ним придет «Григорий Иванович». Это Глеб Кржижановский. Начинаем организовывать широкие связи с передовыми рабочими. Задача? Пропаганда марксизма! Понимаете, Надя?

— Его план? — шепотом спросила Надежда Константиновна.

— План принят всеми. Руководители распределены по кружкам. Все продумано. Массовое рабочее движение! В Петербурге. В России...

Надежда Константиновна выпрямилась.

— Ладно, что закаменела земля, а то брякнула бы в грязь,— громко сказала она, заметив приближающихся людей, и, вынув из муфты платок, вытерла книги.

— Опять вы, как верблюд, нагрузились! — засмеялась Невзорова, отбирая у нее полпачки книг.— Лошадка вы рабочая, Надя!

— Чувствуется, он не отвлеченный человек. Все факты взяты из жизни,— говорила Крупская, думая о статье волжанина.

— Какое отвлеченный! Ведет в самую жизнь!

Они дошли вместе до школы и у подъезда расстались. Не надо, чтобы их дружба была слишком заметна. То, что связывает Невзорову с Крупской, для непосвященных тайна.

Школа размещалась на последнем этаже четырехэтажного доходного дома купчихи Корниловой. Здесь квартиры снимали рабочие. Дом битком набит людьми. Нары, койки, углы, любая щель, где может приткнуться человеческое тело,— всюду жилье; в темных коридорах играли чумазые, сопливые дети, дрались, ревели; бранились матери, разнимая ребят; едкий запах корыта, конопляного масла и лука садил из дверей на лестницы; лестничные площадки залиты помоями, липнет к подошвам грязь — и, как ни знакома была Невзоровой вся убогая эта обстановка, не могла она с ней примириться!

«Выкачивают из рабочих силы, всю душу, а что взамен? Дома даже нет! Койка на двоих, нары вповалку, каморка, набитая семьями. Свинство, а не человеческая жизнь».

Приходя сюда, Невзорова всякий раз невольно испытывала чувство вины в том, что свинство это существует и пока ничто не мешает ему существовать. Личная, Зинаиды Невзоровой, есть в том вина!

Она так подумала и тут же упрекнула себя: что пользы предаваться бесплодной чувствительности? Сердце — ненадежный помощник логике.

Но полно! Разве марксист должен жить только лишь разумом, велев сердцу молчать?

Невзорова остановилась отдохнуть на площадке: лестницы были круты, у нее билось сердце.

«Пропаганда марксизма. Соединение социализма с рабочим движением... Когда-нибудь, лет через пятьдесят, будут ли люди знать и думать о том, как происходило это в жизни?»

Впрочем, мысль о будущих поколениях и

Паровичок остановился, пассажиры стали расходиться.

их отношении к тому, что сейчас возникало и в чем она всеми силами хотела участвовать, скользнула в мозгу мимолетно. Зинаиду Павловну беспокоило сейчас больше другое: удастся ли поговорить с Бабушкиным? Бабушкин не ее ученик, но на сегодняшний урок, Зинаида Павловна знала, он к ней должен прийти.

Она передохнула и легко взбежала на четвертый этаж. Здесь размещалась рабочая школа. В классах тесно наставлены длинные скамьи и некрашеные столы, к потолкам на крючках подвешены жестяные лампы, которые вечером еле горят, задыхаясь в спертом воздухе, — так много набивается на уроках народу. Иной раз не хватает места сидеть, и люди стоят, переминаясь весь час с ноги на ногу.

Про воскресные школы, особенно про эту, Корниловскую, дом № 65, на всю Невскую заставу идет добрая слава, с каждым днем собирая в классы все новых рабочих. (Шестьсот человек!) За Невской заставой учеников воскресной школы уважительно называют «студентами». Рабочие-«студенты» за Невской — особый народ, самый цвет!

Невзорова прислушалась к гулу голосов, доносившихся из классов, где ученики собрались, но прежде заглянула в учительскую. Странное, можно сказать, курьезное положение у Невзоровой в школе. Она не утверждена инспектором народных училищ и преподает незаконно. Должно быть, в каком-то из списков, хранящихся в инспекторских секретных делах, против фамилии Невзоровой поставлена галка, что значит: знакомства? Связи? Настроение ума? Итог: по-до-зри-тель-на!

Поставив галку, инспектор не знает, что обведен вокруг пальца.

Официально группа числится за «законной» учительницей, которая появляется в школе не чаще двух — трех дней в году; «больного» педагога заменяет Невзорова, разумеется, с согласия заведующей. Заведующая воскресной Корниловской школой к политике равнодушна, но надзора и доносов не терпит, и талантливую учительницу, будь она трижды на заметке в инспекторских списках, ни за что не отпустит из школы. Так Невзорова и работает нелегально, учит рабочих тому, что по программе положено и что не положено. Считается, что Невзорова преподает географию. Она курсистка химического факультета, география не ее специальность; не удивительно, что Зинаида Павловна постоянно советуется о приемах методики. Чаще всего она совещается именно с теми учительницами, которые не выходят за рамки министерских программ, полагая святейшим своим долгом обучение рабочих грамоте. Но не больше. Культура, культура и еще раз культура — вот что единственно нужно для процветания отечества, всех его сословий!

Зинаида Павловна помалкивает. В последнее время за учителями воскресных школ усилилась слежка. Нет никакого резона вылететь за вольнодумство из школы, где ты и без того нелегальна. Именно теперь нет резона!

На всякий случай она старается объявить в учительской для всеобщего сведения тему сегодняшних занятий. Сегодня — география Франции. Рельеф местности, климат. Флора и фауна...

Уроки между тем начались. Зинаида Павловна вошла в класс. Новых людей в классе нет, все свои. Возможно, учащиеся позаботились специально, чтоб посторонних на уроке не было. Отлично! Можно поговорить по душам.

Бабушкин сидел на краю лавки. Взгляды их встретились. Бабушкин понял.

— Давайте помогу повесить,— непринужденно предложил он, увидя в руках ее карту, и, как мальчишка, вскочил, боясь, вдруг кто-нибудь опередит.

— Вешайте,— улыбнулась Зинаида Павловна, направляясь вместе с ним к доске и только там передавая карту. Она любовалась Бабушкиным: мужественное лицо, черты которого определенны и тверды, смелые линии бровей и неожиданно нежные, золотистого цвета глаза. Ему двадцать лет.

— После уроков надо увидеться,— шепнула Невзорова.— Наедине. Обязательно.

Он не кивнул, только чуть скованней стало лицо; он, как ни в чем не бывало, вешал карту на гвоздь. Умеет держаться. Молодец!

Зинаида Павловна обвела указкой контуры Франции и подошла ближе к своим ученикам. На первых словах голос ей изменил, стал каким-то чужим и негибким. Так бывало всегда. Чем большие надежды возлагала она на эти уроки, тем поначалу сильнее испытывала неуверенность и какую-то потерю себя. Хоть беги вон из класса: так неспокойно и страшно!

Но это продолжалось лишь несколько первых секунд.

— В ночь на 22 февраля рабочие старореспубликанских кварталов Парижа заняли площадь Согласия. Они пели «Марсельезу» и строили на улицах баррикады. В Тюильрийском саду жгли костры. В ночь на 23 февраля началось восстание...

Безмолвие класса, наступившее сразу, как сразу, без вступления, начался рассказ, мгновенно воодушевило ее. Она почувствовала внутреннюю свободу и легкость. Это было особое безмолвие, чудесно помогавшее ей говорить, думать и в то же время видеть всех своих учеников и даже отмечать про себя выражения лиц. Она видела: ее слушают внимательно и чуть удивленно.

На всякий случай Зинаида Павловна говорила вполголоса, встав от двери подальше.

В середине урока дверь приоткрылась. Бабушкин натужно закашлял, навалившись грудью на стол и вытягивая шею, чтобы увидеть, кто там, в коридоре. Чья-то книга шлепнулась на пол.

«Остерегитесь!» — предупреждали учительницу.

Она умолкла, сердце беспорядочно билось, чуточку она растерялась.

Кто-то за дверью подслушивает.

— Бретань отличается суровым климатом и диким пейзажем,— круто повернула беседу Зинаида Павловна и, подойдя к карте, обвела указкой: — Бретань...

Тогда в полуоткрытую дверь боком втиснулся человек, увалень с толстыми губами, такой добродушный и виноватый, что Зинаида Павловна освобожденно вздохнула.

— Ох, да то Никита Меркулов! — воскликнул Бабушкин. Это значило: не опасайтесь, Зинаида Павловна, свой.

— Больно тихо вы говорите, я маленько дверь и толкнул, услыхать, как дальше дело пойдет. А вы сейчас назад и попятились.

— Ладно ты, разговорчивый! — с грубоватой лаской оборвал Бабушкин.— Тебе вовремя велели приходить. Зря людей только пугаешь.

Он потеснился, пустив Никиту Меркулова сесть рядом на лавке.

Понятно: в школу привлечен новый ученик, и не из тех, кого надо обучать только грамматике и арифметическим правилам. Зинаида Павловна с любопытством приглядывалась к Никите Меркулову. У него был вялый, сонно-рассеянный вид, но соображал он живо и дерзко.

— Опять не добились победы? — спросил он, имея в виду ее рассказ о восстании французских рабочих.

— На этот раз нет.

— Рабочие баррикады построили, а хозяева все одно наверху, а рабочих опять же в подвал? Так?

— На этот раз так.

Он презрительно фыркнул, раздувая ноздри мясистого носа.

— Когда по-другому-то будет?

— Как сумеют рабочие, тогда и будет,— негромко сказала Невзорова, чувствуя колючий холодок, заливающий сердце: вот-вот разговор повернется на обсуждение рабочей жизни за Невской заставой.

Она держала наготове географическую указку, чтобы в случае налета инспектора вернуться к Бретани.

— Дядя о тебе позаботится,— насмешливо подхватил Бабушкин.— Мастер, к примеру. Поутру нынче мастер ваш на извозчике в лавру к обедне поехал. На из-воз-чи-ке! Во!

— Про то речь особая,— нехотя ответил Никита, ворочаясь на лавке и сопя, как медведь.

Зинаида Павловна догадалась: что-то тормозит разговор.

«Не надо рисковать,— решила она.— Ограничимся на этот раз борьбой французских рабочих».

...Необыкновенно блаженное чувство удовлетворения жизнью переживала она после окончания школьного дня. Уроки прошли без помехи; очень важное, новое узнали ее ученики.

Только вот с Бабушкиным переговорить пока не удалось.

Вышли из школы — зима! Пока они учились, земля покрылась чистым, голубеющим в ранних сумерках снегом, пепельное небо ближе склонилось к крышам, пахло той первой зимней свежестью, от которой как-то особенно бодро и радостно дышится.

Обычно ученики провожали учительниц до паровичка: самые задушевные и серьезные разговоры велись по дороге. Но сегодня, с первым зимним днем, Невзорова почувствовала себя бессовестно молодой и беспечной. Она слепила снежок, выбрала впереди, в толпе учеников, узенькую фигуру Крупской, нацелилась и — а, досада! — промазала.

Снежок угодил в какого-то парня; он со смехом тер обожженное ухо кулаком, не решаясь ответить учительнице, а вокруг началась перепалка, настоящий бой! Кого-то свалили в снег — куча мала! И пошло!

Во время этой перестрелки, когда снежки летели по всем направлениям, не разбирая, кто тут ученик, кто учитель, Зинаида Павловна и Бабушкин, естественно, оказались поблизости.

— Что я наделала! — воскликнула учительница.— Ридикюль в школе забыла!

Бабушкин понял знак.

Зинаида Павловна осталась ждать.

Им удастся переговорить наедине: паровичок уже пыхтел на остановке, сейчас повезет народ по домам. А Бабушкин и не покажется раньше.

Люди понемногу расходились, Невзорова одна стояла на дороге. Снег все синел, все ниже склонялось над крышами пепельное небо, в окнах кое-где загорелись огоньки.

Невзорова стояла и думала о том, какой значительный сегодня был день. Она знала, в школе велись не только уроки; тайно, неслышно шла другая работа. Крупская и Якубова улучили время перемолвиться с кем надо из рабочих. Назначены места встреч и явок, пароли, сроки занятий кружков...

Но вот в подъезде школы появился Бабушкин. Он разыскал ее ридикюль и бережно нес впереди себя на раскрытой ладони. Что-то весело-удивленное было в его таком еще мальчишеском лице, которому лишь твердая линия рта сообщала решимость.

— А чуть не испугались вы нынче, как Никита дверью-то скрипнул. Вошел бы инспектор, было бы за французскую революцию нам!

— Польза от нашей школы большущая,— подхватила Невзорова, решив без промедлений перейти к тому важному делу, за которым ей нужен был Бабушкин,— а в классе все-таки не переговоришь обо всем. О самом главном не договариваем.

— Что под главным понимать?..

— Вот в кружке, где все люди известны,— продолжала Невзорова, внутренне улыбаясь его осторожности.

— А вы разве что слышали? — подозрительно перебил он.

У них был тайный кружок, но Бабушкин избегал о нем говорить даже с этой славной учительницей.

— Вам нужен верный руководитель круж-

ка,— настойчиво продолжала Невзорова.— Есть такой человек.

Они разом, бегло и зорко огляделись по сторонам. Никого поблизости не было.

— Слушайте внимательно, Бабушкин. Велено вам передать. Придет человек и скажет: «Здравствуйте, я Федор Петрович». Вы ответите: «Заждались мы вас».

Бабушкин вопросительно поднял брови, но она ничего не добавила.

«Тот ли это Федор Петрович, про которого нас уже Василий Шелгунов извещал? — раздумывал Бабушкин.— Откуда бы ей о нем знать? Нет ли чего тут?»

Он настороженно вглядывался в молодое, милое лицо учительницы и мысленно спорил со своей подозрительностью. «Полно! Ежели с двух сторон про одного человека знак подан, стало быть, стоящий. А на учительницу эту положиться можно: своя!» — решил он с внезапно сильным чувством доверия и уважения к Невзоровой.

Он проводил ее до остановки. Подошел новый паровичок с прицепным вагоном. Невзорова поехала домой, через весь Петербург, на Васильевский остров.

В Александро-Невской лавре опять звонили колокола. К вечерне.

«Заждались мы вас»

Бабушкин работал слесарем на Невском механическом заводе, который по имени владельца назывался Семянниковским, а жил неподалеку от завода, на Шлиссельбургском тракте за Невской заставой, в невзрачном домишке под дранкой, с русской печкой, где у заслонки шуршали шустрые тараканы и пахло парным молоком и свежевыпеченным хлебом. Хозяйка, вдова заводского конторщика, была одинокой старухой, держала корову и сдавала лишнюю комнатенку жильцу. Бабушкин снимал у нее горницу с отдельным ходом прямо из сеней. Это было удобно. Что за народ к нему ходит, зачем, хозяйка не любопытствовала. Она была нелюдима, с соседями знакомств не водила, да и с жильцом заговаривала только по делу.

Квартира как нельзя более подходящая. Бабушкин платил восемь рублей в месяц.

Готовясь к сегодняшней встрече, он пережил столько славных мыслей, что с самого утра настроение у него было приподнятое. День был воскресный, все вокруг празднично, и Бабушкин в ожидании встречи оделся насколько возможно приличней, даже щеголевато — в крахмальную рубашку с бантиком и в новую пиджачную пару.

Когда под вечер, к назначенному часу, стали собираться товарищи, настроение у Бабушкина немного подпортилось: все были одеты просто, он один разрядился в крахмалку. Но он постарался скрыть свое смущение, пропустив насмешку Никиты Меркулова мимо ушей.

— Уж не барышень ли ждешь?— съязвил Никита.

— А если б и так?

С Меркуловым они стали друзьями после одного разговора, из которого выяснилось, что Никита также ищет смысла жизни и читает книги о борьбе классов. Одну такую книжечку, «Ткачи» Гауптмана, они читали вместе целую ночь и в эту ночь оба словно второй раз родились на свет.

Сегодня на собрание кружка пришло шестеро рабочих с разных заводов и фабрик, известные Бабушкину люди, но не все между собою знакомые. Из конспиративных соображений он не торопился их между собою знакомить, и оттого беседа на первых порах не налаживалась. Только Никита, прохаживаясь взад и вперед по горнице, вполголоса бормотал стихи:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром...

Дойдя до порога, он поворачивался и как бы нехотя, сонным взглядом окидывал лица людей. Видно, товарищи показались ему подходящими или забрали за живое стихи, только под конец он уже не бормотал, а говорил с чувством, нажимая на каждое слово:

Да, были люди в наше время!
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не вы!

Как раз в это время появился человек, которого они дожидались; несмотря на мороз, он был в осеннем пальто и в мягкой шляпе с полями и вошел в дом свободно, как будто не раз здесь бывал.

— Так уж и перевелись на Руси богатыри? — со смешинкой в чуть раскосых быстрых глазах с ходу вступил этот человек в разговор.

Лектор с таким вниманием слушал, что хотелось ему выложить все, что есть на душе.

Никита Меркулов, приняв с приходом постороннего свой обычный лениво-задумчивый вид, медлил ответить.

— Здравствуйте. Я Федор Петрович,— сказал пришедший, протягивая ему руку.

— Здравствуйте,— сказал Никита, колеблясь, назваться или нет. Он не стал называться и, медленно подбирая слова, возразил: — Если брать в соображение физическую силу, так в его величества гренадерском полку, что охранять государеву персону приставлен, богатыри на подбор. Толку что с таких богатырей?

Пришедший молчал, слегка улыбался, а Бабушкин вдруг спохватился, что не произнес пароля. Его обдало жаром, и, выступая вперед, он сказал лектору:

— Мы вас заждались.

Ему показалось, лектор неодобрительно оглядел его праздничную рубашку с бантиком. Должно быть, он принял за хозяина Никиту Меркулова, и тот со своими умными рассуждениями больше пришелся ему по душе.

«Надоумила нелегкая вырядиться!» — ругал себя Бабушкин, вообразив, что и сам он и его жилье произвели на лектора отталкивающее впечатление. В красном углу его горницы перед киотом слабо чадила лампада. Киот был хозяйский. За лампадой следила хозяйка, а Бабушкин не вмешивался, чтобы не вызывать подозрений. К стене прибит портрет царя и царицы; под портретом, в пазу между бревнами, спрятана брошюра против царей, но ведь лектор про это не знает.

«Составил, наверное, мнение, что в отсталой среде очутился»,— с досадой подумал Бабушкин. Он пришел в еще большую досаду, когда лектор, вместо того чтобы приступить к чтению политической лекции, которой все с нетерпением ждали, нацелил прищуренный, с лукавинкой взгляд в его накрахмаленную грудь и спросил:

— Жалованья на жизнь хватает?

Лектор задел самую больную струну. Как говорится, попал прямо в точку.

Никита, который только что сам посмеялся над крахмалкой Бабушкина, сейчас, раздувая ноздри, недружелюбно буркнул:

— Трудно оно нам достается!

Он исподлобья глядел на лектора, видно, готовясь к жестокому словесному бою. И Бабушкин невольно весь закипел, смущение его испарилось.

— По крахмалке о нашей жизни не судите,— веско возразил он пришедшему.— Есть другие убедительные факты. Вот вам один. Сколько дней по календарю в месяце? Тридцать? Ну, а у нас на заводе счет свойский.

— Сядем, товарищи? — предложил лектор.

Простота его располагала к себе, и Бабушкину захотелось раскрыть интеллигенту глаза на их действительную рабочую жизнь. Он знавал интеллигентов, которые приходили к рабочим учить их борьбе, а кончалось ничем из-за непонимания жизни.

Не такой ли и этот?

Они уселись за стол, посадив лектора в красном углу, под киотом. Бабушкин взял и задул лампаду.

— Напрасно,— сказал лектор.— Хозяйка заметит, рассердится.

Оказывается, он об этом догадывался. У Бабушкина в ответ шевельнулась симпатия к лектору.

— Отговорим и зажжем,— махнул он рукой.

Он торопился начать разговор о том, из-за чего они здесь сошлись. О борьбе рабочих на Западе, хотя урывками, таясь от инспекторов, рассказывали иногда на уроках учительницы, и в книгах об этом читали, и говорили между собою с товарищами. В своей, русской жизни разобраться пора!

Бабушкин говорил несвободным, тугим языком; мысль его жила ярче, чем слова; даже капельки пота выступили у него на висках — так он старался нарисовать картину рабочей жизни сильно и ясно, чтобы все поняли: надо искать выход.

Невская застава с полвека назад тесно обстроилась фабриками. Заводские корпуса растут, рабочих все прибавляется, тысячные рабочие армии за одной только Невской заставой!

А права у рабочих?

— Возьмите торнтоновцев,— вставил Никита,— их за Невой, как скотину, в ограду согнали, так в крепостной неволе и держат.

— Нам, семянниковцам, полегче,— продолжал Бабушкин, в возбуждении дергая воротник рубашки, так что сбил наконец свой бантик набок.

— Легкая наша жизнь на Семянниковском заводе! В месяц каждому по сорока пяти рабочих дней набегает. Что ни день, то «полно́чь» или «ночь». Отработаешь двенадцать часов, тебе еще полсмены добавят. Гудок прогудел, а тебя на запор. Номерок заарестован у мастера. Поди, высунься из завода без номера! По восемнадцати часиков в смену откалываем.

— Тут было одного из цеха без памяти выволокли,— вставил Никита.— Угорел от работы.

— Угоришь!

Они обращались с рассказами к лектору: самим-то им знакома-перезнакома их жизнь.

Лектор с таким вниманием, так пристально слушал, что хотелось выложить ему, что есть на душе, без остатка.

«Хороший интеллигент»,— вдруг подумал Бабушкин, подчиняясь чувству симпатии, которое непреодолимо в нем вызывал этот совсем еще молодой человек с большим, выпуклым, спереди заметно лысеющим лбом. Бабушкина томило любопытство: «Как он заговорит? О чем? Что он знает? Чему их будет учить?»

— Отчего же капиталисту прибыльнее заставлять одного рабочего работать сверхурочно 18 часов, чем держать двух рабочих? — неожиданно спросил лектор.

Отчего? Они стали обсуждать этот вопрос.

Лекция началась незаметно. Бабушкин не сразу догадался, что обыкновенная беседа о его, Никиты Меркулова, и других рабочих жизни и есть занятие кружка по вопросам политической экономии — о капитале, прибавочной стоимости и заработной плате. Лектор не прибегал к ученым словам, не справлялся ни с какими бумажками, да и лекции, в сущности, не было; они сидели за столом и беседовали на понятные всем и жгучие темы. Оказалось, «интеллигент» основательно знает рабочую жизнь и, что всего поразительней, знает про нее то, что им и самим еще было неясно.

«Капиталисты и рабочие врозь. Правительство на стороне капиталистов. Все так и есть,— думал Бабушкин.— А вот дальше-то что?»

— Капиталисты никогда не дадут рабочим права. Сам рабочий — борец за свое освобождение,— сказал лектор.

Каким-то странным образом лектор подслушивал его, Бабушкина, собственные мыс-

ли, улавливал их и давал им ясный и решительный ход. И оттого, что занятие это было необыкновенно, у Бабушкина пылала голова.

Теперь лектора не перебивали вопросами. Все, кто сошелся в кружок Бабушкина, хотя и были еще молодыми рабочими, знали о рабочих стачках, особенно за Невской заставой,— на Ижорских заводах в посаде Колпино, на Торнтоновской фабрике, а уж про Семянниковский завод и говорить не приходится, столько бывало там бунтов! Но лектор рассказывал не только о Невской заставе. Говорил он не общими словами, от которых гаснет сердце, а мозг устает, так что вдруг и думать не хочется,— у него, что ни слово, то факт или целая картина. В Москве, на мануфактуре Тутикова, стачка; на Ярославской мануфактуре стачка; на Нижне-Тагильском чугуноплавильном заводе волнение; в Егорьевске на мануфактуре стачка... Выходило, по всей стране бушуют рабочие силы.

— А победы все нет,— сказал Никита Меркулов.

Лектор с интересом на него посмотрел. Видимо, ему нравились споры. Он подхватит вопрос, словно брошенный мяч, и сейчас отразит.

— Пока рабочие не знали науки революционной борьбы, победы и быть не могло.

«А, значит, есть такая наука! Давайте-ка ее сюда поживей! Что волыним? Чего дожидаемся?»

Так думал Бабушкин с необыкновенной радостью, словно впервые ощущая сегодня свое здоровье и молодость; жизнь казалась ему бесконечной, революционная борьба по плечу; кружилась голова от желания подвигов.

Но работа, которая им предстояла, требовала умения, знаний и выдержки, и на долгие годы...

На прощание лектор велел рабочим приглядеться в цехах к народу, искать подходящих людей и оставил для чтения брошюру.

Бабушкин спрятал брошюру за царский портрет и засветил перед киотом лампадку.

— Утром зажег бы,— конфузясь за него перед лектором, сказал Никита.

— А масло? Она по маслу увидит, сколько горела.

Лектор рассмеялся. Он так весело хохотал, что даже несмешливому Никите стало смешно.

— Вы, видать, молодой, а голова вроде лысеет,— ни с того, ни с сего брякнул он.

Лектор взялся за свой большущий лоб, Бабушкину показалось, смущенно.

— Со лба от ума,— стараясь замять неловкость Никиты, сказал Бабушкин, а лектор рассмеялся еще веселее. Он очень понравился рабочим. Разумный человек! Горячий. И все в нем понятно.

Бабушкин предложил проводить лектора до остановки.

— Спасибо, не надо,— отказался он.— Осторожно, товарищи!

Он немного картавил.

— Речь-то у вас какая приметная,— заметил Бабушкин.

— А вот это плохо. Очень плохо!— огорчился лектор.— Неужели уж такая приметная?

Они вышли в сени. Бабушкин нащупал на двери щеколду, отпер, стараясь не загреметь; они ступили на крыльцо.

Им открылась бесшумная светлая ночь. Хрустел под ногами снег. Крыша сарая, в шапке рыхлого снега, со стороны, обращенной к луне, струилась текучим светом — там, казалось, происходило движение, что-то искрилось, гасло, мерцало. Игра на снегу лунного света казалась таинственной, и поселок с погасшими окнами и безмолвие ночи были тоже необычны, таинственны.

Стоя на крыльце, Бабушкин следил за удаляющимся силуэтом человека. Было так тихо, что долго отчетливо слышались одинокие шаги на звонкой от мороза дороге.

Идти далеко. Час поздний, паровичка дождешься не скоро. Бабушкин представил, как неуютно и холодно сейчас в полупустом вагоне; паровичок медленно тащится вдоль сонных улиц, мертвенно белеет позади улиц замерзшая Нева. Пока-то невский «самовар» доплетется до города! Там пересадка на конку. Уже и в городе ночь. А поджидает ли кто дома?

«Как его зовут? — раздумывал Бабушкин, догадавшись, конечно, что лектор пришел к ним в кружок под чужим именем.— Кто он? Откуда? Как он живет?»

Отчего-то Бабушкину хотелось знать о нем все: его обыкновенную человеческую жизнь, обыкновенные огорчения и радости. И в то же время он неожиданно думал: «Однако Никита неверно про богатырей заключил. Богатыри переведутся — тут тебе и жизни конец».

(Окончание в следующем номере).

Гость из Яз-Явана

Рассказ Эдуарда Бабаева. **Рисунки Ф. Глебова.**

Митя проснулся и открыл глаза. И сразу стало слышно, как бабушка накрывает стол для завтрака. Сквозь стекла закрытых на зиму окон прямо в лицо ударили солнечные лучи. Митя зажмурился, но сон оборвался. Митя уже не видел, а думал про то, что ему приснилось. Открытый автомобиль мчится по степи, а папа стоит во весь рост, кричит громким голосом и размахивает арканом. Впереди бежит волк. Папа бросает аркан — и волк падает на землю. Митя засмеялся и быстро вскочил с постели. Сегодня понедельник. Вчера папа был на охоте. Теперь он уже ушел на работу, а дома осталось ружье, пахнущее порохом, куртка, патронташ, сапоги, высокие, как у великана. Бабушка заглянула в комнату и сказала:

— Митенька, тут к тебе новый знакомый пришел.

Митя почувствовал, что бабушка его морочит, как маленького, и даже не стал спрашивать, что за новый знакомый такой. Он только сказал сердито:

— Никогда не разбудят сразу!

Проспать до позднего утра, когда там кто-то новый! Чулки, башмаки, рубашка так и мелькали в его руках.

Митя распахнул дверь и застыл на пороге. В комнате никого не было. Возле дивана лежала коричневая вислоухая охотничья собака Висла. Она и ухом не повела, даже не взглянула на Митю. Висла вообще его не признавала. Он старался подавать ей команды в удобное время. Когда Висла сидела, он кричал ей: «Сидеть!» Когда Висла лежала, он приказывал ей: «Лежать!» Висла глядела на него насмешливо, не мигая. А теперь она делала вид, что ничего не случилось. Но Митя чувствовал, что Висла знает, в чем тут дело.

Наконец появилась бабушка с чайным полотенцем на плече. Она вытирала большую белую кружку, в которую всегда утром наливала из глиняного кувшина молоко на завтрак.

— Иди умывайся, Митя, и садись завтракать.

Митя в два прыжка оказался возле Вислы и сел на нее верхом. Висла заворчала и забила хвостом об пол. Митя дал ей встать и опять уселся на ее спину.

Висла провезла его два шага по комнате и сбросила на пол.

— Где новый? — кричал Митя, падая под стол.

Висла открыла дверь лапой и спокойно ушла на кухню.

— Ничего с ним не случится, обождет,— ответила бабушка.— Садись к столу. Да где ты там?

Митя думал, сидя на перекладине под столом: «Кто обождет? Почему обождет? Может быть, папа привез с охоты волка?» Митя вспомнил сон. По рукам побежали мурашки.

— Он в клетке? — наконец спросил Митя.

Бабушка засмеялась:

— В клетке?! Нет, я даже веревку с его шеи сняла.

Что ж, бабушка могла бы сделать это и с волком! Папа рассказывал, что она во время войны была партизанкой и жила в лесу.

Наверное, заставляла партизан по утрам пить молоко. Митя вылез из-под стола.

— И он не кусается?

— Не кусается.

— И его можно погладить?

— Можно погладить.

— Его папа с охоты привез?

— Умывайся и садись завтракать, а то так до вечера и не увидишь его.

— Хорошо,— сказал Митя.— Только ты его опять на веревочку привяжи.

* * *

Бабушка сняла замок с дверей сарая и позвала Митю:

— Входи, не бойся.

В темном сарае без окон послышался шорох и легкий стук. Митя заглянул в открытую дверь. Там стоял он на тонких ножках, повернув голову на высокой шее и глядя на незнакомых людей внимательными черными глазами. Джейран с острыми прутиками-рожками был похож на вишневое деревце, выросшее в тугаях Яз-Яванской степи.

— Вот я уж так и знал! — сказал Митя.

Он сорвал с головы теплую шапку и бросил ее к потолку. Джейран метнулся, как от коршуна, и прижался к неровной стенке саксаула, сложенного в сарае.

— Да ты ошалел, что ли? — недовольно сказала бабушка.— Совсем перепугал его. Смотри, это наш гость из Яз-Явана. Он совсем еще маленький. Надень шапку!

На дворе был легкий морозец. Бабушка разрешила выпустить джейрана во двор. Митя забрался на забор и криком своим собрал всех мальчишек с улицы. Вскоре забор был усеян приятелями Мити. Они во все глаза глядели на джейрана: может или не может он перепрыгнуть через забор? И куда он пойдет, если перепрыгнет? Асан Ганиев, мальчик из соседнего двора, сидел на заборе, скорчив ноги, и ему было очень удобно. Катя держалась за плечо Асана и все спрашивала:

— Митя, он ручной?

— Он дикий,— ответил Митя и спрыгнул на землю.

Митя позвал джейрана:

— Дружка, Дружка!

Но дикий джейран настороженно кружил по двору, то принюхиваясь к воздуху, то трогая копытцем камни. Митя стоял у высокого глиняного очага, на котором соседка тетя Ойниса летом готовила еду.

— Дружка! — еще раз позвал Митя и двинулся навстречу джейрану.

И вдруг дикарь, повернувшись всем телом, склонив рожки, бросился на Митю.

— Ай! — крикнула Катя.

Митя от страха присел за очаг.

Мелькнуло в воздухе тело джейрана. Он перескочил через голову Мити и снова, повернувшись, направил на него свои острые рожки. Митя перебежал на другую сторону очага, и снова перескочил через его голову Дружка. Мальчики и девочки на заборе стали смеяться.

А Митя не помнил себя и старался лишь не потерять из глаз Дружку. Где-то за его спиной хлопнула дверь. Дружка метнулся в сторону. Мальчишки посыпались с забора. Митя вдруг ясно увидел, словно у него на затылке были глаза, как Висла бросилась

вперед. Он закричал что было сил и побежал за джейраном. Но Висла, опередив Митю, в два прыжка догнала джейрана и схватила его зубами за сухую ножку. Дружка упал на грудь и, заломив голову, глядел на желтые длинные клыки собаки. Тут подоспел Митя и свалился на Вислу, колотя ее руками.

— А!.. А!..— кричал Митя, и голос его дрожал.— А!..

Висла бросила джейрана и убежала на согнутых ногах, боком, спрятав хвост и оглядываясь. Митя присел над джейраном и гладил его темную густую шерсть. Дружка вытянул мордочку к переломленной ноге и языком слизывал кровь.

Дружку принесли домой. Бабушка приложила тонкие палочки к его ноге и крепко забинтовала. Висла забилась под папину кровать и не показывалась оттуда. Пришел Терентий. Так зовет его бабушка. Они с ней из одного города, где жили раньше, очень давно, еще до войны. Мите Терентий не нравится. Он любит говорить: «Я знаю, где раки зимуют». Так всегда говорят взрослые, когда хотят показать, что они много знают. Терентий тоже занимается охотой: он привозит уток, диких гусей, фазанов и продает их на базаре.

Вот он пришел, сел на табуретку в кухне.

— Вот горе-то, Терентий! — сказала бабушка.— Висла загрызла козленка. Как думаешь, выживет он?

— Дело понятное. Собаке он что? Дикий козел,— значит, взять его надо. И чего это вздумалось Алексею везти домой джейрана? Нашел его в степи случаем, да и нà тебе, привез домой. Неприятности могут быть. Скажут, забил матку, да и козленка прибрал к рукам. А бить джейранов запрещено. Браконьерство.

— Алексей и не бьет джейранов. И козленка случайно нашел. Искал селезня в заросли. А козленок в орешник забился — вот он и взял его.

— Да я-то знаю, а другим поди доказывай. Что́ у нас здесь Аскания-Нова? Да и не выживет козленок. По-моему, самое верное — забить его. Мясо, что ж, и продать можно.

Бабушка сказала:

— Жалко.

Митя хотел поглядеть на Терентия. Но Терентий как-то весь расплылся и стал одним темным пятном. Митя заморгал часто, и ему стало жаль папу, Дружку и еще кого-то, наверное, самого себя.

— Не плачь! — сказала бабушка.— Видно, так тому и быть. Гляди, как повязка кровью набухла... Ты, Терентий, можешь...

Митя бросился вон из комнаты.

* * *

Митя бежал по улице. Из-под ног брызгами взлетал мокрый снег. Желтые глиняные мокрые дувалы, голые деревья, сторонящиеся встречные — все мелькало перед глазами мальчика. Он забыл надеть шапку, и его прохватывал холодный, сырой ветер. Дружка, Дружка! Терентий уговорит бабушку и убьет его. Проехала машина, другая, сигналя на поворотах. Никто не догадается взять Митю. Все спешат по своим делам, и нет ни у кого такого спешного дела, как у Мити. Дружка, Дружка! Терентий, может быть, уже ищет свой охотничий нож. Зачем он пришел? Ведь его никто не звал! Вот если бы бабушка не жила в этом далеком городе до войны, она бы не знала Терентия, он бы не пришел теперь, и Дружка остался бы жить. В будущем году, как идти в школу, можно было бы взять его с собой.

Митя вбежал в дом, поднялся на второй этаж, в комнату, где папа с другими, незнакомыми, что-то писал на больших листах бумаги.

— Дружку убивают! — закричал Митя, бросаясь к отцу.

Все повскакали с мест, сделался переполох. Какой-то человек шагнул к двери с длинной линейкой, как с саблей, в руке. Торопясь, путаясь в словах, Митя рассказал о случившемся. Папа сразу все понял, он только переспросил:

— Висла? Джейран? Терентий? — И сказал: — Скорей!

Возвращались в машине. По самой середине дороги пролетали мимо глиняных сырых дувалов и голых деревьев. Скорее, скорее домой!

* * *

Папа прогнал Терентия. Когда мама вернулась с работы, она сказала:

— И правильно сделал!

А Дружка скоро поправился. Больше всего он привязался к бабушке, брал у нее из рук хлеб. Когда появилась первая зеленая трава, Митя стал сам кормить Дружку. Приближалась настоящая весна, с горячими днями и чистым небом. Дувалы просохли, и деревья зазеленели.

Асан сидел на глиняном айване в глубине соседнего двора и пел песню. Он длинно тянул окончания слов. Митя присел рядом с Асаном. Он не мог разобрать слов странной песни. Асан был старше Мити. Он уже третий год учился в школе.

— Что ты поешь? — спросил Митя.

— Так,— ответил Асан.— Старая узбекская песня, отец говорит. А я не знаю, старая она или нет. Отец сказал: джейрана весной надо в степь пускать.— И Асан снова запел.

Мало ли что сказал отец Асана! Дружке дома лучше, чем там. Митя не хотел говорить об этом и попросил:

— Расскажи, что ты поешь.

— Это песня такая. Я не умею рассказывать. Там говорится про журавля. Ой-ой-ой, прилетел журавль. Я возьму камышинку, сделаю дудочку и буду петь: прилетел журавль. Я пойду к реке на остров и буду петь о том, что прилетел журавль. Где он был зимой, я не знаю, а теперь он вернулся к нам. Пой, моя дудочка, пой: прилетел журавль... Нравится тебе?

— Это же не песня, а просто так ты рассказал.

— Ну, я спою еще раз, хочешь?

— Спой...

Асан снова запел. А Митя представлял, как прилетел журавль куда-то и где он был зимой. Мите было грустно, а песня была веселая. Асан растягивал окончания слов.

* * *

За обедом Митя сидел скучный, ел мало, все хотел спросить папу, что будет с Дружкой, и не мог. А папа сам сказал об этом:

— Весна! — Он говорил просто так, ни к кому не обращаясь.— Теперь в степи трава пошла в рост. Уж кто степной житель, тому степь милей.

— Не отдам Дружку! — буркнул Митя и стал сердито сползать со стула.

Ночью Митя спал плохо. Ему снился тревожный сон. По степи идет Дружка. Медленно поворачивается ключ, и раздается звонок.

Дин-дин-дин.
Я совсем один.
Не найти во мраке,
Где зимуют раки.

Вдруг из зарослей орешника выбегает волк. На его шее обрывок веревки. Волк бросается на Дружку. Но потом волк вдруг превратился в Вислу, и Митя прогнал волка домой. А звон все громче. Это звонит будильник. Все в доме уже на ногах. Во дворе стоит машина, и папа снимает со стены двустволку.

— Вставай! — кричит он Мите. — Поедем провожать Дружку.

* * *

В степи уже была настоящая весна. В тугаях звенели чирки и кеклики, низко пролетали утки над скрытой в ивняке водой. Земля, покрытая первой порослью, просвечивала сквозь зелень коричневым загаром. Солнце припекало. Погода установилась надолго. Широко раскинулась земля Туркестана, Яз-Яванская степь. Митя уходил все дальше от машины, где остались охотники с ружьями и собаками. Он обеими руками обнял за шею Дружку. Окрепший и выросший за зиму джейран перебирал ногами, ровно втягивая через тонкие ноздри степные тревожные запахи. Горьковатым медком дышала поверх всех трав мята, остро щекотала ноздри вкрадчивым запахом полынь. Настойчивыми движениями Дружка освободил свою шею от руки Мити и шагнул в степь. Митя отступил назад. Где-то далеко за спиной лаяли собаки, слышались голоса. Джейран ровным шагом уходил все дальше. Вот он мелькнул за невысоким кустарником и пропал, гость из Яз-Явана, похожий на дикую вишню с тоненькими прутиками-рожками.

— Митя! Митя-а! — кричали издалека.

А Митя все глядел вперед, в свободный и чистый простор весенней степи.

Следы остаются

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

Павел Вежинов **Рисунки Ф. Лемкуля.**

Ночной пост

Не одному Пешо было трудно заснуть в эту ночь.

Когда Юлия вернулась домой, отец строго спросил ее:

— Где ты пропадала?

— Играла...— испуганно пробормотала Юлия.

— Кто же играет на улице до десяти часов? Только уличные мальчишки возвращаются домой так поздно!

Юлия благоразумно промолчала.

— Запрещаю тебе всю неделю выходить из дому! — крикнул отец, нервно поправляя массивные роговые очки.

— Хорошо, папочка,— чуть слышно отозвалась Юлия, и тут же из глаз ее брызнули слезы.

От этих слез суровость отца растаяла, как воск на огне. Он зачем-то снял очки и сказал уже не так сурово:

— Ну, иди, иди!.. А слезы к чему? Слова сказать тебе нельзя!

— Я и не плачу,— жалобно всхлипнула Юлия.

Отец совсем растерялся.

— Да ты что? Ты не поняла меня... Я хотел сказать, что целую неделю ты не будешь выходить из дому без моего разрешения. Вот что я имел в виду.

— Да, папочка,— прошептала Юлия.

— Ну, ладно, ладно, иди спать,— сказал отец, еле удерживаясь от желания погладить белокурую кудрявую головку.

Нет, ничто на свете не могло сегодня испортить Юлии настроения. Ужинала она как во сне. В уме все время вертелись слова, сказанные ей Пешо. Ну конечно, она умная, к тому же симпатичная, даже не просто симпатичная, а хорошенькая. И теперь она всегда будет играть с мальчишками. Они сами обещали.

Улегшись в постель, Юлия постаралась еще раз припомнить весь разговор с ребятами, слово в слово, чтобы проверить, не забыто ли что-нибудь важное. «Надо бы проверить, подходит ли тороманоский ключ»,— вспоминает она слова Пешо.— «Неужели Пешо задумал...» — Юлия даже вздрогнула.

Что, если ему взбредет в голову ночью, когда все спят, проверить, подходит ли ключ к квартире, в которой притаились враги? Почему он так упрямо уговаривал ребят сообщить о Торомановe не сегодня вечером, а завтра? И зачем он взял у Живки ключ от парадного подъезда? Зачем нужен ключ, если к работникам госбезопасности они пойдут утром?

Юлии стало страшно. А если бандиты поймают его? Убьют и труп выбросят на улицу... Ей даже померещилось, будто она видит окровавленного Пешо, распростертого на мостовой. Нет, нет! Она должна во что бы то ни стало спасти его!

Но как это сделать? Пойти к нему и отговорить от безумной затеи? Нет, ничего из этого не выйдет. Нельзя же в полночь врываться в чужую квартиру! Да и как убежать из дому? Отец еще занимается в своем кабинете. Юлия слышала стук пишущей машинки. Отец часто подолгу засиживался за работой. Но Юлия и не подозревала еще об одной его привычке: засидевшись дольше обычного, он любил на цыпочках войти в холл, где спала дочка, чтобы постоять минутку возле ее постели, посмотреть на нее перед сном.

До полуночи Юлия не могла сомкнуть глаз. Постепенно сложился в ее голове четкий план действий: из окна хорошо виден парадный подъезд дома, в котором живет Пешо. Как только папа ляжет спать, она откроет окно и будет наблюдать за подъездом до самого утра. Если Пешо попробует выйти на улицу, она тут же окликнет его и скажет, чтобы он не смел никуда ходить, если не хочет быть убитым. «Скорей бы только папа лег спать!»

Наконец папина машинка умолкла, и вскоре послышались его легкие шаги. Юлия, съежившись, быстро повернулась лицом к стене и замерла. Чтобы у отца не возникло никаких подозрений, она и дышать стала как можно ровнее.

Открылась дверь в холл. Юлия слышала, как отец подошел к ее постели, присел на краешек, посидел полминутки, показавшиеся ей вечностью, встал, наклонился над дочкой и ладонью ласково провел по ее волосам. Затем он на цыпочках прошел в спальню.

Как только за стеной наступила тишина и погасла полоска света под дверью, Юлия, мигом соскочив с кровати, подбежала к окну. Отсюда действительно, как на ладони, виден был подъезд дома, в котором жил Пешо. Юлия не могла бы не заметить Пешо, если бы тот вздумал совершить опасное путешествие. Однако сейчас улица была пустынной. Пробежала по тротуару кошка и быстро скрылась в подворотне. В доме Пешо все спали: не светилось ни одно окно.

Минут пятнадцать Юлия, стараясь не мигать, пристально всматривалась в далекий подъезд. От напряжения глаза стали заволакиваться тонкой пеленой. Да и холодно становилось лежать на холодном подоконнике в одной ночной рубашке. Очень хотелось набросить что-нибудь на плечи, но она боялась даже на секунду оторваться от окна: кто знает, может, в этот самый момент он и выскользнет из дому.

Только не поздно ли она спохватилась? Не напрасно ли торчит на подоконнике? Может быть, Пешо давно уже там, и сейчас ему грозит смертельная опасность?..

Дверь в доме напротив открылась. На улицу вышел Пешо. Юлия сразу узнала его. «Пешо!» — хотела она крикнуть ему во весь голос, но безотчетный страх сжал горло. Разве можно кричать

Юлия пристально всматривалась в далекий подъезд.

среди ночи? Что подумают о ней папа с мамой? А Пешо что скажет? Он, пожалуй, еще возненавидит ее на всю жизнь за поднятый шум, за то, что она вмешивается в чужие дела.

Юлия видела, как Пешо, повернувшись, пошел туда, и задрожала от предчувствия неминуемой беды.

Тут-то и возникло у нее спасительное решение: во что бы то ни стало его догнать.

Дрожащими руками она стала торопливо одеваться. Всунула ногу в правую туфлю, а левая... Где же левая? В потемках стала шарить под кроватью, под столом, под стульями... Вот она!

Стрелой подлетела Юлия к окну — кратчайшему пути на улицу. Жили они на первом этаже, и ей не раз случалось пользоваться этой дорогой. Надо было, спустившись с подоконника, встать на цоколь, потом спрыгнуть на тротуар. Днем все это делается легко и просто, а в темноте, поскользнувшись, она упала, расшибла колено и, прихрамывая, побежала догонять Пешо.

В такой поздний час некому было остановить бегущую девочку в коротеньком платьице, остановить и спросить: кто разрешил ей выйти из дому и куда она бежит?

От волнения и быстрого бега у нее пересохло горло. Подкашивались ноги.

Наконец-то добежала она до дома, в котором укрылись бандиты. Но и здесь ни души! Неужели поздно?

Еле волоча от усталости ноги, она подошла к двери и попробовала открыть ее. Заперта!

Юлия заплакала от досады.

Уж не обогнала ли она Пешо? Девочка оглянулась. Никого. Если и обогнала, то с минуту на минуту он должен появиться здесь. Но что она скажет ему? Все равно! Сейчас нужно его дождаться. Не здесь, конечно. Неудобно стоять возле дверей. Юлия вспомнила, что как раз напротив этого дома есть небольшой старинный особняк с высокими тонкими колоннами и широкими окнами. Она вспомнила также, что двор особняка огорожен решеткой, позади которой растет кустарник. Где-то совсем рядом должна быть узенькая калитка. Юлия юркнула туда и притаилась в кустах сирени. Отсюда удобнее всего было наблюдать не только за домом зубного вра... но за всей улицей.

Юлия осторожно выглянула и... всем доме ни одного освещен... шила терпеливо ждать.

Д...

Крум Пешев, майор ... журил в квартире инже... трех ноль ноль до трех... ленному распорядку дня ... дцать минут он должен свя... граничным центром, передать... и принять очередные задания.

Майору, рослому, худощавому... мерно длинным мясистым носом, ... рок пять, не больше. Его энергично... черченное резкими, глубокими морщин... росло колючей щетиной. Первые десять д... привычке он еще брился каждое утро, пот... надоело ему, как надоело и добровольное за... ние в квартире инженера, и смертельная скука, и вынужденное безделье, и постоянный страх ареста, возможного в любую минуту. Изменив привычке бриться по утрам, он стал взбадривать себя строго отмеренными дозами коньяку.

Ровно в час двадцать минут майор, сидевший в глубоком мягком кресле, встал, потянулся, прислушался. Ни одного подозрительного звука. Темно. Тишину ночи нарушал лишь мерный храп его сообщников. Радиопередатчик находился в ванной — довольно просторной комнате, облицованной изразцовыми плитками, с небольшим оконцем, тщательно завешенным несколькими слоями старых газет и плотной черной бумагой. Даже здесь, в ванной, они по возможности не зажигали света.

В распоряжении майора оставалось еще десять минут. Чтобы стряхнуть с себя сон, он решил, прильнув к наушникам, послушать музыку. Снова потянувшись, почесав волосатую грудь, ощупью отыскал бутылку, отпил глоток коньяку и ощупью, медленно переступая, пошел в ванную. Чтобы попасть туда, ему надо было пройти через прихожую. Поравнявшись с входной дверью, он по привычке остановился и прислушался. Весь дом спал. Майор нащупал стену и двинулся дальше. Как раз в этот момент под дверью вспыхнула узенькая полоска яркого света, пробившегося с лестницы. Майор застыл. Ни звука. Входная дверь не хлопнула. Значит, в дом никто не вошел. Успокоившись, он все-таки решил удостовериться, подождать, что будет дальше. Проведя в квартире инженера несколько суток, он мог безошибочно отличить тяжелую поступь мужчины от легкой дроби женских каблуков или от почти бесшумных детских шагов.

Странно! Ни единого звука... Это и удивило и встревожило его. Майор напряженно слушал.

— Веревку, салфетку, быстро! — скомандовал майор, ладонью закрыв Пешо рот.

Днем труднее было разобраться, что происходит за дверью. Но сейчас, ночью... Если кто-то вышел из квартиры, то почему же не хлопнула наружная дверь? Почему не слышно ничьих голосов? Кто мог зажечь свет на лестнице? Майор ухом прильнул к двери. Вдруг ему показалось, что за дверью стоит человек. Ему даже почудилось, будто кто-то чуть слышно шаркнул резиновой подошвой, часто задышал. И снова все затихло.

Майор инстинктивно сунул руку в карман, где обычно лежал пистолет, и мысленно выругал себя: оружие осталось на столике! Пока не поздно, кинуться за ним? Не успеть. Теперь дорога каждая секунда. Кто может стоять за дверью? Представители власти? Невероятно. Эти сразу блокировали бы все этажи и теперь потребовали, чтобы им открыли дверь. Кто же это может быть? Приезжий провинциал, разыскивающий знакомого или родственника?

Майор явственно услышал, как таинственный незнакомец с величайшей осторожностью вставил ключ в замочную скважину. Это было так неожиданно. Майор растерялся. Уж не вернулся ли Тороманов? Впрочем, нет, сегодня он не должен прийти. И вдруг все стало ясно: вор! Кто, кроме жулика, мог с такими предосторожностями лезть в чужую квартиру? Пронюхав об отъезде хозяев, он теперь орудует своей отмычкой. Майор тут же сообразил: самое лучшее дождаться, когда вор появится в прихожей, и внезапно схватить его за горло.

Будь у него в руках пистолет, он одним ударом рукоятки оглушил бы незваного гостя, а теперь...

Майор молниеносно распахнул дверь, вытянул руку вперед, ухватил кого-то за шиворот и с силой швырнул его на пол.

Тут же захлопнув дверь, он включил свет: на полу лежал прилично одетый мальчик.

— Только пикни! — прошипел майор.— Сейчас же оторву башку!

— Бандит! — глухо и гневно сказал мальчик.

Майор рассвирепел: какой-то мальчишка смеет! Но прежде чем он успел опомниться, в прихожую выскочили оба его соучастника, вооруженные пистолетами.

— В чем дело?

— Сейчас разберемся,— шепотом доложил майор.— Веревку, салфетку, быстро! — скомандовал он, ладонью зажав Пешо рот.

Пешо, связанный по рукам и ногам, с салфеткой, втиснутой в рот, неподвижно лежал на цементном полу в углу ванной комнаты. Рядом с ним стоял небольшой кухонный столик, на столике — странного вида аппарат, размером не больше портативной пишущей машинки.

«Радиопередатчик»,— решил Пешо.

Его догадка тут же подтвердилась. Обросший детина, надев наушники, спросил одного из соучастников:

— Что передать?

Белобрысый, нервно скомкав сигарету, искоса взглянул на мальчишку.

— Передай, чтобы через тридцать минут установили с нами контрольную связь.

Третий, стоявший в дверях, недовольно пробурчал:

— Пускай свяжутся пораньше...

— Повторяю: через тридцать минут,— равнодушным, но твердым тоном сказал белобрысый.— Ясно?

Пешо сразу сообразил: это главарь. Он самый опасный. Вот-вот начнется допрос. Что им сказать? Зачем он пришел сюда? Откуда у него ключ? Если бы он знал, что попадет в такую мышеловку, заранее придумал бы какую-нибудь историю. Может, лучше всего молчать? Нет, молчать нельзя. Главное сейчас — обмануть их, обмануть так, чтобы они поверили, будто им ничего не грозит. Только бы дотянуть до утра. Утром все ребята могут спохватиться, что он, Пешо, ис-

чез, и постараются выручить его. Это было бы очень хорошо. Но как обмануть бандитов сейчас, как усыпить их подозрительность, если подозрительно все его поведение?

Целый рой противоречивых, путаных мыслей закружился в его голове и на время заглушил страх. Он хватался то за одну, то за другую ложь и тут же отказывался от нее, понимая, что всякая неловкая попытка обмануть врагов может лишь усилить их подозрительность. Несмотря на трудность своего положения, он не отчаивался, продолжая настойчиво обдумывать, как ему выскользнуть из этого тупика.

Вместе с тем Пешо чувствовал, как в его груди подымается гнетущее, горькое чувство, называемое угрызением совести. Да, он один виноват во всем! Если бандиты испугаются и удерут, в ответе будет он. Если они совершат новые преступления, опять-таки отвечать придется ему.

И вдруг в его голове промелькнула новая мысль: а если они убьют его? Враги понимают, что им опасно оставаться в квартире инженера, и они, конечно, постараются поскорее скрыться отсюда. Неужели они и его захватят с собой? Но кто же рискнет тащить по улицам связанного мальчика? Рискнут ли они бросить его здесь живым и невредимым? Ну, нет, на это они не решатся! Пешо видел их, запомнил их лица, он знает, чем они занимаются. Кто же решится оставить в живых такого опасного свидетеля?.. По спине Пешо пробежали холодные мурашки, и он еще крепче стиснул зубы. Ну и пусть, пусть его убьют, он заслуживает этого. Он ничего не скажет, даже если его начнут пытать. И Пешо вспомнил про то, как вел себя отец в полицейских застенках. Мальчик не раз с восхищением слушал его рассказы о пережитых истязаниях, часто втайне завидовал отцовскому умению молчать, горько сожалел, что ему никогда, наверное, не придется испытать что-либо подобное. А вот теперь...

Лучше ни о чем не думать. Будь что будет. Главное — молчать!

Яркий электрический свет, отражаясь от белоснежных стен ванной комнаты, резал глаза. На столе монотонно потрескивал радиопередатчик. Возле него, склонив крупную взлохмаченную голову, неподвижно сидел на низком табурете белобрысый. Он молча покуривал и только иногда пошевеливал пальцами рук, лежавших на коленях. Было тихо и жутко. Сизые ленты дыма сигареты, причудливо извиваясь, поднимались к потолку и таяли там.

— Готово,— доложил майор и неторопливо снял наушники.— Ну, малыш, что мы с тобой будем делать?

— Тише! — грубо оборвал его белобрысый.— Развяжи-ка ему рот!

— Канареечка и запеть может! — поднимаясь с места, предупредил майор.

Главарь наклонился над Пешо и, стараясь говорить как можно добродушнее, напомнил:

— Слушай, глупыш! Пикнешь — крышка! Понял?

И, помолчав, добавил:

— Церемониться не станем.

Мягкий голос белобрысого чем-то напомнил мальчику вкрадчивую речь Тороманова.

Майор выдернул изо рта Пешо салфетку, почесал давно не бритый подбородок и опять откинулся на спинку кресла.

Главарь, не спуская с Пешо глаз, продолжал:

— Предупреждаю: ты обязан говорить только правду. Обманешь — пеняй на себя. Понятно? — переспросил он.

— Понятно,— облизнув пересохший рот, с подчеркнутой покорностью подтвердил Пешо.

— Вот и хорошо, договорились. Люблю сообразительных ребят! — сказал белобрысый.— Тебя как зовут?

Пешо сразу сообразил: говорить надо правду. Вместе с ключами, пробками и ржавым гвоздем бандиты могли вытащить из его карманов и ученический билет. Он назвал свое имя.

— А откуда у тебя ключ от квартиры?

Пешо только поежился в ответ. «Попался!» — подумал он.

— Я спрашиваю: откуда у тебя ключ? Кто тебе дал ключ?

— Никто.

— Что значит никто? — прищурился белобрысый.

— Так... Никто... Он давно у меня.

— Давно? Уж не с неба ли он свалился к тебе?

— Н-нет,— запнулся Пешо.— Раньше мы жили в этой квартире... Ключ остался у меня...

Помолчав, белобрысый сказал:

— Допустим, что ты говоришь правду, но зачем тебе понадобилось ночью лезть в чужую квартиру?

— Я хотел... я хотел...

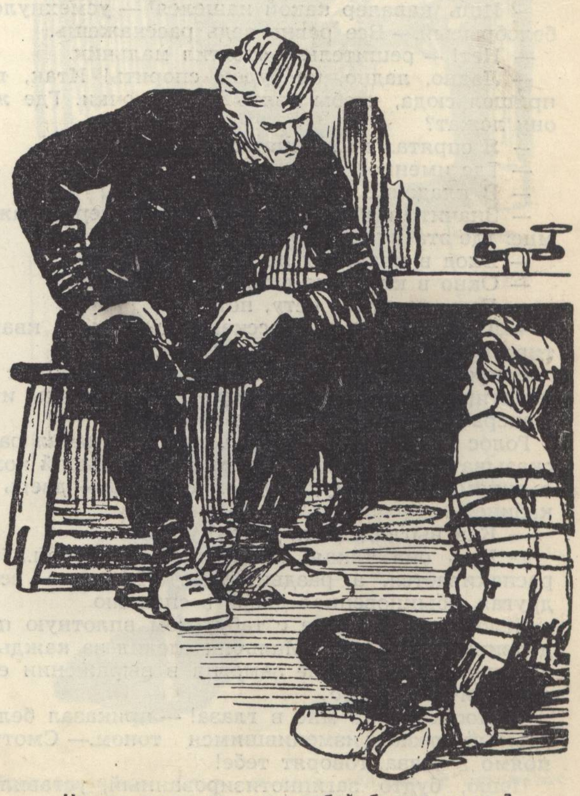
— Что ты хотел, мой мальчик?

— Ну, как это сказать?... Я тут удочки забыл...

— Удочки, говоришь?

— Удочки. Я и леску здесь спрятал... Завтра утром на рыбалку хотел пойти...

— Допустим, что и это правда, но как же ты думал взять их? Ведь в квартире живут чужие

— Ну, малыш, что мы с тобой будем делать?..

Диверсанты расселись за низким круглым столиком.

люди? Неужели ты думал, что они не услышат, когда ты станешь открывать двери?

— Я думал, что хозяева уехали на курорт,— быстро ответил Пешо, вспомнив, что рассказывала Живка,— думал, что в квартире никого нет.

— Та-ак,— снова протянул белобрысый.— Это интересно. А кто же сказал тебе, будто в квартире никто не живет?

— Одна девочка из этого дома.

— А как же зовут эту девочку?

— Ее зовут... Нет, я не скажу, как ее зовут!

— Это еще почему?

— Не хочу ее подводить.

— Ишь, кавалер какой нашелся! — усмехнулся белобрысый.— Все равно ведь расскажешь.

— Нет! — решительно ответил мальчик.

— Ладно, ладно, не будем спорить! Итак, ты пришел сюда, чтобы взять свои удочки. Где же они лежат?

— Я спрятал их... спрятал в одном месте.

— Где именно?

— В кладовке.

— Значит, в кладовке. Хорошо. Теперь скажи мне: где эта кладовка? Где вход в нее?

— Вход в кладовку из кухни.

— Окно в кладовке есть?

— Есть, то есть... нету, нету!

— Та-ак! А теперь расскажи, сколько в квартире комнат и как они расположены.

Вопрос этот не смутил Пешо: он заходил в квартиру Живки и был уверен, что комнаты инженера расположены точно так же.

Голос его звучал спокойно, когда он начал рассказывать: из передней входишь в большой холл с окнами на улицу, с одной стороны — дверь в кабинет...

— Как выглядит эта дверь?

— Ну... она такая, стеклянная, широкая... не распахивается, а раздвигается. Напротив есть другая, обыкновенная дверь в спальню.

Белобрысый вместе с табуретом вплотную пододвинулся к Пешо. Мальчик следил за каждым его движением, но не заметил в выражении его лица ничего нового.

— Посмотри-ка мне в глаза! — приказал белобрысый резко изменившимся тоном.— Смотри прямо в глаза, говорят тебе!

Пешо, будто загипнотизированный, уставился на него.

— Вот что, малыш, я скажу тебе: ты бессовестно врешь! Смотришь мне в глаза и врешь!

— Не вру! — глухо возразил Пешо.

— Врешь!

Неожиданно белобрысый широко размахнувшись, хлестнул мальчика по щеке. Пешо больно ударился головой об изразцовую стену и почувствовал, как что-то потекло по его подбородку.

— Не дерись! — с ненавистью крикнул он.

— Паршивый лгун! — прошипел белобрысый.— Никакой кладовки в квартире нет. Кроме холла, здесь не две комнаты, а одна, и никакой стеклянной двери тоже нет!

— Забыл я, значит...

— Забыл расположение квартиры, в которой жил?

— Забыл. Давно мы жили здесь, вот и позабыл.

— Что значит давно?

— Ну... лет десять назад.

— Де-сять? — удивился белобрысый.— А сколько тебе сейчас?

— Двенадцать.

— Ясно! — Диверсант насмешливо поглядел на Пешо.— Ты не ребенок, а вундеркинд, чудо природы.

Пешо не понял насмешки.

— Десять лет назад ты пешком под стол ходил, а уже удил рыбу и прятал удочки в кладовке, которой и в природе не существует! Браво, браво, настоящий герой!

Пешо показалось, что сердце его остановилось. Не зная, что отвечать дальше, он решил молчать.

— Слушай теперь внимательно, что я скажу тебе,— повысил голос диверсант.— До сих пор ты врал без зазрения совести. Даю тебе на размышление еще одну минуту: подумай хорошенько и расскажи нам всю правду. Не скажешь правду добровольно — заставим. Понятно? Но предупреждаю: за отказ от добровольных показаний придется расплачиваться! — многозначительно добавил белобрысый и стал следить за секундной стрелкой своих золотых наручных часов.

Мысли Пешо помчались с лихорадочной быстротой. Что можно сочинить за одну минуту? Что бы он ни придумал, они легко могут сбить его своими вопросами и лишний раз убедиться, что он бессовестно врет. Сказать правду? Нет, ни за что, никогда! Пешо вдруг почувствовал необыкновенный прилив энергии. Он смело повторил про себя: «Никогда!» Что бы они ни делали с ним.

как бы они не мучили его,— правду он им не скажет! Так поступал его отец, так поступит и он. Что бы ни случилось, он будет молчать. Конечно, отцу было легче: отец большой, взрослый мужчина, а не школьник, но все равно отцу не придется краснеть за своего сына!

— Готово,— напомнил белобрысый,— минута прошла... Будешь говорить?

— Нет! — твердо ответил Пешо, и в глазах его сверкнул решительный огонек.

— Что так? Объясни нам, пожалуйста, разве говорить правду плохо? Ну?

— Я не хочу разговаривать с... предателями.

Нахмурившись, белобрысый впервые с любопытством посмотрел на мальчика. Пешо понял, что переборщил, сказал то, о чем в его положении, пожалуй, говорить не следовало.

— Ин-те-рес-но,— протянул диверсант.— А почему ты решил, что мы предатели?

— А что вы тут делаете с этим аппаратом? — кивнув головой в сторону радиопередатчика, спросил Пешо.

— Так... Значит, не желаешь с нами разговаривать?

— Не желаю!

— Ну что ж, придется развязать тебе язык,— сказал белобрысый и обернулся к одному из своих подчиненных: — Принеси-ка мне шнур от электроплитки!

Тот молча вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с электрическим шнуром в руках. Белобрысый оборвал контакт, оголил оба провода, воткнул вилку в штепсель.

— Ясно, что будет дальше? — спросил он.

— Неясно,— вполголоса проговорил Пешо.

— Сейчас станет ясно. Электрический ток убивает даже крепкого мужчину, а не то что таких молокососов, как ты. Ну как, начнем? Или, может быть, лучше, пока не поздно, поведать правду?

— Мне не о чем с вами говорить,— сухо ответил Пешо.

— Хорошо, посмотрим! Ну-ка, для пробы...— И белобрысый быстрым движением коснулся руки Пешо оголенными концами провода.

* * *

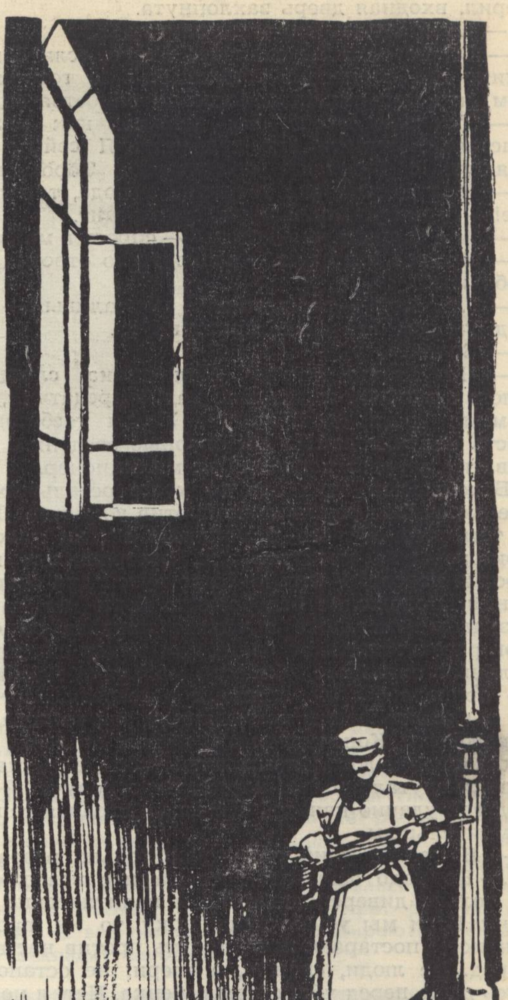
Минут через пять диверсанты перешли в темный холл и расселись за низким круглым столиком. Чувствовалось, что они всерьез встревожены. Майор молчал, второй диверсант тяжело переводил дыхание, и только белобрысый казался совершенно спокойным.

— Парнишка не заговорит,— произнес он тихо, будто про себя.— Экзальтированный тип из семейки коммунистов. Начитался их романов вроде «Молодой гвардии»...

— Дай-ка я сам возьмусь за него,— перебил его майор.— Потом посмотрим, чего он начитался...

— Нет смысла. Вряд ли ему известно что-нибудь. По-моему, тут какая-то ребяческая затея, иначе нас давно бы взяли. Надо выяснить только,— продолжал он,— мальчишка действует в одиночку или у него есть помощники. Предположим худшее: у мальчишки есть помощники, и все они знают об этой квартире. Исчезновение своего приятеля они заметят только утром, и тогда немедленно здесь появится милиция.

— Она и ночью может пожаловать,— напомнил майор.— Мальчишка, по-видимому, вошел один, а на улице его кто-нибудь поджидает.

Приглядевшись, Юлия увидела солдата с автоматом на груди. Он шел прямо к ней.

— Не думаю,— возразил белобрысый.— Я проверил, входная дверь захлопнута.

— Ну и что ж, что захлопнута...

— Он не стал бы запирать дверь, если бы на улице его поджидал помощник. Все говорит о том, что мальчишка действовал самостоятельно.

— Так или иначе, мы должны как можно быстрее покинуть эту квартиру. Я сейчас же свяжусь с Б-восемь, предупрежу Тороманова.

— Чем раньше мы уберемся отсюда, тем лучше! — буркнул молчаливый диверсант.

— А с парнем что делать? — спросил майор.

— Бросим его здесь,— равнодушно ответил белобрысый.

— Глупости! — разозлился молчаливый.— Перед уходом его надо пристукнуть.

— Зачем?

— Что значит зачем? Мальчишка слишком много знает! Он видел наш радиопередатчик, запомнил наши физиономии! Утром госбезопасность получит самые достоверные сведения. Нас схватит первый попавшийся милиционер.

Белобрысый знал это не хуже остальных, и все же он был решительно против убийства. Дело в том, что оба его помощника имели тяжкие приговоры за преступления, совершенные ими против народа. У них не было путей для отступления. Положение белобрысого было не таким безнадежным. Даже в случае провала он еще мог рассчитывать на более или менее снисходительный приговор. Убийство мальчика неизбежно привело бы его прямо к расстрелу. Мог ли он высказать своим помощникам эти тайные соображения? Конечно, нет. С другой стороны, неожиданное и довольно странное появление мальчишки спутало все их карты. Благополучный исход так удачно начатой операции казался теперь сомнительным.

— Я против убийства! — решительно возразил он.— Не надо забывать, что на нас возложены не только диверсионные, но и политические задачи. Если мы убьем мальчишку, то их пропагандисты постараются настроить против нас весь народ. Не люди, скажут, а звери: не остановились даже перед убийством ребенка. Нет, я не согласен.

— А в петлю лезть ты согласен? — хмуро спросил молчаливый.— Я, например, отказываюсь от такого удовольствия!

— И я! — сухо добавил майор.

Белобрысый взглянул на светящийся циферблат часов и, повернувшись к майору, приказал:

— Садись за передатчик! Сейчас нас будут вызывать. Насчет мальчишки я подумаю.

Майор тут же поднялся.

— Что передать?

— Передай, что из-за непредвиденных обстоятельств группа отправится на четырнадцатый объект не завтра ночью, а немедленно.— Помолчав несколько секунд, он приказал второму:

— Пойди и ты, помоги ему зашифровать сообщение, а я пока свяжусь с Б-восемь и подготовлю наш уход отсюда.

Помощники ушли. Белобрысый посидел еще с полминуты и, тяжело вздохнув, снял телефонную трубку.

Юлия действует

Утомительно и страшно ночью стоять на посту. Притаившись за кустарником, Юлия вздрагивала то от ночного холода, то от недобрых мыслей. Ее очень тревожила судьба Пешо, так странно исчезнувшего в этом огромном белом доме.

Что могло случиться с ним? Почему он до сих пор не появляется?

Одно ей было ясно: нет у Пешо никаких разумных причин, которые могли бы задерживать его так долго. Ну, в самом деле, сколько требуется времени на то, чтобы проверить, подходит ли ключ к замку? Самое большое минут пять. А прошло уже и не пять и не десять...

Куда же он запропастился? Уж не случилось ли самое худшее?

Подождав еще немного, Юлия окончательно решила: бессмысленно стоять здесь до утра. Если с Пешо случилась беда, она обязана как можно скорее ему помочь. Но и покинуть свой пост Юлия тоже не решалась. «Нет, нет, надо сейчас же со всех ног бежать в милицию, рассказать обо всем и позвать на помощь»,— думала она, не смея, однако, ни пошевельнуться, ни оторвать глаз от наглухо закрытой двери.

Прошло еще минут пятнадцать. Собрав всю свою волю, она на цыпочках вышла из засады на улицу и, то и дело озираясь, медленно прошла мимо большого белого дома. Он казался пустым и мертвым.

Позвать на помощь... Но где среди ночи найти милиционера? И вдруг она вспомнила: ребята собирались пойти в Министерство внутренних дел. Там-то уж обязательно должен быть кто-нибудь из дежурных. Юлия хорошо знала, где находится министерство.

Не оглядываясь, летела она по безлюдным улицам. Она была так ошеломлена всем пережитым, что и внимания не обратила на короткий летний дождь, настигший ее в пути. Спустя несколько минут, запыхавшись, добежала она до скверика, свернула за угол и увидела наконец каменный фасад министерства. В двух этажах светилось несколько окон. Перебежав дорогу, Юлия остановилась. В какую дверь войти, кого спрашивать?

Ночь. Тишина. Вокруг ни души. Огромный дом. Перед ним девочка-подросток в коротком платьице. Вдруг в тени здания мелькнула чья-то тень. Юлия испуганно вздрогнула. Приглядевшись, она заметила солдата с автоматом на груди. Он шел прямо к ней.

— Тебе чего нужно, девочка? — строго спросил он.

— Товарищ солдат, мне надо поговорить с самым главным начальником,— одним духом выпалила Юлия.

— С каким начальником?

— С дежурным,— объяснила она.

— Нет сейчас никаких начальников,— сказал часовой.— Сейчас же ступай домой! Разве можно ребятам поздно ночью бегать по улицам?

— Товарищ солдат, вы только послушайте! Товарищ солдат, шпионы поймали Пешо!

— Какого Пешо? Какие шпионы?

— Ну, Пешо, товарища нашего, мальчика! Поймали и заперли.

Часовой усмехнулся. «Только и дел у диверсантов — за ребятами охотиться»,— подумал он, а вслух сказал:

— Вот что, девочка, беги-ка ты поскорее домой. Слышишь, что тебе говорят? — добавил он строго.

— Да как же так? Они...— всхлипнула Юлия.

— Иди, иди домой!

(Окончание в следующем номере)

Вот этот-то листочек мне и пригодился. Решил я с Лениным вместо папки поговорить; было о чем поговорить: в Питере рядом с нами какой-то враг жил, все к нему подозрительные люди ходили, запрутся, спорят, да и здесь вон кулачья-то сколько!

Разбил я свою копилку-кошку (еще в Питере купили, давно), подсчитал монетки, а их двадцать три рубля набралось, спрятал листочек этот самый подальше, взял у бабушки хлеба на дорогу и пошел вечером на станцию. Бабушка ничего и не подумала: здесь все к девятичасовому вечернему поезду гулять выходят. На билет денег хватило, сел в поезд — и в Москву. Всю ночь в вагоне не спал, все боялся, что Москву просплю. В шесть часов утра приехал в Москву. Вышел я из вагона... Батюшки! Народу-то сколько! Где Кремль? Куда идти? Спросил, где Красная площадь находится. Дяденька, у кого я спрашивал, хороший такой оказался. «Поедем,— говорит,— со мной, на трамвае довезу». Сели. Поехали. Вот и Красная площадь, гляжу на часы — на башне часы-то,— семь часов утра. Рано, думаю, к Ленину идти: спит, чай. Хожу, хожу кругом по площади. То мало народу было, а то пошли, торопятся, на работу, значит, спешат.

Кое-кто к Кремлю сворачивает, бумажку какую-то часовому у ворот покажут и в ворота идут.

Достал я свою книжечку, вынул листочек Ильича да к часовому. Показываю. Взял часовой в руки, прочитал, другому показал:

«Пропустить ко мне беспрепятственно».

Переглянулись, вернули мне листок и говорят: «Иди!»

Обрадовался я! Спрятал листок — и в ворота. Ух ты, площадь-то какая! Куда идти-то? Где Ленин живет? Вот тут я и задумался. Встал и стою. А ко мне опять часовой:

«Куда? Как попал?»

Показываю листочек.

Снова, как и те, повертел в руках, прочитал...

«Ничего не скажешь, Ленина рука!.. Ну, что же стал? Иди! Вон туда, в ту дверь, иди, там Ленина найдешь».

Пошел я, куда он указал. Смотрю, из дверей человек выходит в пальто незастегнутом, знать, не успел еще застегнуть, кепку на голове поправляет. Я к нему,— спрошу, думаю, где же Ленин живет. Подошел... Смотрю...Да ведь это сам Владимир Ильич! Обрадовался я и говорю: «Здравствуйте, Владимир Ильич! А я к вам».

«Ко мне? Что такое? Откуда? Рассказы-

ЗАДУМАНО — СДЕЛАНО

Зимой цветут лилии

Ю. Сотник

Эту теплицу я сфотографировал во дворе пятой школы в одном из самых молодых городов Татарии — Лениногорске.

Взглянув на снимок, многие, наверное, скажут:

— Богатая школа, если смогла обзавестись таким сооружением!

Деньгами пятая школа ничуть не богаче других. А вот мастерами на все руки она действительно богата. Теплицу эту построили сами ученики.

Дело это было задумано на общем собрании пионеров весной прошлого года. Ребята рассуждали так:

— Сил у каждого из нас немного, но если каждый выроет по полкубометра земли — а всего таких землекопов будет 100 человек,— получится 50 кубометров. Этого вполне хватит на котлован для приличной теплицы. Если каждый притащит десяток кирпичей, то три класса вместе натаскают их тысячу штук.

Котлован начали рыть 25 апреля. Перед этим составили график работ, чтобы на строительстве не было лишней толчеи. Каждый класс знал, когда ему выходить на строительство и какую работу выполнять. Через девять дней котлован был готов.

Лениногорск — строящийся город. Там чуть ли не в каждом квартале новостройки. И вот на стройках стали появляться кучки ребят с носилками, корзинами, двухколесными тележками.

— Товарищи строители! Помогите нам сделать теплицу. Дайте немножко материалов для стен.

Строители охотно давали ребятам надбитый кирпич, бракованные шлакоблоки.

У преподавательницы биологии Лидии Яковлевны Низамовой муж работал прорабом Жилстроя. Леонид Нестерович вызвался консультировать юных каменщиков. Восьмиклассник Миша Орехов, шестиклассники Гена Орлов и Саша Садков быстро научились владеть мастерками и принялись облицовывать котлован каменными стенами.

Стеллажи, которые вы видите на снимке, покоятся на железных опорах. Чтобы их изготовить, семикласснику Коле Максимову пришлось изучить работу сварщика. Сварочный аппарат в школе был, а научиться работать на нем помог Коле ученик сварщика шестнадцатилетний Володя Евсеев.

Летом жители Лениногорска могли любоваться таким зрелищем: человек тридцать ребят, как муравьи соломинку, тащат по улице длинную железную трубу. Школьники разведали, что на окраине города ликвидируется шлакоблочный завод и там

можно разжиться трубами, а трубы им были необходимы для водяного отопления теплицы.

Сами рыли котлован для труб, сами ставили столбы для крыши, сами стеклили ее, сами штукатурили и белили стены, сами сложили печку на случай аварии с водяным отоплением.

Лишь деревянный переплет для крыши сделал школьный столяр Гариф Исхакович Сафин, да соединили трубы отопления и подключили его к теплоцентрали специалисты-рабочие.

Этой зимой в теплице цвели лилии, росли огурцы, помидоры, капуста, лук. На дворе стояли морозы, бушевали метели, а у ребят под боком была теплая и светлая «живая лаборатория».

Здесь они ставили опыты, своими глазами видели, как влияет свет на развитие растений, какое значение имеет глубина заделки семян в землю.

Когда я снимал теплицу, вся «посевная площадь» ее была занята луком. Выращивался уже третий урожай. Ребята сдают лук в буфет рабочей столовой, а вырученные деньги собираются истратить на закладку школьного сада.

Нерассказанный сон

РУССКАЯ СКАЗКА

Рисунки И. Кузнецова.

Жил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз сказал им отец:

— Ну, дети, кому что во сне привидится, поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю.

Вот наутро приходит старший сын и сказывает отцу:

— Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах, да еще будто пропала у тебя любимая овца.

— А тебе, Ваня, что привиделось?

— Не скажу,— отвечал Иван.

Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещевания одно твердил:

— Не скажу.

Купец рассердился, позвал своих приказчиков, велел взять непослушного сына, раздеть донага и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как приказано, привязали его нагишом к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печет его, комары кусают, голод и жажда измучили.

Случилось ехать по той дороге молодому царевичу. Увидал он купеческого сына, сжалился и велел освободить его. Нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал расспрашивать:

— Кто тебя к столбу привязал?

— Родной отец прогневался.

— Чем же ты провинился?

— Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось.

— Ах, как же глуп твой отец: за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?

— Не скажу, царевич.

— Как не скажешь?! Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас же, не то худо будет!

— Отцу не сказал и тебе не скажу.

Царевич приказал посадить Ивана в темницу. Тотчас прибежали солдаты и отвели его в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься за Елену Прекрасную. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы. Увидал ее в окошечко Иван, купеческий сын, и закричал громким голосом:

— Смилуйся, царевна! Выпусти меня на волю; может, и я пригожусь. Ведь я знаю, что царевич поехал за Елену Прекрасную свататься: только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила.

— А ты берешься помочь царевичу?

— Помог бы, да крылья у сокола связаны!

Царевна тотчас же приказала выпустить его из темницы. Иван набрал себе товарищей, и было всех их с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку, словно братья родные,— рост в рост, голос в голос, волос в волос. Надели они одинаковые кафтаны, по одной мерке сшитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъехали к дремучему лесу. Вдруг услышали они страшный крик.

— Стойте, братцы,— говорит Иван.

Соскочил с коня и побежал в лес. Смотрит, на поляне три старика ругаются.

— Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?

— Эх, младой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы — и вот уже семьдесят лет спорим, а поделить никак не можем.

— Хотите, я вас разделю?

— Сделай милость.

Иван, купеческий сын, натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому налево, а третьего посылает прямо.

— Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется, кто второй явится, тот ковер-самолет получит, а последний пусть возьмет сапоги-скороходы.

Старики побежали за стрелами, а Иван, купеческий сын, забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам.

— Братцы,— говорит,— пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет.

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной. Прилетели к стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на двор, где он остановился.

— Что вам надобно? — спросил царевич.

— Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца.

Царевич принял их к себе на службу — кого поваром, кого конюхом, кого куда.

В тот же день нарядился царевич и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими яствами и дорогими напитками, а потом стала спрашивать:

— Скажи, царевич, по правде, зачем ко мне пожаловал?

— Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдешь ли за меня замуж?

— Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если выполнишь,— твоя буду, а не выполнишь,— положишь свою голову под острый топор.

— Задавай задачу.

— Будет у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему незнаемому своё под пару.

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван, купеческий сын:

— Что, царевич, невесел? Али чем досадила Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною, тебе легче будет.

— Так и так,— отвечает царевич,— задала мне Елена Прекрасная задачу такую, что ни одному мудрецу на свете не разгадать.

— Ну, это еще невелика беда! Ложись-ка спать, утро вечера мудренее, завтра дело рассудим.

Царевич лег спать. А Иван надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в опочивальню к ней и слышит, как Елена говорит своей любимой служанке:

— Возьми эту материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее.

Служанка побежала, куда приказано, а Иван — следом за ней. Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко. Иван взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман. Засуетился бедный башмачник: из-под носу пропала работа; уж он искал-искал, все уголки обшарил — все понапрасну.

«Вот чудо,— думает,— никак, нечистый со мной пошутил!»

Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной.

— Экой ты мешкотный,— сказала Елена Прекрасная,— сколько времени с одним башмаком провозился.

Села она за рабочий столик, стала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом унизывать, самоцветными каменьями усаживать. А Иван тут как тут, вынул свой баш-

мачок — и сам то же делает: какой она возьмет камушек, такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит:

— С чем-то царевич завтра придет!

«Подожди,— думает Иван,— еще неведомо, кто кого перехитрит».

Воротился домой и лег спать. На заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича. Разбудил и подает ему башмачок.

— Поезжай,— говорит,— к Елене Прекрасной и кажи башмачок — это ее первая задача.

Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте. А у ней гостей полны комнаты — все бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, заиграла музыка, гости с мест повскакали, солдаты на караул сделали. Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными каменьями усаженный, глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич:

— Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден. Видно, придется подарить тебе другой такой же!

Вынул он из кармана башмачок и положил его на стол. Тут все гости в один голос закричали:

— Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной.

— Это мы еще посмотрим,— отвечала Елена Прекрасная,— пусть решит другую задачу.

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего.

— Полно, царевич, печалиться,— сказал ему Иван,— ложись спать, утро вечера мудренее.

Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в это время приказывала своей служанке:

— Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне уточку.

Служанка побежала на птичий двор, и Иван — за нею. Служанка ухватила уточку, а Иван — селезня, и тем же путем назад пришли. Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван, купеческий сын, смотрит да то же самое творит над селезнем.

На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашивает у царевича:

— Угадал ли мою задачу?

— Угадал, Елена Прекрасная. Вот к твоей уточке пара.— И пускает селезня...

Тут все бояре в один голос крикнули:

— Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную.

— Постойте, пусть решит наперед третью задачу.

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и разговаривать с Иваном не хочет.

— Не тужи, царевич, ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее, — сказал Иван, а сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. Смотрит: она села в коляску и во всю прыть понеслась. Иван ни на шаг от нее не отстает.

Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед — борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег.

— Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся, расчеши-ка мне головушку.

Положил к ней на колени голову и задремал сладким сном. Елена Прекрасная расчесывает деду волосы, а Иван у нее за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса. А Иван, купеческий сын, не три волоса, а целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал:

— Что ты, с ума сошла! Ведь больно!

— Прости, дедушка. Давно тебя не расчесывала, все волосы перепутались.

Дед успокоился и немного погодя опять захрапел. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван схватил его за бороду и чуть не всю оторвал. Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море.

«Теперь царевич попался,— думает Елена Прекрасная,— таких волос ему не добыть».

На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряных да три золотых и спрашивает:

— Видал ли ты где этакое диво?

— Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю?

Вынул и подал ей клок золотых волос да клок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою опочивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает. И видит по книге, что не он хитер, а хитер его слуга — Иван, купеческий сын. Воротилась к гостям и пристала к царевичу:

— Пришли-ка ты, царевич, ко мне своего любимого слугу.

— У меня их двенадцать.

— Пришли того, что Иваном зовут.

— Да их всех зовут Иванами.

— Хорошо, — говорит,— пускай все приходят.

А в уме держит: «Я и без тебя найду!»

Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос.

— Кто из вас бо̀льший? — спросила Елена Прекрасная.

Они разом все закричали:

— Я бо̀льший! Я бо̀льший!

«Ну,— думает она,— тут спроста ничего не узнаешь».

И велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой завсегда пила сама; налила те чарки дорогим вином и стала добрых молодцев потчевать. Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали.

Видит Елена Прекрасная, не удалась ее хитрость. Велела молодцев накормить-напоить и спать во дворце положить. Ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним со своей волшебной книгой, глянула в ту книгу и тотчас узнала Ивана, купеческого сына. Взяла ножницы и остригла у него висок.

«По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить».

Поутру проснулся Иван, купеческий сын, взялся рукой за

голову, а висок-то острижен. Вскочил он с постели и давай будить товарищей:

— Полно спать! Беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски.

Через час позвала их к себе Елена Прекрасная, глядит: что за чудо? У всех, как у одного, виски острижены. С досады схватила она свою волшебную книгу и бросила в печь. Теперь уж нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ без просыпу пьянствовал, три дня кабаки и харчевни стояли открытые — кто хошь, приходи, пей и ешь на казенный счет.

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женою ехать в свое государство, а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил. Вышли они за город, разостлали ковер-самолет, сели и поднялись выше облака ходячего. Летели-летели и опустились как раз у того дремучего леса, где своих добрых коней покинули. Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелою. Иван, купеческий сын, отдал ему шапку-невидимку. Вслед за ним прибежал еще один старик, он получил ковер-самолет; а там подоспел и третий — этому достались сапоги-скороходы.

Говорит Иван своим товарищам:

— Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться.

Они изловили лошадей, оседлали их и поехали в свое отечество. Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась и стала спрашивать их о своем родном братце, женился ли он и скоро ль домой прибудет. А как узнала все, говорит:

— Чем же вас за такую службу наградить?

Отвечает Иван, купеческий сын:

— Посади меня в темницу, на старое место.

Как его царевна ни отговаривала, Иван настоял на своем. Взяли его солдаты и увели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодой супругой. Встреча была торжественная: музыка играла, пушки палили, колокола звонили; народу собралось столько, что хоть по головам ступай. Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу. Он осмотрелся кругом и стал спрашивать:

— Где же Иван, мой верный слуга?

— Он,— говорят,— в темнице сидит.

— Как в темнице? Кто смел посадить?

— Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его все про какой-то сон расспрашивал, а он не хотел говорить?

— Неужели ж это он?

— Он самый; я его на время тебе отпускала.

Царевич приказал привести Ивана и просил не помнить старого зла. Наградил его золотом и отпустил восвояси.

Пошел Иван домой. Да только дома он никого не застал: отец его с матерью обеднели и переехали в другое место.

Искал их Иван, искал и нашел только ночью. Попросился переночевать. Отец его не узнал.

Наутро встал Иван, подает ему мать умываться, а отец полотенце держит. Иван говорит:

— Здравствуйте, батюшка и матушка, как же это вы не узнали родного сына? Теперь, батюшка, я тебе свой сон могу рассказать.

— Расскажи, сынок.

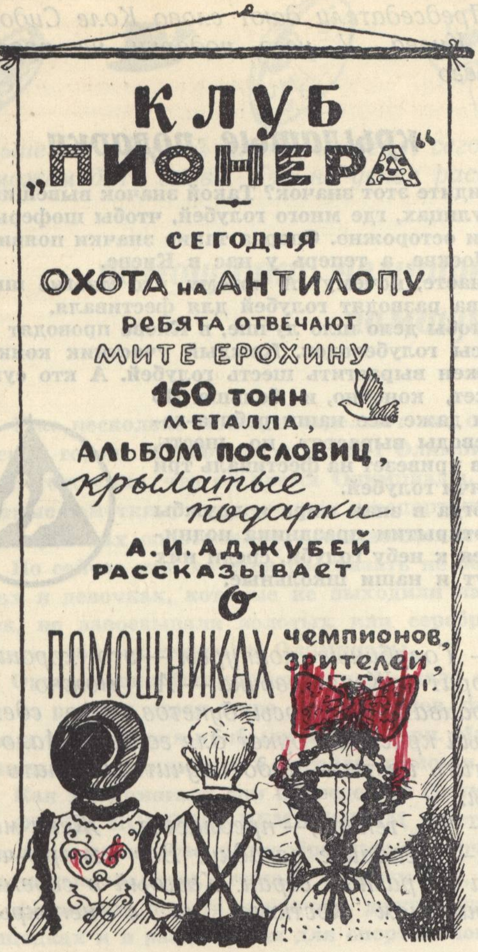
— Снилось мне, что придет время, будет матушка мне на руки воду поливать, а ты, батюшка, будешь с полотенцем стоять. Так оно и вышло. Я не рассказывал тебе сон: не хотел тебя обижать.

Видит отец, что не со зла сын молчал про свой сон, и стал просить Ивана, чтобы он не был на него в обиде.

Отдал Иван отцу золото, что от царевича получил, и зажили они на славу.

Тут и сказке конец.

Вот вы, ребята, и собрались снова в свой необыкновенный клуб. Снова каждый сидит у себя дома и в то же время находится в многолюдном обществе других мальчиков и девочек.

Знаете что? Давайте мы на этот раз поиграем сначала в какие-нибудь игры.

Вот, кстати, мальчик и девочка, кажется, хотят что-то предложить.

— Меня зовут Женя,— говорит мальчик.— Я знаю очень хорошую игру. Все становятся в круг...

Тут перебивает девочка:

— Меня тоже зовут Женя. И я тоже знаю хорошую игру. Все садятся в круг...

— Моя игра из Африки. В нее играют маленькие негритята!

— А моя игра из Северной Америки. В нее играют маленькие индейцы!

— Тебе никто не давал слова!

— А кто же даст мне слово?! Председателя у нас нет!

Стойте, так дело не пойдет! Давайте-ка, ребята, немедленно раз и навсегда выберем председателя, чтобы не было больше такого беспорядка. Ну-ка, Женя-девочка и Женя-мальчик, идите сюда, на эту страницу, чтобы ребята могли вас хорошо увидеть! Есть предложение выбрать обоих за то, что они такие активные и решительные. Все согласны? Кто против? Никто. Значит, у нас два председателя: Женя-мальчик и Женя-девочка.

— Ну, а теперь,— говорит Женя-мальчик,— начинается игра...

охота на антилопу

Становитесь в круг. Не слишком близко друг к другу. Водящий — в середине. Он изображает антилопу. Весь круг следит, чтобы антилопа не убежала, а она старается проскользнуть между игроками.

Потом внезапно по чьей-нибудь команде «Ловите антилопу!» все бросаются к середине круга. Поймавший антилопу получает право водить.

Теперь очередь Жени-девочки. С видом фокусника она выворачивает свои карманы, и оттуда сыплются разноцветные гладкие

камешки

Складываем камешки горкой и все садимся вокруг нее. Тот, кто начинает игру, выбирает себе один камешек, подбрасывает его вверх. Пока камень в воздухе, быстро хватает из горки второй и в ту же руку ловит подброшенный камешек. Если игроку это удалось, он откладывает второй, выигранный, камешек в сторонку, а первый снова подбрасывает. Когда не удастся поймать, он кладет второй камешек обратно в горку, а первый передает следующему игроку. Победителем считается тот, у кого к концу игры окажется больше камешков.

Обе игры всем очень нравятся. Только один мальчик явно чем-то озабочен. Наконец он говорит:

— Можно, я задам вопрос?

— Можно! — хором отвечают ему оба председателя.

Тогда мальчик — Митя Ерохин из села Колпино, Орловской области,— спрашивает:

— Расскажите, пожалуйста, кто как готовится к фестивалю! Я с нетерпением жду фестиваля. И мне очень хотелось бы знать, как надо к нему готовиться. Как готовятся другие пионеры и школьники?

Тут начинают говорить все сразу. Но Жени быстро наводят порядок, и Галя Духовная из школы № 5 города Чимкента рассказывает про „

150 тонн металла и альбом пословиц

Мы хотим помогать Подготовительному комитету фестиваля. Ведь сколько нужно средств, чтобы принять тысячи гостей со всего земного шара! Мы для этого решили зарабатывать деньги и собираем металлолом. Мы уже сдали государству много железного лома и получили за него двадцать тысяч рублей.

Почти все ребята у нас готовят также свои подарки, кто какой умеет. Я и моя подруга Галя Чумакова долго думали, что бы такое сделать. И придумали вот что: альбом пословиц. В пословицах видна душа народа, его мудрость. Наверно, гостям со всего света будет интересно узнать пословицы нашего народа. И мы стали делать альбом пословиц. Пока мы его делаем на русском языке, но как вы думаете, ребята, может быть, нам потрудиться как следует и перевести их на немецкий, английский и французский? И каждую пословицу писать на всех четырех языках. Ну, вот, например:

Лежачего не бьют

On ne bat pas celui, qui est tombé.
Den Besiegten schlagt man nicht.
Never hit a man when he is down.

Слово — серебро, молчание — золото.

La parole est d'argent, le silence est d'or.
Reden ist Silber, Schweigen ist Gold.
Word is silver, silence is gold.

Председатели дают слово Коле Сидорову из Киева. У него подарки не простые! У него

крылатые подарки

Видите этот значок? Такой значок вывешивают на улицах, где много голубей, чтобы шоферы ездили осторожно. Сперва такие значки появились в Москве, а теперь у нас в Киеве.

Знаете, почему? А потому, что многие школы Киева разводят голубей для фестиваля.

Чтобы дело шло лучше, в Киеве проводят конкурсы голубеводов. Каждый участник конкурса должен вырастить шесть голубей. А кто сумеет, может, конечно, и больше. Но если даже все наши ребята-голубеводы вырастят по шесть, Киев привезет на фестиваль три тысячи голубей.

Когда в знак мира и дружбы на открытии праздника поднимутся к небу голуби, среди них будут и наши школьные.

— Голубиные конкурсы — это хорошо,— говорит Женя-девочка.— А можно еще устраивать конкурсы букетов. Кто сделает самый красивый букет для гостей? Мало вырастить цветы — надо научиться делать букеты.

— А теперь,— предлагает Женя-мальчик,— отгадайте загадку. Вот четыре человека из разных стран. Каждый в своем национальном костюме, но с непокрытой

головой. А на следующей странице — их шляпы. Отдайте каждому из четырех его шляпу и узнайте по костюмам, из каких стран эти люди. Ребята в школе № 101 г. Куйбышева, вероятно, сумели бы отгадать мою загадку, хотя бы здесь, на рисунке, было не четыре, а четыре десятка человек. Если во время фестиваля делегаты приедут в национальных костюмах, эти ребята смогут просто по виду узнать, кто из какой страны. Это потому, что они изучают костюмы и для тренировки готовят карнавал. Они будут играть в фестиваль. Там все уже шьют костюмы разных народов земного шара...

Больше мы с Женей никому из ребят сегодня не можем дать слова. Кто не успел рассказать, пусть напишет в редакцию кому-нибудь из нас. А сейчас к нам пришел корреспондент «Комсомольской правды» Алексей Иванович Аджубей.

Алексей Иванович ездил в Мельбурн на Олимпийские игры. Он расскажет нам, какие там были

помощники чемпионов, помощники зрителей, помощники прессы

Уже несколько месяцев отделяют нас от тех дней, когда в далеком австралийском городе Мельбурне шли XVI Олимпийские игры.

Естественно, что во время Олимпиады, выдающегося спортивного события, газетные заметки, радиопередачи и репортажи сообщали о ходе спортивной борьбы, об успехах спортсменов, о выдающихся победах олимпийцев.

Но сейчас мне хочется рассказать не об этом, а о тех австралийских мальчиках и девочках, которые не выходили на старты, не рвали финишных ленточек, не завоевывали золотых или серебряных медалей и все-таки вправе считать себя участниками Олимпиады.

Организация Олимпийских игр — дело сложное. Тысячи спортсменов, туристов из разных стран мира, журналистов, фоторепортеров, операторов кинохроники и телевидения прибыли в Мельбурн. Мальчики и девочки, о которых я рассказываю, объединились в «отряды помощи Олимпиаде».

Как же помогали они проведению Олимпийских игр?

ОТРЯД ПОМОЩИ ЧЕМПИОНАМ действовал главным образом на стадионе, выполняя множество разнообразных и срочных поручений. Ребята переносили спортивные снаряды, угощали спортсменов, ожидавших своего выступления, водой, фруктами, помогали врачам, дежурившим на многочисленных спортивных площадках и в раздевалках для спортсменов, выполняли поручения судей.

А когда спортсмен-победитель поднимался на пьедестал почета и на высокой мачте взвивался флаг его страны, на зеленое поле главного олимпийского стадиона вместе с президентом Олимпийского комитета Брендеджем выходили его ассистенты: три мальчика из этого отряда. Чеканя шаг, подходили они к победителю. В руках у них были коробочки с золотыми олимпийскими медалями. Маленькие ассистенты передавали их президенту, и тот вручал награду победившему олимпийцу.

Ежедневно на олимпийские стадионы приходили сотни тысяч людей. Не так просто было огромной массе болельщиков найти свои места, узнать, куда поставить машину, и, что еще труднее, быстро и без сутолоки выбраться со стадиона и отправиться домой после конца состязания.

Тут действовал ОТРЯД ПОМОЩИ ЗРИТЕЛЯМ.

Одетые в яркую, приметную форму из простой хлопчатобумажной материи, мальчики и девочки из этого отряда вели себя, как настоящие хозяева стадиона и спортивных залов. Они разносили зрителям программки состязаний, а тем, кто далеко сидел от демонстрационных щитов, помогали определить имя победителя, по цепочке передавая важное известие от щита в глубь трибун. Члены отряда помощи зрителям дежурили на трамвайных остановках и на уличных перекрестках. Все мальчики и девочки этого отряда носили нарукавные повязки, на которых был изображен знак вопроса. Заметив группу иностранцев, в нерешительности остановившихся на улице, ребята быстро подходили к ним и любезно предлагали проводить их до цели. Были у этого отряда и посты в трамваях. Они следили, чтобы болельщики-иностранцы не пропустили остановку, на которой им надо сойти.

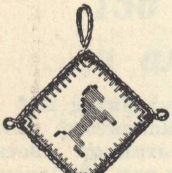
ОТРЯД ПОМОЩНИКОВ ПРЕССЫ тоже выполнял важную работу. Я уже говорил, что на Олимпийских играх было несколько сот журналистов, работников кино, телевидения, радио. Этим людям важно было вовремя получить официальное сообщение судейской коллегии о том, как проходили состязания, взять пригласительные билеты на различные пресс-конференции, на встречи со спортсменами и руководителями команд. Участники отряда не успокаивались на том, что официальные протоколы поступали в специальную комнату пресс-центра. Если кто-либо из журналистов забывал взять протокол, члены отряда старались обязательно найти его либо на трибуне, либо в городе, в гостинице, и вручить забытые бумаги.

Все, что я здесь рассказал,— лишь маленькая частица деятельности юных мельбурнцев. Но их пример, конечно, поучителен. Скоро в Москве состоится Шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В Москву на фестиваль приедет еще больше народу, чем было в Мельбурне. Да и город наш Москва во много раз больше, чем Мельбурн. Пионеры, если они серьезно захотят помочь проведению фестиваля, смогут, по-моему, многое сделать.

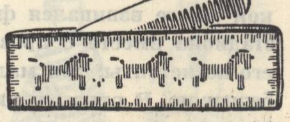

— Ребята, а ведь правда, взяться бы нам за это! И не только в Москве, где будет фестиваль,— говорит Женя-мальчик.— Делегаты будут знакомиться с нашей страной, с нашей жизнью. Вдруг они приедут как раз в ваш город или колхоз! Вот тут-то мы и понадобимся! Но для этого надо самим хорошо все знать и заранее готовиться. Для тренировки я предлагаю играть в «проводников и туристов». Один все показывает и объясняет, а другие слушают. Потом меняются. Выигрывает тот, кто больше узнал и рассказал интересного... А сейчас пойдемте-ка в самый конец журнала. Там Фестивальная мастерская. Посмотрим, какие подарки надо делать к фестивалю.

— Это успеется,— возражает Женя-девочка.— Лучше поговорим сначала о подарках, каких не надо делать! Вот как раз пришел Мастер-На-Все-Руки. Он сейчас расскажет нам про

хорошие и плохие подарки

Ваши подарки поедут во все страны мира. На ваши подарки будут смотреть тысячи людей. Когда вернется в родные Кордильеры делегат Перу, когда вернется в свои степи делегат Монголии, к ним за десятки километров придут из соседних селений юноши, девушки, старики послушать рассказ о нашей стране, посмотреть, что они привезли с фестиваля. И тут делегаты вынут ваши подарки.

Надо, чтобы подарки были красивыми!

А что может быть прекраснее образцов, которые дает нам творчество народов нашей страны? В каждой республике Советского Союза, в каждой местности живет свое мастерство, свои художественные ремесла.

И очень хорошо, если вы, ребята, будете делать для подарков красивые вещи по образцам народных изделий, распространенных в вашей местности. Тогда вы сможете учиться у старших, советоваться с умелыми мастерами.

Вот, например, вологодская пионерка решила сделать красивую салфеточку и вышивает на полотне зубчики да цветочки швом «ришелье». По-моему, это зря! Не лучше ли ей сплести кружевную салфеточку? Ведь изделия вологодских кружевниц восхищают людей во всем мире!

А узбекская девочка пусть вышьет сюзане. Конечно, ей не обязательно делать целый ковер! Небольшая яркая подушка для дивана будет очень хорошим подарком.

Сумеют ли пионеры из аула Кубачи сделать филигранные брошки или запонки? Да, наверное, сумеют! Ведь эти ребята с детства видят искусную работу своих отцов, а многие и сами помогают старшим.

Издавна резные узорчатые шкатулки из бересты делают и в Архангельской области и в Кировской, в краю лесов. Ребята из этих мест могли бы смастерить красивые берестяные портсигары, маленькие коробочки, бокалы для ручек и карандашей, обложки для настольных блокнотов.

А вот вышивкой крестом по народным узорам может украсить свои подарки каждый, потому что вышивке крестом легче научиться, чем, например, плетению кружев.

В Фестивальной мастерской на последней странице обложки вы увидите красивые образцы народных орнаментов и игрушек. Вверху — закладка для книги с украинской вышивкой.

Узор из лошадок сделан по мотивам северных — архангельских — вышивок. Вы можете украсить такой вышивкой футляр для расчески. А одну лошадку можно вышить на подушечке для булавок. Удлините орнамент — и вот вам кайма для полотенца.

Многоцветный украинский орнамент слева — это на дамскую сумочку с застежкой-молнией. Если взять только центральную часть орнамента — подойдет на кошелек для мелочи. Подушка для булавок с такой вышивкой — тоже неплохо. Орнамент всегда можно изменить, приспособить.

Мне хочется еще поговорить с вами об игрушках. В мастерской я покажу вам лошадь с фургоном.

Знаете, из чего она? Из бересты, из березовых чурок и сучьев. Это народная игрушка из музея. Видите, как остроумно в ней все построено?

Игрушечная балалайка сделана из тонкой фанеры, гриф для струн выструган из дерева и приклеен. А розаны, которыми расписана балалайка, в стиле народной игрушки.

В некоторых школах мастерят вазочки и коробочки из почтовых открыток, а то, купив целлулоидных «голышей», наряжают их в платья из ленточек, собранных оборками. Это никому не интересные подарки! Не надо также делать громоздких макетов. Подумайте о тех, кто повезет их домой! Сама по себе мысль хороша: подарить макеты башен Кремля, красивых зданий Москвы. Но такие макеты должны быть миниатюрны и сделаны с особым изяществом и точностью. Лучше один хороший подарок, чем десять плохих!

Пошли в мастерскую, ребята! Впрочем, подождите, вон у входа в картинную галерею стоит женщина, и в руках у нее три куколки необычного вида.

— Я эту женщину знаю,— говорит Женя-мальчик.— Это учительница Роза Васильевна Андрюшкова. Интересно, что она нам расскажет!

— Я слышала, что в картинной галерее вашего клуба сейчас выставка рисунков из Японии,— говорит Роза Васильевна.— Мне очень интересно посмотреть на них, да и не только мне, а всей школе № 179, где я много лет учила ребят. А почему нам это интересно, вы узнаете, послушав мой рассказ о том,

как с кукол началась дружба

Вот три куколки. Они тоже из Японии, как эти рисунки в вашей картинной галерее. Именно с таких куколок все и началось.

В Японии 3 марта у девочек большой праздник — Кинамацури. Он устраивается в честь кукол. Все девочки готовятся к Кинамацури, прибирают и украшают комнаты. Девочки постарше варят в этот день обед, шьют своим куклам красивые платья. Кукол наряжают, сами наряжаются и ходят друг к другу в гости. Девочки во всем мире любят играть в куклы. Три года назад, 3 марта, в радиопередаче из Москвы пионерки нашей школы поздравили маленьких японок с праздником Кинамацури.

Очень скоро мы получили в ответ письмо от школьницы Акико Макисэ. Она писала, что очень любит детские радиопередачи из Советского Союза и слышала наше поздравление.

Мы стали переписываться с Акико. А потом нам написал крестьянин Ямагути. Мы ответили и ему. Так постепенно у нас завязалась переписка с несколькими японскими друзьями, и все ребята в нашем классе очень заинтересовались Японией.

Наших ребят восхищает мужественная борьба японцев за мир, против атомного оружия, против американских военных баз на японской земле.

Американцы захватили остров Окинаву, устроили там аэродромы и полигоны — загороженные поля для артиллерийской стрельбы. Для этих военных сооружений они отнимают землю у крестьян Окинавы. Чтобы не умереть с голоду, крестьяне должны наниматься на работу к тем же американцам. А американцы пользуются безвыходным положением крестьян: сколько хотят, столько и платят японцам — в одиннадцать раз меньше, чем американским рабочим, привезенным в Японию!

Но Окинава не сдается. В прошлом году американцы хотели захватить еще больше земли, но им это не удалось. Крестьяне взбунтовались. И по всей Японии прошли митинги протеста.

Мы получили от наших друзей школьную газету-многотиражку. В ней есть отдел «Наши просьбы к взрослым». Вот какая главная просьба у японских ребят: «Сделайте все, чтобы в Японии не было больше испытаний атомного оружия».

Нас все интересует в жизни наших друзей. И мы многое узнаем из их писем. Оказывается, всеобщее обязательное обучение там девятилетнее. В начальной школе учатся шесть лет. В школе ребята проводят весь день до вечера. Учебный год в Японии начинается весной, а не осенью. В японских школах очень много времени уделяется спортивным занятиям, часто проводятся состязания. Самые большие спортивные игры школьников называются Ундоокай, их устраивают осенью.

О жизни японских ребят нам много рассказали японские писатели Сунао Токунаго и Дзюници Ивакани, которые были в Советском Союзе и пришли в гости к пионерам нашей школы.

Они-то нам и привезли в подарок деревянных японских кукол, которых я вам показала, начиная рассказ...

Вернувшись на родину, писатели рассказали о нашей школе. И в школу стало приходить еще больше писем. Вот письмо школьницы Фуруяма Масако:

«Сегодня учитель Дзюници Ивакани (Фуруяма называет писателя Дзюници Ивакани учителем, потому что в Японии так принято называть старших, уважаемых людей) вручил нам ваши пионерские галстуки и значки. Большое спасибо! Воспользуемся этим случаем и станем хорошими сестрами. Мой брат и старшая сестра — коммунисты. И я тоже очень хочу стать хорошей коммунисткой. Хочется, чтобы побыстрее наступил день, когда в мире будет мир, исчезнет война. Будем бороться, чтобы обе наши страны были еще более дружными».

Это очень хорошее дело — переписка и дружба советских ребят с японскими. Вот почему газета коммунистической партии Японии «Акахата» рассказала своим читателям о наших письмах.

Не так давно в журнале румынских пионеров представитель Японии в Международном союзе студентов Икиро Оно писал, что у них в стране люди очень мало знают про жизнь в Советском Союзе и в странах народной демократии. И это очень выгодно врагам мира. Они могут врать про нас, что хотят.

Вот и надо переписываться, чтобы о нас знали правду. Это укрепит мир и дружбу на земле.

Ребята, давайте проводим нашу гостью в картинную галерею, а заодно и сами посмотрим рисунки. Вон внизу стрелка, указывающая вход.

Рисунки очень хороши... Обратите внимание на иллюстрацию к музыкальной сказке композитора Прокофьева.

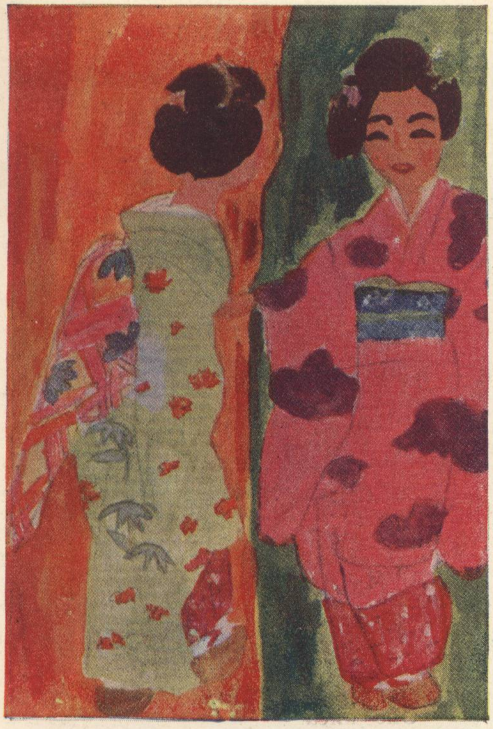
Вы, наверно, не раз слушали по радио про Петю и Серого Волка. Эту сказку советского композитора очень любят дети во всем мире. Японский школьник с помощью кисти, бумаги и красок передал то, что наш композитор изобразил музыкой. И язык японского рисунка так же хорошо понятен нам, как этому японскому мальчику был понятен язык русской музыки...

Оба председателя смотрят разом на часы, потом друг на друга.

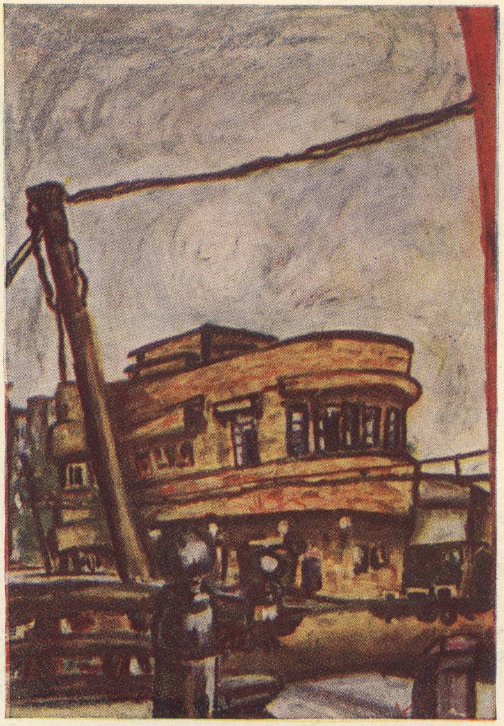
— Ох, никак мы не доберемся до мастерской,— вздохнула Женя-девочка.

— Нет, теперь-то уж нам ничто не помешает,— утешает ее Женя-мальчик.— Все дела, какие были на этих страницах, закончены. Скорей на обложку, друзья! Путь не маленький — тридцать четыре страницы. А там, посмотрев образцы подарков, распрощаемся до следующей встречи в журнале.

МОИ ПОДРУГИ. **Хидэко Хасэгава,**
ученица 1-го класса средней школы.

МОСТ. **Сейбо Катакири.**
ученик 2-го класса средней школы

В ПОРТУ. **Санити Ямагива.**
ученик 2-го класса средней школы.

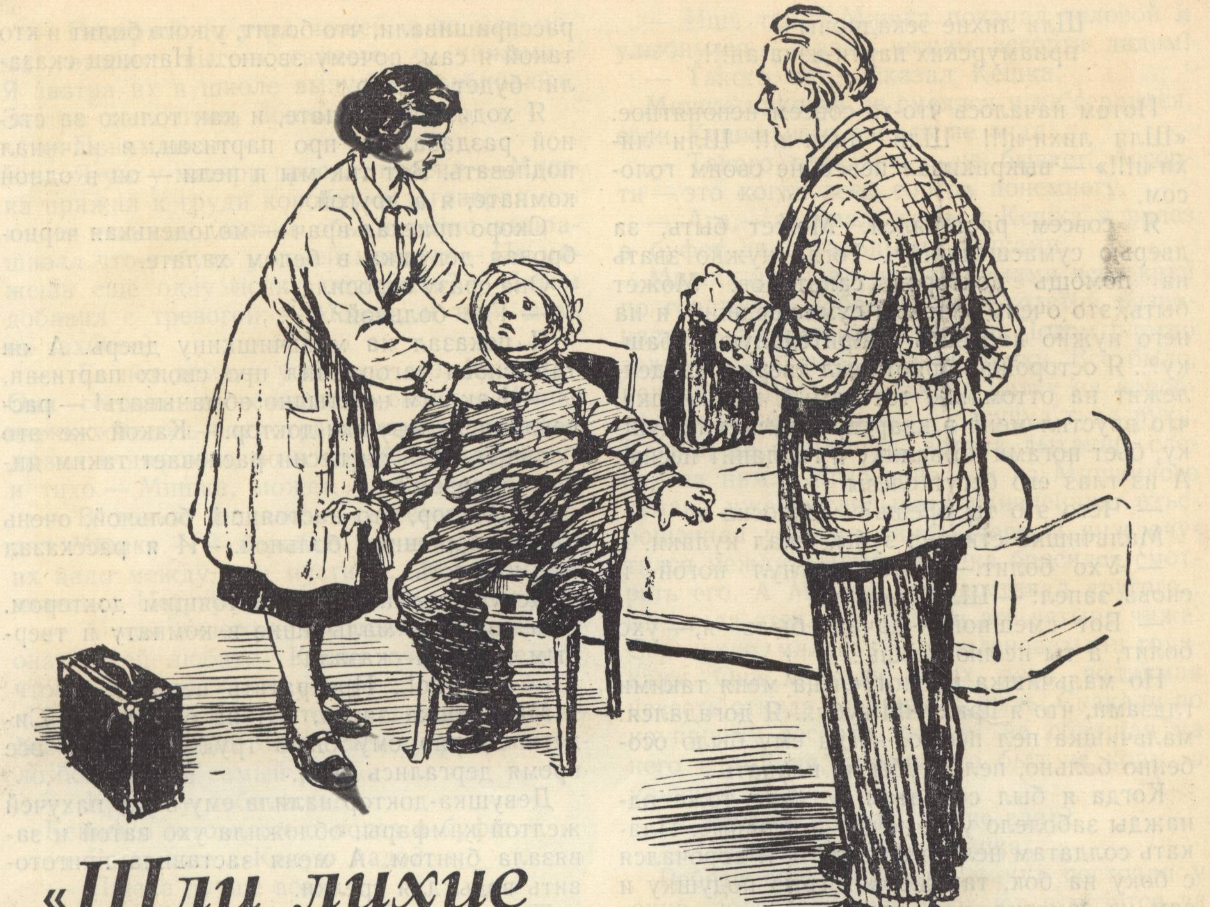
КОШКЕ ЖАРКО.

Кадзуэ Накано,
ученица 2-го класса начальной школы.

ВОЛК ПОДХОДИТ К ПЕТИНОМУ ДОМУ.
Иллюстрация к музыке С. Прокофьева «Петя и Волк».

Минору Мурсэ.
ученик 1-го класса начальной школы.

«Шли лихие эскадроны...»

Рассказы Р. Погодина.

Рисунки Б. Винокурова.

Однажды я зашел к своему приятелю. Дверь открыл маленький мальчишка. Он показался мне немного странным: все время поеживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сообщил, что друг мой ушел утром и еще не приходил. Говорил он, не разжимая рта, сквозь зубы и очень торопился. Наверно, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться было некуда. Я вошел в комнату, сел на диван и стал читать книгу. Прочитал страничку, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел:

Шли лихие эскадроны
приамурских партизан!..

Поет человек, и пусть себе поет, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

Шли лихие эскадроны
приамурских партизан!..

Теперь человек пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немножко и захлебывался. Потом он запел опять и опять... и все те же две строчки про партизан. Пел он ужасным голосом. Я сперва попробовал читать свою книгу, но у меня ничего не получилось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась еще громче. Я даже удивился, как это человек может так громко петь. Я постучал еще раз, еще и еще... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом, и глухой голос сказал:

— Чего?

Я попросил:

— Послушайте, не можете ли вы петь потише!

— Ладно,— согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери:

Шли лихие эскадроны
приамурских парти-изаа-ан!!!

Потом началось что-то совсем непонятное. «Шли лихи-и!!! Шли лихи-и!!! Шли лихи-и!!!» — выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший?.. Тогда нужно звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший и на него нужно надевать смирительную рубашку?.. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьет ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слезы.

— Чего это ты орешь? — спросил я.

Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.

— Ухо болит.— Потом лягнул ногой и снова запел: — Шли лихи-и!!!

— Вот смешной,— начал было я,— ухо болит, а ты песню поешь...

Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу... Я догадался: мальчишка пел песню, когда ему было особенно больно, пел, чтобы не плакать.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо, ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль поутихла, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытащить обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья. А ночью я разжал их один. Вот какая была боль...

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился в комнату своего друга, стал звонить по телефону в больницу. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит и кто такой я сам, почему звоню... Наконец сказали: будет доктор.

Я ходил по комнате, и как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы и пели — он в одной комнате, я в другой.

Скоро приехал врач — молоденькая чернобровая девушка в белом халате.

Она сразу спросила:

— Где больной?..

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

— Как вам не стыдно обманывать! — рассердилась девушка-доктор.— Какой же это больной, если он песни распевает таким диким образом?

— Доктор, это настоящий больной, очень даже хороший больной.— И я рассказал все, как есть.

Девушка оказалась настоящим доктором. Она вошла к мальчишке в комнату и твердым голосом сказала:

— Смирно!.. Прекратить пение!..

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него все время дергались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей желтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила приготовить воды для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились: он потихоньку, про себя, пел свою песню.

Девушка-доктор скоро ушла к себе в больницу. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом и думал: «Что это за мальчишка, который уже сейчас умеет петь, когда взрослые, и те в таких случаях, бывает, плачут».

Позже я узнал, что имя у него очень веселое — Кешка, и услышал о нем много разных рассказов.

Вот один из них.

Чижи

Случилось это так. Вечером прибежал Мишка. Он постучал, потому что побаивался Кешкиной мамы, или, как он говорил, ему было не по себе, когда она на него смотрела... Значит, Мишка постучал, просунул голову в дверь, обвел комнату глазами и сказал:

— Кеш... Ты один?

Кешка соскочил с оттоманки, на которой играл в пароход.

— Один.

Мишка был уже в комнате.

— Кешка, выручи до завтра!

— А как тебя выручить?

Мишка извлек из-под пальто картонную коробку с дырками, проткнутыми гвоздем.

— Подержи до утра чижей, а то моя мама говорит: выгоню вместе с чижами... Я завтра их в школе выпускать собираюсь. Завтра день птиц, понимаешь?

— Понимаю.

— Я уж у матери просил, просил.— Мишка прижал к груди коробку и заговорил ноющим голосом, каким обыкновенно выпрашивал что-нибудь у своей матери: — Не можешь еще одну ночку потерпеть? — Потом добавил с тревогой: — Может, и твоя мать не захочет?

— Ее нет дома,— успокоил его Кешка.— Она сегодня в вечернюю смену.— Кешке очень хотелось посмотреть чижей, он заглядывал в дырочки, но в коробке было темно и тихо.— Мишка, может, они задохнулись?

— В том-то и дело! — серьезно подтвердил Мишка.— В коробке им воздуху мало, их надо между рам пустить... А моя мама, знаешь... Нету у нее к животным симпатии.

— А моя ничего,— заторопился Кешка,— она чижей любит.— Кешке очень хотелось, чтобы птицы побыли у него.

Мишка подумал чуточку и пошел обследовать окно. Расстояние между рамами было большое, в самый раз.

— Крупа у тебя есть?

Кешка с готовностью полез в буфет.

— Есть, есть... Какую надо?

— Пшена лучше всего.

Кешка достал железную банку с пшеном, спрыгнул со стула и протянул ее Мишке. Мишка заглянул в растворенную дверку буфета.

— А в тех банках что?

— Рисовая, гречневая, манная, перловая...

— Ишь ты! — Мишка покачал головой и улыбнулся.— Давай чижам ассорти дадим!

— Такого нет,— сказал Кешка.

Мишка никогда не смеялся и не сердился, если Кешка чего-нибудь не знал.

— Такого отдельно и не бывает. Ассорти — это когда всех сортов понемногу.

— Ага,— закивал головой Кешка и полез в буфет за остальными банками.

Мишка насыпал между рамами всех круп по горсточке, добавил даже толстой разноцветной фасоли для красоты. Потом плотно закрыл окно, проверил форточку. Все было, как надо. Мишка развязал нитку на коробке, приподнял крышку и засунул туда руку. Кешка, не отрываясь, затаив дыхание, следил за ним... Мгновение — и из Мишкиного кулака уже выглядывает удивленная, взъерошенная головка чижа. Первый чиж очутился между рамами. Кешка бросился смотреть его. А Мишка уже доставал другого... Скоро за стеклами сидели все четыре чижа. Серенькие, маленькие, с зеленоватыми грудками. Они порхали вверх, вниз, поднимая невесть откуда взявшуюся пыль. Скакали по крупяному ассорти, совсем не обращая на него внимания, словно это был не корм, а уличный песок.

— Мишка, почему они не едят?

— Сытые,— ответил Мишка.

Ребята еще несколько минут постояли у окна, поглядели, как порхают и возятся за окном шустрые чижи. Потом Мишка схватил шапку, заторопился домой.

Мишка постучал, просунул голову в дверь и обвел комнату глазами.

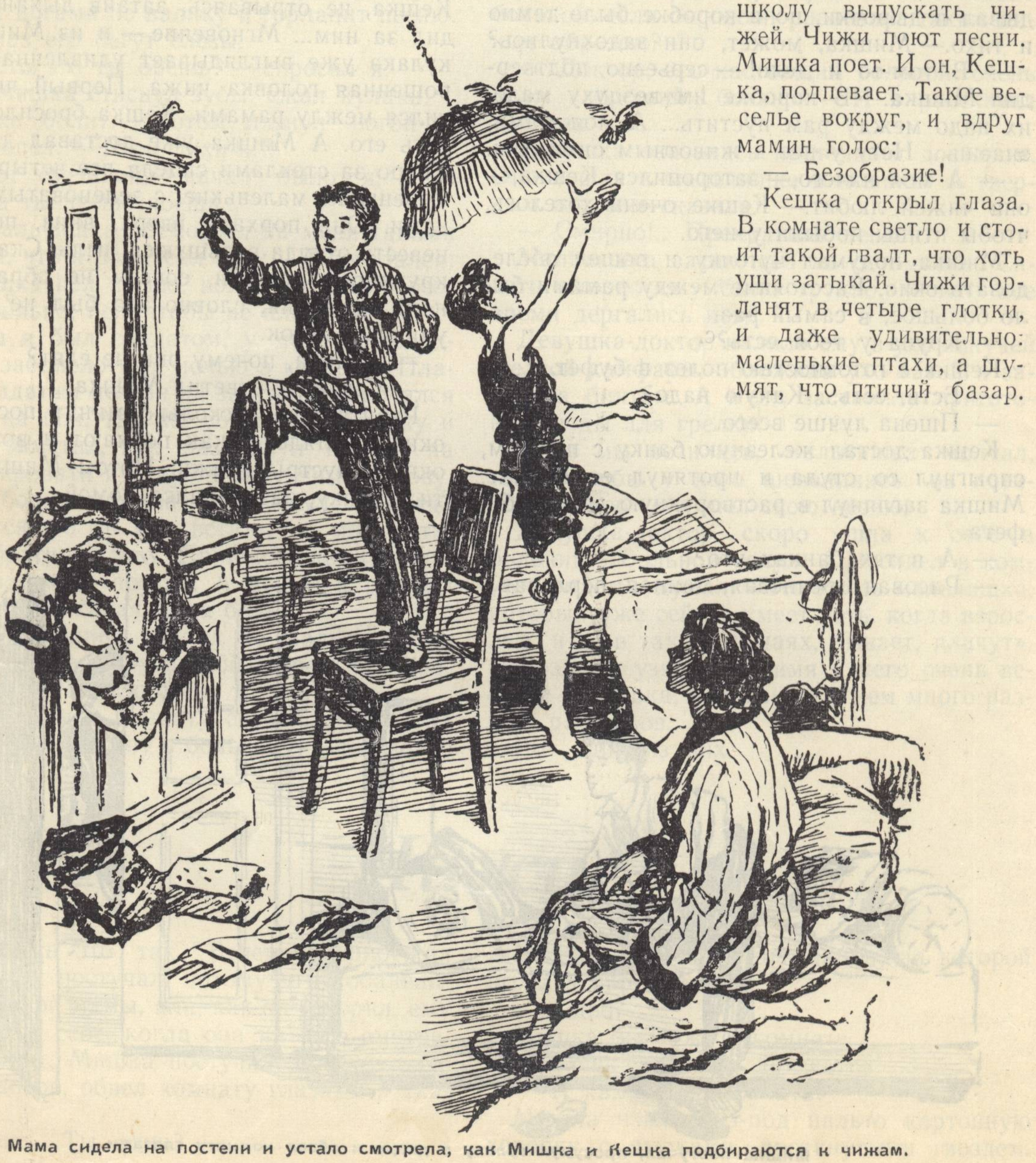
— Арифметику еще надо доделать,— сказал он на прощание.— Значит, до завтра... Я рано приду... Утром...

Когда Мишка ушел, Кешка поставил к окну стул и смотрел на чижей, пока они не угомонились и не уснули, спрятав носы в перья. Птицы «ложатся» спать гораздо раньше людей. Зато и «встают» они... Но об этом дальше.

Кешка сквозь дрему видел, как пришла мама с работы, как легла спать. Потом ему стало душно, он проснулся, встал с постели, хотел открыть форточку и вспомнил про чижей. Мама спала, чуть приоткрыв рот, щеки ее разрумянились, наверно, ей было душно. Но ведь форточку открывать нельзя: чижи улетят. Кешка подумал-подумал, что ему делать, и уселся у окна,— решил сторожить форточку. Кто знает, усни он — мама встанет и откроет. Что тогда Мишка скажет... Кешка долго смотрел на спящих птиц, на серое небо, на яркую зеленоватую звезду Сириус. Потом все это закружилось и куда-то пропало, словно на окно накинули плотную штору. А под утро Кешка увидел сон. Будто идет он с Мишкой в школу выпускать чижей. Чижи поют песни. Мишка поет. И он, Кешка, подпевает. Такое веселье вокруг, и вдруг мамин голос:

— Безобразие!

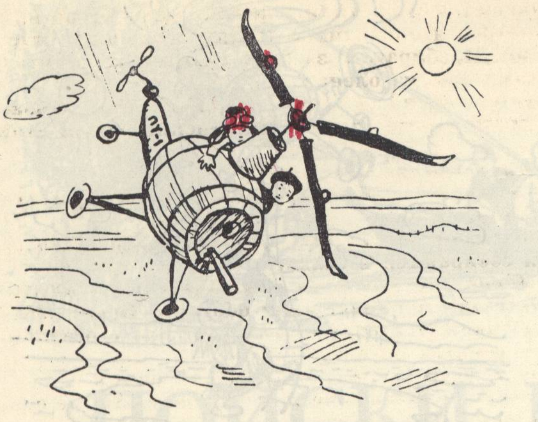
Кешка открыл глаза. В комнате светло и стоит такой гвалт, что хоть уши затыкай. Чижи горланят в четыре глотки, и даже удивительно: маленькие птахи, а шумят, что птичий базар.

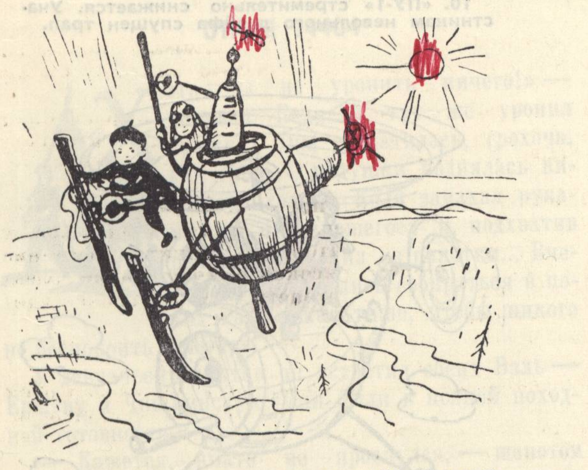
Мама сидела на постели и устало смотрела, как Мишка и Кешка подбираются к чижам.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «ПУ-1»

Рисунки П. Сыроежкина.

1. Путешествие продолжается. Но что это? «ПУ-1» теряет высоту...

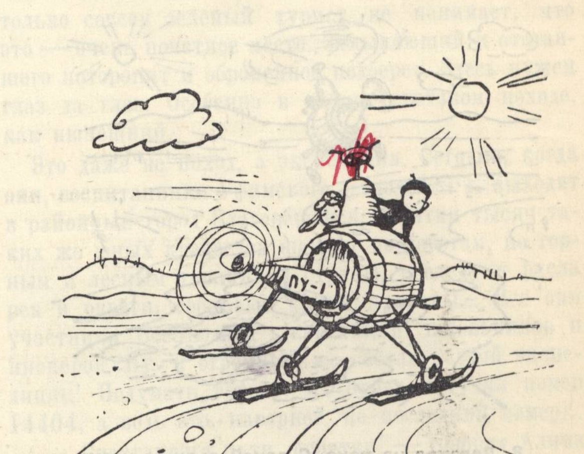
2. Впереди гора. Скорей, скорей!.. Смелые изобретатели на лету изменяют конструкцию.

3. «ПУ-1» благополучно совершил посадку на три точки и с бешеной скоростью скользит по склону.

4. Все в порядке... Вот что значит не терять присутствия духа!

5. «ПУ-1», превратившись в аэросани, «с ветерком» мчится по снежной целине.

6. Теперь можно продолжать полет. Проделав реконструкцию в обратном порядке, приятели взмывают к небесам.

7. Над горами, над долами парит легкий «ПУ-1».

8. Ледоход на реке. С одной льдины несутся сигналы бедствия: «SOS, SOS, SOS!»

9. «Человек за бортом!» — кричит Вова Промокашкин. «И коза в придачу!» — визжит Олег Удальцов.

10. «ПУ-1» стремительно снижается. Участникам невольного дрейфа спущен трап.

11. Бабушка счастлива. Коза тоже, а наши пилоты тем более.

12. «Привет отважным героям! Ура-а-а-а!» — кричит собравшаяся на месте посадки толпа.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Ю. Новикова

ОТРЯД 14404

«Хоть бы не уронить ничего!» — подумал Коля и тут же уронил кружку. Она покатилась, грохоча, как гром. С подушки поднялась вихрастая голова. Коля замахал руками на проснувшегося и, подхватив рюкзак, выскочил из палатки... Вчера они уговорились собираться в поход как можно тише, чтобы никого не беспокоить в лагере.

У девчачьей палатки он встретил обеих Валь — Ершову и Чишминскую. Они были в полной походной готовности.

— Кажется, никто не проснулся, — шепотом сказала Валя Ершова, косясь на палатку. И тотчас же из палатки донесся заспанный голосок:

— Вы уже пошли, девочки?

— Ты спи!.. Спи!.. — замахали руками обе Вали. — Ну, чего тебе не спится?

Коля прибавил шагу. На полянке, где был назначен сбор, уже мелькали белые рубашки и пестрые платья.

Коля издали увидел Тимура и Владимира Михайловича — воспитателя. Владимир Михайлович толковал о чем-то с Валькой Фомичевым и Апляевым. Под большой липой спиной к Коле стояла женщина. Она обернулась, и Коля узнал Алину Людвиговну — директора. Как видно, ей тоже не спалось.

— А вот и Сыромятников, — сказала Алина Людвиговна, кивая Коле головой, — и обе Вали бегут... Почти все в сборе.

— ...Отряд номер 14404 к выходу готов! — отрапортовал Тимур.

Валька Фомичев со знаменем шагнул вперед. Коля был в цепочке тринадцатым, последним... Но только совсем зеленый турист не понимает, что это — очень почетное место. Замыкающий и отставшего поторопит и оброненное подберет. Здесь нужен глаз да глаз. Особенно в таком серьезном походе, как нынешний.

Это даже не поход, а экспедиция. Сегодня, когда они, воспитанники Уфимского детдома № 1, выходят в районный город Благовещенск, десятки тысяч таких же юных краеведов шагают по дорогам, по горным и лесным тропинкам страны, исследуют русла рек и овраги, собирают камни и травы... Все они участники Всесоюзной экспедиции школьников и пионеров. Ну и огромный же состав у этой экспедиции! Подумать только: их отряд получил номер 14404, а ведь это, наверное, не последний номер!..

— Счастливого пути, ребятки! — говорит Алина Людвиговна. — Удачных находок и открытий!

— Счастливого пути! — раздаются позади голоса.

Коля Сыромятников, замыкающий, оборачивается и видит: почти все ребята повысыпали из палаток. Они стоят над прудом, который по-утреннему туманен и тих, — он один в лагере еще не проснулся...

ПОТЕРЯННЫЙ ОСТРОВ

— Ну, как глубина, Коля? — спрашивает тезка Коли Сыромятникова — Коля Апляев.

Вот уже полчаса, как они плывут в лодке по длинному Нижнему пруду, и Коля Сыромятников неутомимо нащупывает шестом дно. Вопрос Апляева о глубине — вполне законный вопрос, но почему-то все ребята начинают улыбаться.

— Не знаю, чего вы смеетесь, — говорит Владимир Михайлович и тоже улыбается. Он отлично понимает, над чем подтрунивает Апляев: Коля Сыромятников не просто занимается промерами глубины, он ищет остров.

Вчера вечером пришли они в Благовещенск, поужинали на базе, отлично выспались, а с рассветом побежали исследовать пруды, делящие город на две части: благовещенцы неправильно называют эти пруды «озерами».

— В сущности, это запруженная река Потеха, приток нашей Белой, — пояснил Владимир Михайлович, когда они спустились к воде, — путь ей преградили двумя плотинами, вон они, видите?.. И энергия воды стала приводить в движение машины благовещенского литейного завода. Тогда еще он принадлежал богачам Дашковым...

— В старину-то вода здесь помелее была, — вставил свое слово рыбак, сидевший на берегу.

«Историки» переглянулись: рыбак был стар, и беседа с ним обещала быть любопытной.

— Вы давно здесь живете, дедушка? — начал издалека дипломатичный Валя Фомичев.

— А как же, родился здесь... На заводе работал вон еще когда, при хозяевах!.. Да, говорю, вода была помелей... И остров тут был на озере... Был и исчез...

— А где он был, остров этот, дедушка? — насторожившись, спросил Коля Сыромятников.

— Остров-то? Да вроде бы как раз здесь, супротив причала... Или, пожалуй, подале... Нет, здесь... Запамятовал... Давно ведь дело-то было... Хороший был остров, зеленый. Бывало, в воскресенье поедет туда народ с гармошкой, с самоваром... И маевки на нем справляли в пятом году... Случалось, и жандармы сюда наезжали...

Дед еще долго рассказывал о старом Благовещенске. Историк Валька записал в блокнот несколько интересных подробностей из горького быта рабочих «дашковского» завода. Биологи Аня Тимофеева и Валя Чишминская пометили, что в Нижнем пруду водятся щуки, голавли, окуни, караси и карпы. А у Коли Сыромятникова из ума не шел исчезнувший остров: вот было бы здорово им, географам, его найти!.. Но вот уже час, как они исследуют Нижний пруд и давно проехали указанные дедом места, а острова под водой и в помине нет.

Все ребята на лодке заняты своим делом: кто гребет, кто измеряет ширину водного зеркала, кто делает зарисовки. Аня и Валя, биологи, снимают с весел зеленые пряди водорослей, похожие на волосы сказочных русалок, и бормочут какие-то латинские названия. Водорослей все больше, весла застревают в них, и гребцам приходится трудно.

— Уж полдень близится, а острова все нет! — поет Колька Апляев, как Лиза в «Пиковой даме».

И чего он зубоскалит, этот Колька?! Ведь он же звеньевой географического звена и сам кровно заинтересован в этом острове... Но у Кольки такой характер.

— Напутал дедушка по старости лет, — говорит он. — Что же, бывает... Пошли, Коль, купаться?

Искупаться было бы невредно: становится все жарче. Но Коля Сыромятников досадливо отмахивается:

— Погоди! Вот закончим промеры...

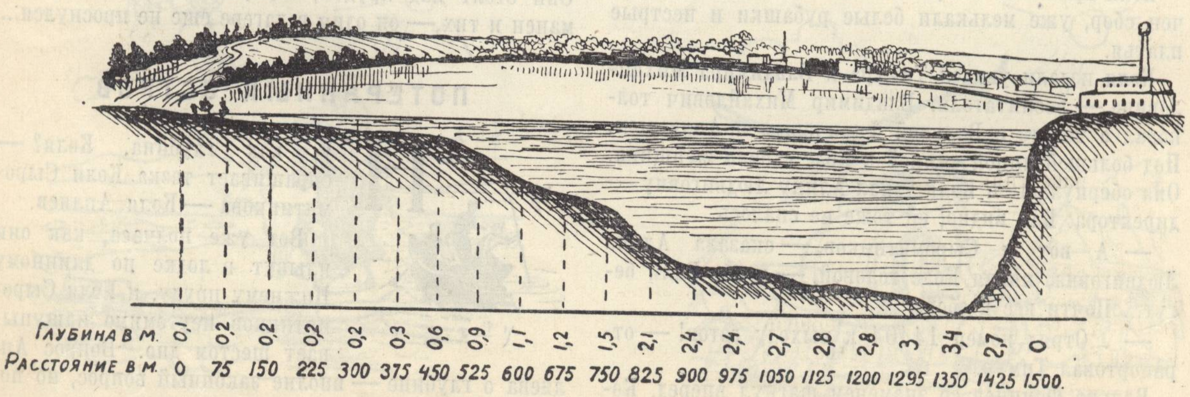
Лодка идет мимо высоких берегов. В густой зелени весело белеют статуи и киоски. Это парк имени Ленина. Теперь благовещенцы проводят свое свободное время здесь. Давно ушла в прошлое молодость деда с самоварами и жандармами, канула, как этот затонувший остров... Ну и бог с ним, с этим островом!..

— Ладно!.. Пошли купаться!

И только Коля произносит эти слова, как упирается шестом во что-то твердое. Глубина здесь не больше полуметра, а ведь они идут далеко от берега.

— Табань вправо! — говорит он рулевому.

Лодка движется вправо, глубина сразу же увеличивается.

Вот так ребята вычертили профиль Нижнего пруда. На этом самом пруду они и нашли затонувший остров. Острова здесь не видно: он находится у противоположного берега пруда.

— Остров, — негромко произносит Коля Сыромятников.

— Ей-богу, остров! — восторженно кричит Коля Апляев и прыгает с левого борта в воду. Вода не доходит ему даже до колен.

— Остров! Остров! — кричат ребята, должно быть, почти так же, как спутники Колумба кричали: «Земля!»

Пусть не так уж велико сделанное ими открытие, но все же они сами что-то выяснили, сами нашли!..

Другие жители города подтверждают слова деда, и юные географы с удовольствием записывают в свой походный дневник: «По рассказам старожилов, на Нижнем пруду был остров. Когда нижнюю плотину подняли, остров исчез под водой. При промерах глубины удалось установить, что остров находился в верхней части пруда».

ЧТО ЗАПИСАНО В ОВРАГЕ

Ничего не скажешь: залегания выражены ярко, — говорит Тимур Онищук.

Он стоит на дне огромного оврага и внимательно разглядывает его крутой склон. Ребята из геологического звена слушают его с уважением: ведь Тимур учится теперь в геологоразведочном техникуме и только на каникулы приходит в свой родной детдом.

— Какие залегания, Тимур? — робко осведомляется Валя Ершова.

Она художница, и ее больше привлекает дикая красота этого поросшего ежевикой, глубокого оврага. Склон, на который показывает Тимур, тоже очень красив, его точно расписали полосами — красноватыми, желтоватыми, бурыми...

— Залегания пород, — поясняет Тимур. — А какие это породы, мы сейчас определим. Как считаешь, Женя, это песчаник или известняк?

Женя Игнатьев развязывает рюкзак и достает тщательно упакованную бутылочку. Потом он берет «пробу» — горстку породы, на которую указал Тимур, — и капает на нее из бутылочки. Сразу же раздается легкое шипение. Оказывается, в бутылочке кислота.

— Это известняк, — объявляет Женя. — Слышите, реакция?..

И через минуту ребята — не только геологи и географы, но и биологи и историки — начинают наперебой определять породы. Оказывается, это интересно и не так уж трудно. На помощь здесь приходят простые человеческие чувства: осязание, обоняние, отчасти вкус. Иную породу разотрешь в руке и сразу же по запаху догадаешься: это глина. Пробуешь на зуб: скрипит? Значит, песчаник. Ребята спорят, смеются... Конечно, песчаник не очень-то вкусный, но почему-то приятно чувствовать запах и даже вкус земли. И Владимир Михайлович посматривает на них с довольным видом. Ему-то хорошо известно, что знания, приобретенные таким путем, много прочнее книжных.

К концу дня окончательно выясняется, что склоны благовещенских оврагов складываются из так называемых осадочных пород: известняков, глин, гипсов, ангидридов, доломитов. Все это очень полезные ископаемые, необходимые для строительства, их можно широко использовать в местной промышленности.

— А знаете, что еще написано на этих склонах? — спрашивает ребят Владимир Михайлович. — Помните, мы расспрашивали жителей города, когда появились эти огромные овраги, и никто не смог нам ответить? Оно и не удивительно: эти овраги образовались очень давно. Но если мы расскажем ученым об их строении, ученые смогут определить возраст оврагов и, мало того, — геологический возраст всего благовещенского края. Он записан на склонах этих оврагов, как возраст человека в метрическом свидетельстве.

АБЫЗОВА ПЕЩЕРА

Из всех рассказов о прошлом Благовещенска Вале Фомичеву больше всего понравилась история пещеры «Абыз», рассказанная одним старичком. Это был очень старый человек, едва ли не самый старый из всех местных жителей, но, конечно, даже и он не мог видеть «разбойника» Абыза: ведь события, о которых он рассказывал, разыгрались чуть ли не двести лет назад.

К озеру и пещере «Абыз» Валя шел с особым интересом.

Узенькая тропка то и дело сбегала в овраги и огибала поросшие травой воронки. Пахло полынью и полевой клубникой. Ребята в пути толковали о карстовых явлениях, широко распространенных в Башкирии... Коля Апляев даже рассказал про то, как на глазах у удивленных людей «провалился сквозь землю» огромный бык.

— А что удивительного? Карсты!.. Подземными водами размыло известняки, и образовалась пустота. Вот и Абызова пещера — тоже, говорят, интересный объект карстового происхождения...

Да, конечно, может быть, для геологов это и так. Но когда Валя увидел черное жерло пещеры на фоне высокой скалы, скучное слово «объект» показалось ему совсем неподходящим. От пещеры веяло холодом и романтикой.

Пробираясь ползком вслед за другими ребятами

по узкому, темному ходу, Валя вспоминал рассказ старика.

В семидесятых годах восемнадцатого столетия в этой пещере укрывался участник пугачевского восстания Абыз. Разбойником Абызом называли его, но, может быть, он был разбойником только для помещиков и для царицы Екатерины?.. Во всяком случае, это был смелый и упорный человек. Когда войско Пугачева было разгромлено и «самозванца» возили в клетке на устрашение народа, а его сподвижника башкира Салавата Юлаева пытали в Уфимской тюрьме, Абыз вместе с верными друзьями засел в этой пещере, как в крепости. Рассказывают, у них была даже пушка.

Сколько времени продержался Абыз, старичок-рассказчик не знал. Чем кончилась жизнь смелого пугачевца?.. Может быть, ему все же удалось выбраться из этого мрачного, сырого подземелья и пробиться в высокие горы? А может быть, его поймали и тоже казнили «позорной», то есть публичной, казнью? А может быть,— и Вале кажется, что это было именно так,— он до последней минуты отбивался от преследователей и, когда кончились порох и ядра, погиб смертью храбреца, уничтожив множество врагов...

Так или иначе, но, помогая геологам и географам обмерять пещеру, Валя дает себе слово собрать как можно больше сведений об отважном, благородном человеке, с именем которого народ навсегда связал эти суровые места.

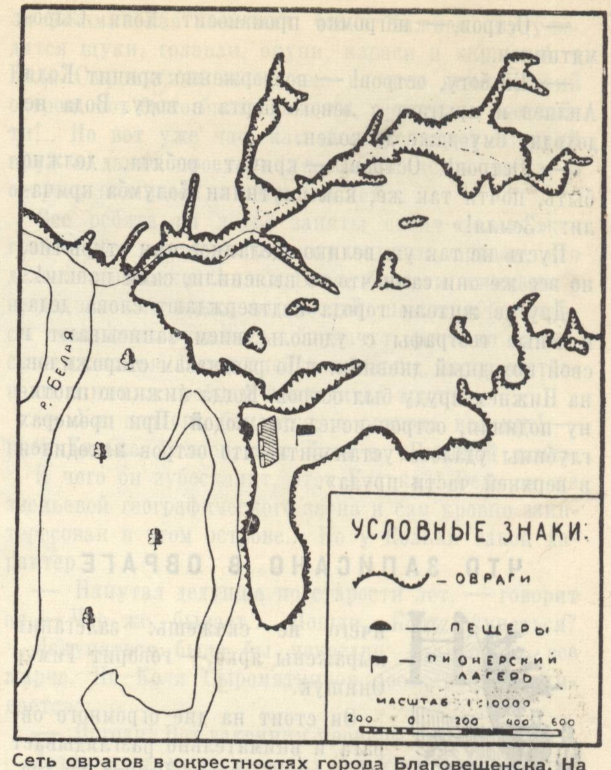
ТАК НАЧИНАЕТСЯ РЕКА

А пока старшие исследуют окрестности Благовещенска и шлют на туристскую станцию донесения — свои маленькие вклады в большую науку,— младшие воспитанники детдома также не бездействуют. Они тоже знакомятся с родным краем.

Отправляется в поход отряд четвероклассников. Их задача: изучить речку Шугуровку, проследить все ее течение — от истока до устья.

Оказывается, это непросто — найти исток реки! Целый день шарят ребята руками в зелени глубокого оврага, раздвигают гигантские лопухи, обжигаются

Сеть оврагов в окрестностях города Благовещенска. На плане ребята изобразили и тот большой овраг, о котором мы рассказывали.

крапивой и вслушиваются, не журчит ли где ручеек. И вот Витя вскрикивает:

— Здесь!

И все бегут к нему.

Из-под лопухов впервые выбивается на свет река — тоненькая, чуть видная струйка. Ничего особенного нет в этой струйке, но ребята почему-то притихли и с особенным вниманием слушают слова воспитательницы Анны Никифоровны.

— Видите, так начинается река, — говорит Анна Никифоровна. — Тоненькая струйка выбивается из-под земли на поверхность, но пройдет немного времени, и она превратится в синюю речку Шугуровку. Воды Шугуровки и других малых речек вольются в Уфу, Уфа — в Белую, та понесет свои воды в Каму, а Кама — в Волгу. Вот и выходит, что множество маленьких ручейков дают начало могучей, полноводной Волге.

СПОРТ

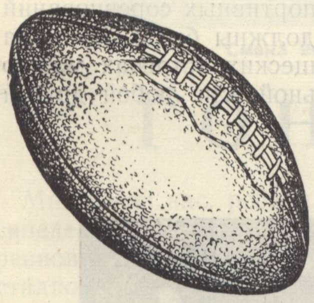
Не раз спортсмены многих стран встречались на стадионах Москвы. Здесь разыгрывались первенства мира и Европы, устраивались международные встречи. Но, пожалуй, таких грандиозных состязаний, какие будут проходить в дни фестиваля, на III дружеских играх молодежи, еще не случалось видеть жителям столицы.

Лучшие молодые спортсмены всего мира будут показывать свое замечательное мастерство, свою ловкость, быстроту, силу. На последних дружеских играх, которые проходили в Варшаве во время фестиваля, успешнее всех выступали советские спортсмены. Кто-то в этот раз окажется победителем?

Много интересных спортивных игр и состязаний увидят зрители. Некоторые из них включены в программу игр впервые. Вот о них мы вам и расскажем.

В. Кречетова

РЕГБИ

Посмотрите на этот предмет. Правда, он похож на зашнурованную дыню? Таким большим овальным кожаным мячом играют в регби.

В регби у нас раньше почти не играли. Названа эта игра по имени английского города Регби, где более ста лет назад впервые состоялись соревнования регбистов.

Регби похож на футбол, но игроки могут играть в мяч не только ногами, но и руками.

Играют в регби две команды по пятнадцать человек. Задача игроков — довести мяч до лицевой линии на стороне противника и там опустить его на землю — зафиксировать. Это называется «попыткой». Команда, которой удалась попытка, получает три очка.

Ворота в регби примерно такие же, как и в футболе, только напоминают они не букву «П», а букву «Н». Если мяч после попытки пройдет над поперечной планкой, то команда получает еще два очка.

Кроме попытки, в регби существуют еще «схватка» и «метка». Схватка — это разновидность штрафного удара. Игроки обеих команд, не больше восьми из каждой, становятся друг против друга. Они образуют коридор, куда понизу вбрасывается мяч. Как только мяч войдет в этот живой коридор, игроки начинают теснить противника, стараясь вытолкнуть мяч ногами за себя, в поле. Только после этого мячом можно снова играть.

Метка — это поощрительный удар. Каждый, кто играл в волейбол или баскетбол, знает, как трудно удержать сильно летящий мяч, стоя неподвижно. Так вот, если регбист поймает летящий от противника мяч и не сделает с ним ни одного шага, то он может поднять руку, сделать отметку каблуком и объявить: «метка». С этой метки он получает право ударить мяч, и если попадет в ворота, то команда получает три очка.

Чтобы стать хорошим регбистом, нужно быстро бегать, высоко и ловко прыгать, отлично метать. Вот почему эта игра во многих странах пользуется такой же любовью и так же распространена, как и футбол.

БАДМИНГТОН

Разные слова: бадмингтон, волан, юй-мао-чу, летучка,— а означают они одно и то же. Так называется новая игра, которую мы увидим на дружеских играх.

Чаще всего эту игру называют бадмингтон. Она очень напоминает теннис. Только перебрасывают игроки не обычный теннисный, а пробковый мяч с перьями. По-китайски юй-мао-чу так и значит — «мяч с перьями». Один конец пробки закруглен и обтянут тонкой белой кожицей. Другой конец плоский, к нему прикреплены тонкой проволочкой и клеем четырнадцать — шестнадцать куриных перьев одинаковой формы. Получается изящная, легкая корзиночка, которая всегда летит дном вперед.

Игроки перебрасывают юй-мао-чу ракеткой или лопаткой на длинной ручке. Сначала мяч стремительно летит от удара. Кажется, сейчас он умчится далеко-далеко. Но потом он вдруг теряет скорость и начинает плавно снижаться. Как бы вы ни ударили по мячу, он обязательно будет падать перьями кверху.

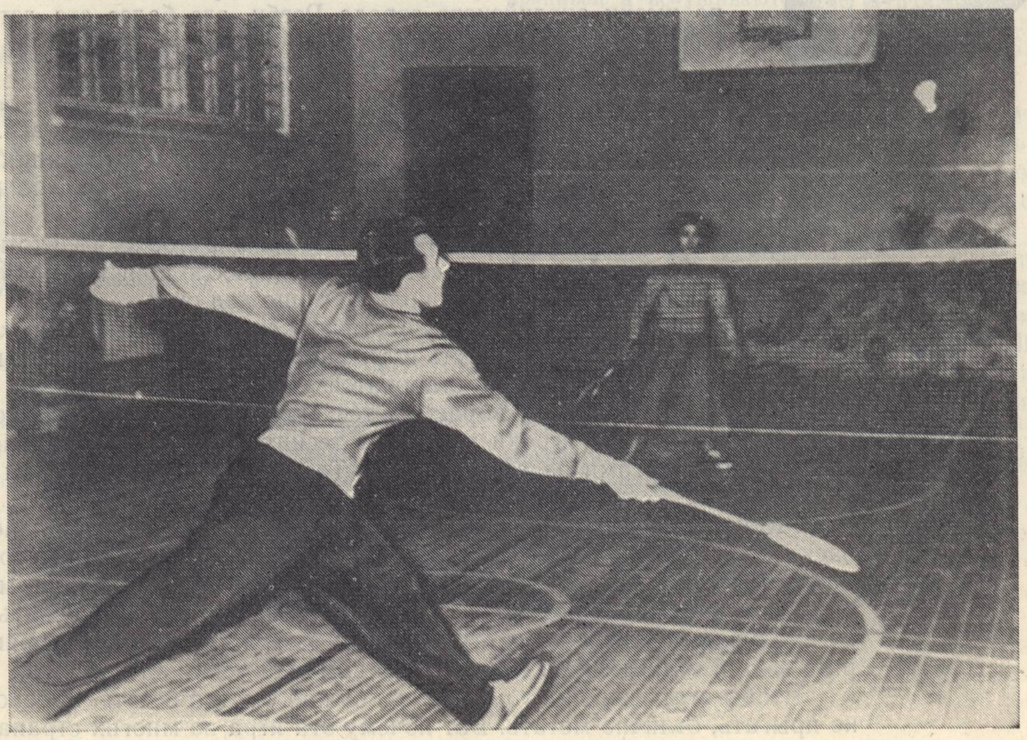
Упав на землю, мячик с перьями не отскакивает от нее. Поэтому отбивать мяч на сторону противника можно только с лету.

Сетку в бадмингтоне натягивают не над самой землей, как в теннисе, и не так высоко, как в волейболе, а примерно посередине: верхний ее край приходится на уровне плеч взрослого человека среднего роста.

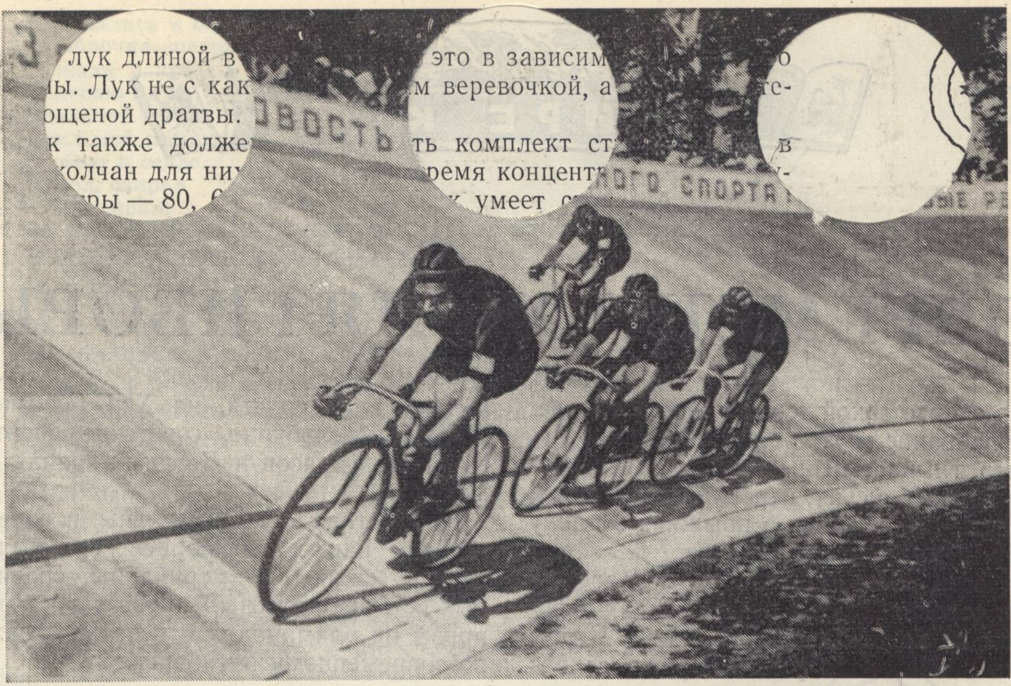
Счет в бадмингтоне ведут так же, как в волейболе. Каждый мяч, выигранный подающим, приносит одно очко. Тот из партнеров, который первым наберет 21 очко, выигрывает партию.

Выигравший две партии из трех считается победителем.

Играют в бадмингтон один на один или двое на двое. Для спортивных соревнований размеры площадки должны быть 13,4 м на 6,1 м. Но в товарищеских встречах можно играть на волейбольной или любой другой площадке и в зале.

Китайские товарищи учат советских спортсменов играть в бадмингтон.

Смена ведущего в командной гонке всегда происходит на вираже.

ГОНКИ ПО ТРЕКУ

Многие из вас, ребята, катаются на велосипеде. Кое-кто, возможно, участвовал в соревнованиях на шоссе, на беговой дорожке стадиона или даже в кроссе на пересеченной местности.

Но видали ли вы, чтобы велосипедист ехал по стене? Правда, стена эта не такая отвесная, как, скажем, стена дома. Но все-таки довольно крутая. Это — вираж, то есть поворот на треке — замкнутой дорожке, на которой происходят гонки велосипедистов. На треке нет никаких препятствий. Наоборот, здесь следят, чтобы дорожки были гладкими, чтобы не было ни малейшей выбоины или бугорка. Ведь если в кроссе велосипедист должен уметь не растеряться перед любым препятствием, то на треке главное — как можно быстрее проехать всю дистанцию. Поэтому велосипедист мчится с бешеной скоростью, то высоко взмывая вверх на вираже (повороте), то стремительно ныряя на дорожку. И, конечно, чем лучше дорога, тем быстрее скорость велосипедиста. Трек обязательно должен быть хорошо укатан, если он земляной. Но чаще трек заливают асфальтом или цементом.

Скорость велосипедиста зависит также и от того, сколько весит велосипед. Чем меньше он весит, тем лучше.

Одно из самых интересных соревнований на велотреке — это командная гонка. В ней участвуют четыре человека, идут они четыре круга. Сначала, со старта, команда идет в шеренге, а потом, на первом вираже, выстраивается гуськом. Скорость в гонках по треку очень большая, поэтому «вести» все время гонку, ехать впереди и принимать на себя сопротивление воздуха одному ведущему трудно. Ведущие (лидеры) меняются после каждого круга или даже на половине его. Это всегда делается на вираже. Лидер взмывает вверх и пропускает следующего за ним гонщика, партнера. А сам потом пристраивается в хвосте колонны. Самое важное, чтобы партнеры не отрывались далеко друг от друга, а, как говорят велосипедисты, «сидели на колесе», то есть ехали бы друг за другом так, чтобы расстояние между велосипедами [illegible] время сохран[illegible] и то же: [illegible] двадцат[illegible] цать са[illegible] ранить [illegible] кий ра[illegible] й скоро[illegible], и ко[illegible] о долж[illegible] сно стр[illegible]

По[illegible] соревновани[illegible] о случается, что сильная команда проигрывает более слабой из-за того, что у нее не было равномерного хода.

СОВРЕМЕННОЕ ПЯТИБОРЬЕ

Есть в спорте такой термин — многоборье. Это соревнование внутри одного вида спорта. Например, гимнасты соревнуются на различных снарядах: брусьях, перекладине, бревне; легкоатлеты состязаются в прыжках в длину и высоту, в метании диска, беге.

А вот есть такое многоборье, которое состоит из соревнований в разных видах спорта, ничем не похожих друг на друга. Чтобы победить в нем, надо уметь хорошо ездить верхом, плавать, отлично стрелять из пистолета, фехтовать на шпагах и бегать по пересеченной местности. Называется это соревнование «современное пятиборье».

Возникло пятиборье как соревнование офицеров, поэтому оно раньше называлось офицерским многоборьем. В него вошли те виды спорта, которые могут пригодиться офицеру на войне. Правда, фехтовать, да еще на шпагах, современному офицеру не приходится. Но фехтование развивает ловкость, точный глазомер, умение мгновенно отгадывать тактику противника и молниеносно отвечать на его действия.

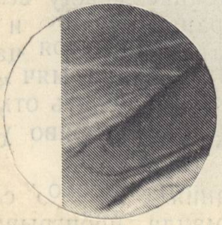
Провести все эти состязания в один день невозможно. Ведь в них принимает участие много спортсменов. Поэтому соревнования продолжаются пять дней — каждый день в одном из видов пятиборья.

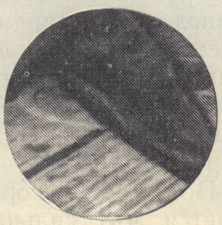
Советские пятиборцы впервые участвовали в международных соревнованиях в 1952 году, на XV Олимпиаде в Хельсинки. Тогда наша команда заняла пятое место. Четыре года спустя, на XVI Олимпийских играх в Мельбурне, советские спортсмены Новиков, Тарасов и Дерюгин заняли первое место.

На фестивале очень сильными соперниками для наших пятиборцев будут шведы, венгры, финны и американцы, среди которых есть спортсмены, не раз завоевывавшие призы на олимпиадах и в первенствах мира по современному пятиборью.

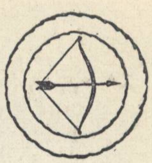

Двадцать четыре препятствия должен преодолеть участник соревнований.

Лучник

Сделал лук длиной в 50 или 80 см, это в зависимости от своего роста и силы. Лук не с какой-нибудь там веревочкой, а с крепкой тетивой из вощеной дратвы.

Лучник также должен сам сделать комплект стрел длиной в 50—75 см, колчан для них и мишень с тремя концентрическими кругами (диаметры — 80, 60, 30 см). Лучник умеет стрелять из положения стоя и с колена. После пяти выстрелов надо набрать не меньше 50 очков (маленький круг дает 20 очков, средний — 15, большой — 10).

Моряк

Хорошо плавает. Может в одежде проплыть 50 метров. Знает, как оттолкнуть от берега лодку, как вести себя на воде. Умеет снять лодку с мели, устранить течь. Знает, как причалить, как правильно сесть в лодку и как выйти из нее. Бесшумно гребет одним и двумя веслами. С помощью шеста он проведет лодку и по мелкой воде. Сумеет замаскировать ее у берега. Моряк умеет вязать морские узлы, разбирается в типах яхт.

Повар

Умеет на любом очаге сварить суп, зажарить мясо, рыбу, грибы. Превосходно собирает грибы и ягоды. Знает, какие продукты нужно взять с собой в поход, как их хранить. Умеет в походе быстро сварить обед.

Пловец

Плавает кролем, брассом и на спине. Умеет нырять с метровой вышки вниз головой и может проплыть под водой двадцать секунд. Пловец знает, как спасти утопающего, как сделать искусственное дыхание.

Разведчик-следопыт

Хорошо маскируется на местности и может совсем незаметно, как невидимка, передвигаться. Знает, как замаскировать палатку, шалаш, землянку. А голосам птиц и зверей подражает так, что сами птицы могут ошибиться. Хорошо знает окрестности и умеет нанести их на карту.

Костровой

Умеет выбрать для костра подходящее место и подготовить его. Из булыжника или кирпичей сделает очаг. В любую погоду разведет костер одной — двумя спичками и отлично знает, как поддерживать пламя нужной высоты.

Мастер воздушного змея

Умеет строить разные змеи: плоские, коробчатые, с трещоткой. Умеет и запускать их, толково пользуясь направлением ветра.

Рыбак

Умеет ловить рыбу различными способами. Знает, когда какой способ лучше применять, какая рыба водится в окрестных водоемах. Хорошо ищет и добывает наживку. Знает, какое снаряжение нужно рыболову.

Умеет приготовить кушанья из наловленной рыбы.

Переплетчик

Знает, какой материал нужен для переплета книги. Умеет сделать рамку для работы или использовать для этого табуретку. Из старых газет умеет приготовить папку для книжных крышек, а из картофельной шелухи — крахмал и клейстер.

Переплел не меньше двух книг.

БИОГРАФИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Б. Сарнов

Да, и у стихотворения есть своя биография. Как у человека, она может быть веселой и печальной, богатой событиями и обыкновенной, будничной. Но бывают люди, в жизни которых как будто не было ничего выдающегося — просто жил человек жизнью своего народа: когда все учились,— он учился, когда все строили,— он тоже строил, когда все воевали,— он воевал. О таких людях говорят: хорошая у него биография.

Вот и у стихотворения, о котором здесь пойдет речь, биография тоже хорошая. Но, кроме того, она еще и счастливая. Если бы это было не стихотворение, а человек, о нем можно было бы сказать, что он родился под счастливой звездой. Начать с того, что метрику — первую путевку в жизнь — ему выдал... Но об этом, пожалуй, стоит рассказать подробнее.

В афишах, расклеенных по городу, бросалось в глаза выделенное крупными буквами одно длинное слово: «Маяковский».

Говорили о знаменитом поэте по-разному:

— Пишет непонятно, но остроумный...

— Да, здоровенная глотка!

— А как на записки отвечает, так и кроет!

— Реклама! Нахальством только и берет...

Одни горячо доказывали, что Маяковский — великий поэт, что стихи его замечательны, необыкновенны.

Другие пожимали плечами:

— Никакой он не поэт, просто хорошо читает...

Одни уверяли, что все поэты признают Маяковского своим вождем.

Другие усмехались:

— Зато он сам никого, кроме себя, не признает.

Но на вечер Маяковского мечтали попасть все: влюбленные в поэзию и никогда не прочитавшие ни одного стихотворения, спокойные доброжелатели и насмешливые скептики, ярые приверженцы и ярые враги. Все хотели своими глазами увидеть этого необыкновенного человека, которому сопутствовала такая шумная и яркая слава. Все хотели услышать, как он читает свои стихи, о которых даже люди, не любящие их, говорят, что они не похожи ни на какие другие стихи в мире.

И вот он стоит на эстраде, опираясь крупной рукой о стол. Большой, ярко освещенный. Темные волосы. Тяжелые, усталые губы. Тяжелый взгляд больших, словно исподлобья глядящих глаз. Сцена вместительного зала не кажется слишком большой для него, хотя на огромном ее пространстве только он один.

Из зала несутся выкрики — приветственные, насмешливые, негодующие. Он молча обводит глазами ряды, и под его взглядом зал постепенно стихает. Маяковский начинает свой обещанный в афишах «Разговор-доклад». И хотя говорит только он, а зал слушает,— это действительно не простой доклад, это разговор. Вот он пошутил, усмехнулся, и сидящие в зале невольно улыбаются тоже, сочувственно ищут друг друга глазами. Вот он снова нахмурился, и зал притих, напряженно вслушиваясь в его слова.

Внезапно из зала раздается:

— Маяковский, почему вы такой грубый? Всегда вы ругаете всех поэтов. Вот Безыменского, например.

— Почему я такой грубый? — переспрашивает он. И отвечает: — Это все равно, что спросить у паровоза: «Почему вы такой черный?» — И потом, помедлив немного: — Безыменского я действительно часто ругаю. Вот, например, есть у него такое стихотворение...

Он снова медлит, припоминая, и вдруг роняет в зал:

— Безыменский! Ведь вы знаете, о каком стихотворении я говорю? Прочтите!

В зале встает Безыменский, послушно идет на сцену и читает злополучное стихотворение.

— Вот видите? — говорит Маяковский, когда стихотворение дочитано до конца. — Вы говорите, не ругать его, а он рифмует: «Свисток — серп и молоток». Разве можно так писать? — обращается он к Безыменскому. — Ну, а если б у вас там рифмовалась пушка, вы бы написали: серп и молотушка?..

Все с нетерпением ждут, когда же Маяковский начнет читать свои стихи.

— Прочтите «Левый марш»! — несется из зала.

— О Ленине почитайте...

— «Есенину»!

Маяковский чуть склонился над столиком, перелистывая какую-то небольшую книжку.

— Сегодня я не буду читать своих стихов,— сказал он внезапно.— Молодой пролетарский поэт Миша Светлов написал очень хорошее стихотворение. Оно называется «Гренада». Вот его я вам сейчас и прочту.

Резким движением головы он откинул со лба темную прядь волос, и в притихшем зале впервые прозвучали слова, которые потом положат на музыку, будут перечитывать, повторять и заучивать наизусть:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях,
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах...
Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Держа книгу в руке, но почти не глядя в нее, Маяковский читал:

Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!
Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя!..

Только раз чуть дрогнул его голос. Это было, когда он читал строки, рассказывающие о том, как убили молодого красноармейца:

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

И вдруг он улыбнулся, и от этой улыбки лицо его сбросило свою тяжесть, стало добрым и застенчивым.

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Гулко били друг о друга тяжелые ладони. Долго не смолкали горячие, возбужденные голоса:

— Владимир Владимирович, еще!

— Прочтите что-нибудь свое...

— Про Америку почитайте...

Но как ни кричали, как его ни упрашивали, в тот вечер Маяковский никаких стихов больше не читал.

У Маяковского никогда не было никаких чинов и званий, он никогда не занимал никаких официальных должностей: не был он ни председателем, ни секретарем Союза писателей. Но ему всегда было дело до того, что пишут другие поэты. Он мог прийти в ярость от чьей-нибудь бездарной, халтурной строки. И он радовался удаче молодого поэта Светлова так, как будто эта удача была его собственной. Да так оно, в сущности, и было, потому что каждая удача молодой советской литературы, как, впрочем, всякое радостное событие в жизни молодой Советской республики, была его личной удачей и радостью.

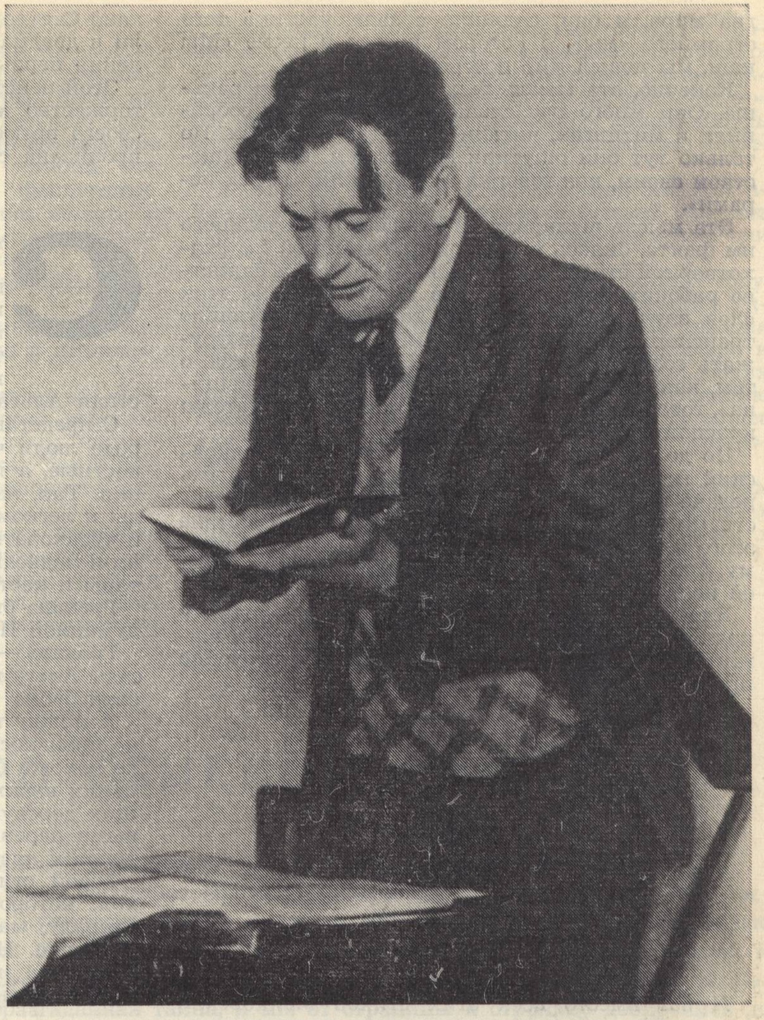
В его нежелании читать после «Гренады» свои стихи сказалось и это, и уважение большого мастера к труду младшего своего товарища по поэтической работе.

Но было здесь еще и другое.

Маяковский только вернулся тогда из своих заграничных поездок. Он исколесил почти всю Европу, побывал в Америке.

О чем рассказывал он тогда в своих «Разговорах-докладах»? Какие стихи читал?

Все, кому довелось в эти годы побывать хоть на одном вечере Маяковского, вспоминали потом, что именно там, слушая его рассказы о заграничных поездках, его стихи, с беспощадной и неумолимой силой ощутили они простую мысль: есть

В. В. Маяковский во время одного из своих выступлений.

два мира, и они, сидящие в зале, частица того огромного «мы», о котором поется в песне «Мы наш, мы новый мир построим».

Конечно, эта мысль была известна им и раньше. Они много раз слышали об этом на собраниях и митингах, читали в газетах и книгах. Но только тут они ощутили ее сердцем, всем существом своим, как говорил Маяковский, «всеми порами».

Эта мысль выпирала из каждого рассказанного им факта, билась в каждой прочитанной им стихотворной строке. Он говорил о братском единстве рабочих всех стран, и в подтверждение этих слов звучали его стихи о том, как бастующие транспортники Лейпцига сами вызвались разгружать состав, пришедший из Советского Союза, о том, как «моргнул многозначаще глаз носильщика», готового по первому зову помочь обладателю красного советского паспорта.

Но дело тут было даже не в том, что Маяковский подкреплял мысль фактами, что в его передаче она обрастала подробностями, свидетельствами очевидца. Казалось, само присутствие этого человека заставляло увидеть мир по-другому. Он заражал слушателей своим гневом и своей нежностью, своей яростью и своей болью.

Казалось, что это не он, а ты сам проходил у подножия нью-йоркских небоскребов, мерил шагами асфальт парижских площадей, озабоченно прикидывая:

Да, надо
быть
бережливым тут,
ядром
чего
не попортив,
в особенности,
если пойдут
громить
префектуру
напротив.

И вот вместо всех этих стихов Маяковский прочел другие стихи, другого поэта, рассказывающие как будто совсем о другом.

О другом?

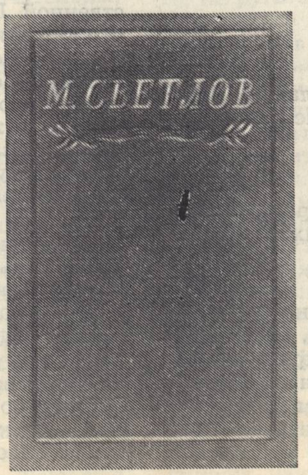
Ну, конечно, нет! Стихотворение Светлова о мечтательном пареньке, который пошел воевать с белыми, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», говорило о том же. О том же, о чем твердили плакаты, открытки и крошечные марки МОПРа, где сжатый кулак и тюремная решетка. О том же, о чем пелось в песне:

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных.
Вы с нами, мы с вами,
Хоть нет вас в колоннах!

О том, что не для России только, а для всего мира красной ракетой взвилось осенней петроградской ночью семнадцатого года

Октябрьское,
руганое и пропетое,
пробитое пулями знамя!

«Меньше чем на мировую революцию мы не соглашались»,— вспоминал много лет спустя Михаил Светлов о днях своей юности, о том, чем жили в двадцатые годы люди его поколения, поколения первых комсомольцев.

Этой неистребимой юношеской верой в близкое торжество мировой революции, этим дыханием своего времени от первой до последней строки пронизана светловская «Гренада».

Сколько поэтов воспевали Гренаду! Это название не очень большого города и совсем небольшой провинции не случайно стало таким знаменитым. Произошло это не только потому, что над Гренадой стоит старинный дворец мавров — всемирно известная Альгамбра.

С представлением о чужой стране, о чужом народе люди часто связывают случайные, поверхностные, а иногда и вовсе неправильные суждения. Так, издавна повелось, что французы веселы и легкомысленны, англичане надменны, сухи и чудаковаты. Россия — это мороз, снег, леса, волки и медведи. Испания — бой быков, тореадор, гитары и кастаньеты.

Гренада была столицей этой ненастоящей, выдуманной Испании.

Гренада — это цыганка с розой в волосах, это сады Альгамбры, это танцы при лунном свете, под звон бубна и щелканье кастаньет.

А между тем настоящая Гранада (так правильно произносится это испанское слово) так же мало похожа на эту, как настоящая Испания — Испания выжженных солнцем горных плато и нищих деревушек, отделенных друг от друга суровыми перевалами,— на оперную Испанию тореадоров и кастаньет.

Герой стихотворения Светлова, мечтатель-хохол, которому полюбилась песня про далекую Гренаду, мало что знал и про ту и про другую Испанию. Но для него Гренада — это не просто «красивое имя». Для него это «волость в Испании». И, конечно же, в этих двух строчках:

Гренадская волость
В Испании есть...

в тысячу раз больше правды о настоящей Гранаде, чем в тех стихах и романсах, в которых бушуют испанские страсти, а «Гренада» неизменно рифмуется со словом «серенада».

Настоящая Гранада — это поля и горы. Это огромные поместья и нищие поселения. Это безземельные крестьяне и батраки, умирающие с голоду.

В ту пору, когда Светлов написал свое стихотворение, крестьяне провинции Гранада не могли и мечтать о земле. Испанией тогда правил король, и земля была священной собственностью сеньоров. Но спустя десять лет, весной 1936 года, крестьяне «гренадской волости» двинулись на помещиков, и вся Испания пела тогда слова светловской «Гренады», переложенной на испанский язык:

Granada, Granada,
Granada mia...

В Испании победил народный фронт.

Но у молодой республики было много врагов. Те, кто боялся, что народ, разбуженный революцией, сметет своих угнетателей, готовы были на все, чтобы установить в стране фашистскую диктатуру. Они знали, что им самим не справиться со своим народом, и призвали на помощь все темные силы Европы. Сильнейшее фашистское государство — гитлеровская Германия вместе с Италией Муссолини обрушила на испанский народ всю мощь своей военной машины.

Казалось, дни Испанской республики были сочтены.

И тут случилось то, чего не предвидели ни испанские фашисты, ни их германские и итальянские покровители.

Из всех стран мира, прорываясь сквозь все преграды, поехали в Испанию коммунисты, революционеры, просто честные люди разных национальностей, чтобы с оружием в руках бок о бок с испанцами защищать свободу испанского народа.

Оказалось, что герой стихотворения Светлова не был одиноким в своей мечте. Оказалось, что в каждой стране есть немало людей, готовых бросить родной дом и уйти сражаться за то, чтобы земля в далекой Гранаде принадлежала крестьянам.

Настоящие стихи, даже если они говорят о прошлом, всегда несут в себе предвидение будущего. Быть может, именно в этом разгадка удивительной живучести поэтического слова, разгадка того, что стихи, рассказывающие о каком-нибудь событии, часто переживают не только это событие, но и самую память о нем.

В этом же разгадка и другого, еще более загадочного явления: ведь нередко бывает так, что герои в жизни появляются после того, как они уже описаны в литературе.

Светлов написал свою «Гренаду» в 1926 году. Написал он ее о человеке, погибшем в степях Украины в годы гражданской войны. Но сегодня нам кажется, что это стихотворение написано и о тех бойцах интернациональных бригад, людях разных наций, которые приехали в Испанию сражаться за свободу чужого народа, за общее для рабочих и крестьян всего мира дело революции.

Недаром на могиле одного из них, легендарного генерала Лукача — венгерского коммуниста и писателя Матэ Залка, погибшего в Испании в 1937 году,— написали эти слова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

РАССКАЗЫ ПРО ОБЫКНОВЕННЫХ РЕБЯТ

Каждая книга по-своему находит путь к сердцу читателя.

Одни книги увлекают нас необыкновенными приключениями. Мы восхищаемся мужеством героев, которым приходится преодолевать сложные испытания. В других — поражают нас различные диковинные страны и люди, с которыми знакомит нас автор. В третьих — держит нас в напряжении неразгаданная тайна, и мы от страницы к странице добираемся до ее разгадки.

А вот есть книги, в которых все просто: нет ни сложных приключений, ни странных странностей далеких земель, ни таинственных происшествий. Да, в них все очень просто, обыденно, как в повседневной жизни. Живут и трудятся обыкновенные люди, учатся, дружат и ссорятся обыкновенные ребята. Но именно эти простые рассказы о простых, обычных людях и их делах бывают подчас нам дороже всего остального, и трудно оторваться даже на минуту, читая такую книгу.

Мне лично такие книги нравятся больше всего. Бывает, часто задумываешься о том, какую книгу ты взял бы себе в друзья, с кем из героев тебе не хотелось бы расставаться.

И вот, когда я думаю о книге Анатолия Мошковского «Полет не отменяется», то в первую очередь мне вспоминаются Леша из рассказа «Брат», Митька Сорокин из рассказа «Гауптвахта», Дима из рассказа «Полет не отменяется» и Павка из рассказа «Ночью».

Не думайте, что это какие-нибудь особенные герои, что каждый из них совершил какой-нибудь необычайный подвиг. Нет, это пока самые обыкновенные мальчишки, ребята «с нашей улицы», но живут они так и такие хорошие черты характера заложены в них, что, конечно, они, ставши взрослыми, будут честными, смелыми и верными людьми, которым можно доверить любое большое дело из тех, что совершаются в нашей Советской стране.

В. Орджоникидзе

Почему и Отчего

Отчего играет солнце

Это было 5 мая в прошлом году. Я встала рано. Взглянув на солнышко, я заметила, что оно переливается разными цветами. Я спросила, почему это, а бабушка мне сказала, что сегодня пасха и солнышко радуется празднику и играет. Но я не поняла и решила спросить у вас.

Ира Лихман,
г. Кохма, Ивановской области.

Когда солнце низко, на восходе, его лучи проходят к твоему глазу через толстый слой воздуха вдоль земной поверхности.

Воздух не имеет одинаковой плотности, в нем различные слои. Они движутся, перемещаются; особенно рано по утрам, когда земная поверхность и воздух, остывшие за ночь, под действием первых лучей солнца начнут разогреваться. Солнечные лучи, проходя через эти слои разной плотности, то и дело изменяют направление и свой цвет, и глазам нашим кажется, что солнце как бы приплясывает и переливается. Это явление можно наблюдать по утрам или на закате, когда солнце низко над горизонтом.

У меня была старенькая няня. Она верила, как и твоя бабушка, что солнце так странно ведет себя по случаю праздника. Но подумай сама: солнце — огромный раскаленный шар, во много раз больше земли. По сравнению с ним земля так же мала, как пшеничное зернышко по сравнению с арбузом. Солнце мчится в пространстве со скоростью 250 километров в секунду, мчится равномерно и безостановочно, многие века, тысячелетия и даже миллионолетия. Оно было таким, как сейчас, когда еще на земле не было ни людей, ни других живых существ. Оно и в то время так же мчалось в неизмеримых мировых пространствах. И вдруг это огромное ослепительное солнце, этот гигантский раскаленный шар изменяет свой неустанный бег и начинает плясать перед крупинкой-землей оттого, что некоторые люди празднуют пасху! И вообще, может ли солнце играть, радоваться? Может ли у него быть веселое, праздничное настроение? Выходит, огненный шар думает? Как тебе кажется: может думать солнце, если оно неодушевленное, неживое? Мы уверены, что ты сама отлично поймешь, как не похоже это на правду.

Е. Рубцова

Про молоко

Почему молоко белое? Мне это интересно знать. Дорогая редакция, объясните, пожалуйста, почему?

Миша Григорьев,
г. Сестрорецк, Ленинградской области.

Молоко состоит из жиров, белков, молочного сахара, витаминов и самой обыкновенной воды. Сахар и витамины растворены в этой воде. А белки и жиры? С ними другое дело. Жиры в воде совсем не растворяются, белки почти не растворяются. Но почему же тогда они не отделяются и не всплывают или не тонут? Ведь если просто налить в бутылку с водой растительного масла или другого какого-нибудь жира, масло будет плавать на поверхности, а если выпустить из скорлупки сырое куриное яйцо в чашку с водой, то оно потонет.

Давай представим себя совсем маленькими, такими, что нас видно только в сильный микроскоп, и нырнем в каплю молока. Ты, наверно, думаешь, что нам ничего не будет видно, кроме белой мути, как будто мы попали в густой туман? Нет! Молоко совсем не такое уж белое. Вокруг нас будет прозрачная вода, а в ней — полупрозрачные шарики без числа. Они движутся вверх, вниз, минуту висят на месте и снова движутся, как аэростаты в воздухе. Это капельки жира и белка.

Жидкость, в которой заключено множество нерастворимых капелек, таких мелких, почти невесомых, что они не всплывают и не тонут, называется эмульсией. Молоко и есть эмульсия. Бывают и другие эмульсии. Если ты капнешь в бутылочку воды канцелярского клея и машинного масла, а потом будешь долго и терпеливо встряхивать ее, то через некоторое время вода помутнеет, и чем дольше ты будешь взбалтывать, тем белей она станет.

Эмульсию можно приготовить и из мелко растертого в ступке миндаля, постепенно подливая в него теплую воду. Получится жидкость, совсем похожая на молоко. Ее так и называют миндальным молоком. В миндальных зернах есть жиры, белки и сахар, только другого сорта, чем в простом молоке.

А почему же у молока и у всякой другой эмульсии белый цвет? Да потому же, почему бел снег, хотя большая ледышка не белая, а прозрачная. От капелек жира в эмульсии и от снежинок свет отражается в разные стороны, беспорядочно, а не проходит насквозь, как через сплошной, цельный кусок прозрачного вещества.

К. Кочетков

Слова живут

Меня интересует, откуда появилось выражение «пиррова победа».

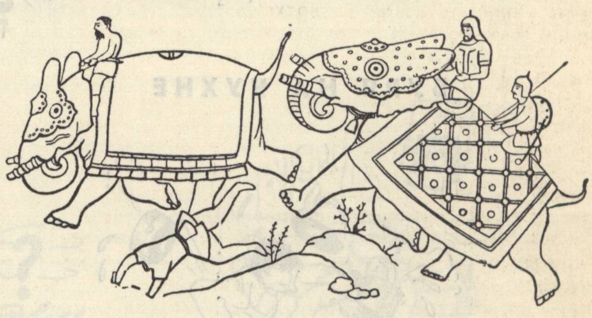
Смирнов Володя,
поселок Павловск, Алтайского края.

Пирр был царем Эпира — маленького государства на севере Пелопоннесского полуострова. Он приходился родственником знаменитому полководцу Александру Македонскому и мечтал покорить соседние народы, чтобы создать могущественное государство, как некогда Александр Македонский.

В 281 году до новой эры римское войско осадило город Тарент. Жители Тарента обратились за помощью к эпирскому царю, обещая предоставить в его распоряжение огромную по тем временам армию. Пирр решил, что под предлогом защиты Тарента он может начать завоевание соседних земель, и со своей армией вторгся в Италию. Кроме пехоты и конницы, в войске Пирра было двадцать боевых слонов, которых раньше никогда не видели римские солдаты.

Около города Гераклеи произошло первое сражение между войском Пирра и римскими легионами. Это была жаркая битва. Семь раз сходились воины враждебных армий в рукопашной схватке, но когда в действие были введены боевые слоны, римская конница дрогнула. Лошади римлян, пугаясь огромных невиданных животных, шарахались в стороны, не слушались всадников. Римское войско не выдержало натиска и в беспорядке отступило. Больше семи тысяч римских солдат было ранено и две тысячи попало в плен. Пирр захватил часть территории Рима.

Год спустя близ города Аускула произошло второе сражение между римлянами и армией Пирра. Римляне теперь подготовились к битве со слонами. Воины метали в слонов горящие стрелы и копья, а под ноги им подкатывали жаровни с раскаленным углем. Взбешенные от боли слоны поворачивали назад и топтали воинов Пирра. И все же римлянам снова пришлось отступить. Однако ряды Пирровой армии сильно поредели. У него погибло около пяти тысяч лучших солдат. Когда к Пирру подошли царедворцы, чтобы поздравить его с успехом, царь воскликнул с горечью: «Еще одна такая победа — и мы погибли!»

Боевые слоны. Старинный индийский рисунок.

С тех пор и стали говорить «пиррова победа», то есть такая победа, которая равносильна поражению.

Прошло больше двух тысяч лет, а меткое слово живет. Таких выражений очень много. Сказанные о каком-то давнем событии, они превратились в поговорку. Эти выражения кочуют из страны в страну, переходят с одного языка на другой.

Борис Володин

Первый ледокол

Ответьте мне на такой вопрос: когда и кем был изобретен ледокол?

Анатолий Конотоп,
поселок Комаровка, Харьковской области.

Первый ледокол был построен в 1864 году русским купцом Бридневым. Это был обычный маленький пароходик, но приспособленный для того, чтобы раздавливать не слишком толстый лед в реках и озерах, наползая на него носовой частью своего корпуса.

В 1898 году по проекту русского адмирала С. О. Макарова был построен большой и сильный ледокол «Ермак», способный бороться со льдами северных морей. Макаров на этом ледоколе совершил два плавания по Северному Ледовитому океану. Ледокол «Ермак» и сейчас существует, он проводит караваны судов среди ледяных полей Северного морского пути.

И. Бабыкина,
студентка физического факультета МГУ.

БУРЯ НА КУХНЕ

Чайник сброшен... Вся плита
чьим-то супом залита...
Отчего на кухне шквал?..
Это Вова поздно встал.

ПОСАДИ ЕГО ЗА СТОЛ...

Хлеб взлетает, словно мяч.
Глеб хохочет: «Я ловкач!»
Лучше б мама прогнала
ловкача из-за стола.

ПОЯСНЕНИЯ ИЗЛИШНИ...

САМОУВЕРЕННЫЙ ИЛЮША

1. — Нам нужна для стенгазеты
интересная статья.
Кто статью напишет эту?..
Говорит Илюша: — Я!
Фельетон, стихи, рассказ —
все придумаю без вас!

2. Он сидит и час и два —
разбегаются слова.
Десять дней сидит Илья —
все не клеится статья.

3. Злой, насупленный, лохматый,
он сидел и день и ночь...
И решил: «Пойду к ребятам!
Попрошу их мне помочь».

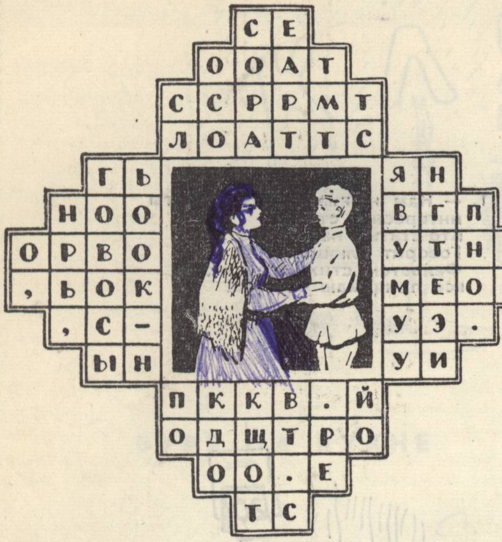
4. Так, не выдумав ни слова,
к ним с повинной входит он...
А у них давно готовы
и статья и фельетон!

Карикатуры для этого выпуска «Клякс» рисовали Илья Еленский и Володя Смирнов.

В ЧАСЫ ДОСУГА

ЗНАКОМЫЕ СТРОКИ

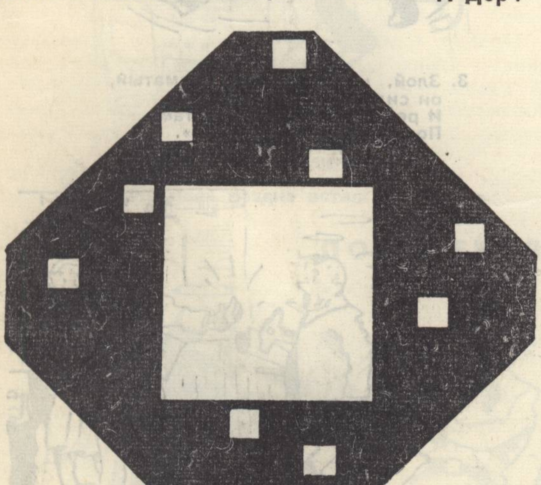

Вам, ребята, уже знакома эта форма головоломки. В январском номере «Пионера» была помещена задача, текст которой зашифрован тоже при помощи решетки.

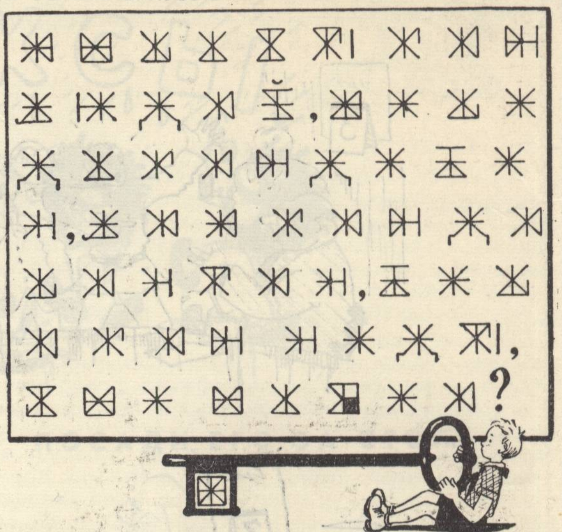
На этот раз решетка дана похитрее: одной стороной она вращается по движению часовой стрелки, другой стороной — в обратном направлении.

Пользуясь ключом-решеткой, прочитайте знакомое многим из вас высказывание замечательного советского писателя и его фамилию.

Р. Дорч

ЗАГАДКА

С помощью ключа, изображенного под текстом этой загадки, постарайтесь прочитать, что здесь написано.

Разгадайте загадку и ответ попробуйте зашифровать, пользуясь тем же ключом.

Свое решение пришлите в редакцию.

Составил **М. Давыдов.**

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 3

Кругом 65

Числа, оказавшиеся за пределами малого квадрата, вписываются каждое в дальнюю от него свободную клетку.

3	16	9	22	15	= 65
20	8	21	14	2	= 65
7	25	13	1	19	= 65
24	12	5	18	6	= 65
11	4	17	10	23	= 65
= 65	= 65	= 65	= 65	= 65	= 65

Переставьте книги

На корешках написаны слова Н. Островского «Мужество рождается в борьбе».

Кто он?

Из освободившихся после замены букв составляется фамилия известного русского художника: Айвазовский.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 00269. Подписано к печати 22/III 1957 г. Тираж 350 000 экз. Изд. № 329. Заказ № 531.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

В магазинах Книготорга продается серия книжек для тех, кто любит мастерить. Эта серия так и называется

Для умелых рук

В книжках вы найдете описание и чертежи моделей различных машин, летающих, плавающих и других транспортных моделей, самодельной радиоаппаратуры, принадлежностей для фотографии, спорта и туризма. В них дано также описание нужных для работы материалов, инструментов и полезные советы юным мастерам.

Книжки «Для умелых рук» — хорошее пособие не только для технических кружков, но и для каждого из вас.

В магазинах Книготорга имеются такие книжки:

МОДЕЛЬ ШАГАЮЩЕГО ЭКСКАВАТОРА.

Модель действующая. Помогает понять, как работает настоящий экскаватор. Она пригодится вам в летних играх.

МОДЕЛЬ ВЕРТОЛЕТА.

В книжке дано описание летающих моделей вертолетов двух типов. Одна из них запускается с помощью катапульты, другая — двухвинтовая, с резиновым двигателем.

МОДЕЛЬ АВТОМОБИЛЯ.

Эта книжка поможет вам построить модель грузового автомобиля «ГАЗ-51» с резиновым двигателем. С постройки этой модели нужно начинать каждому юному автомоделисту.

КОНТУРНЫЕ МОДЕЛИ КОРАБЛЕЙ.

С контурных (силуэтных) моделей следует начинать ребятам, интересующимся морским моделизмом. Эти модели с резиновым двигателем прекрасно плавают и красиво выглядят на воде, а сделать их гораздо проще, чем объемные модели судов.

МОДЕЛЬ ЯХТЫ.

Эта модель очень похожа на настоящую яхту. Научившись строить простейшие плавающие модели, вы сможете построить и модель яхты.

МОДЕЛЬ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

Здесь рассказывается о несложной модели подводной лодки с резиновым двигателем.

НАСТОЛЬНАЯ АЭРОДИНАМИЧЕСКАЯ ТРУБА.

Настольная аэродинамическая труба нужна всем кружкам юных авиамоделистов. Она поможет проводить интересные опыты в школьном физическом кабинете. Построить трубу совсем не трудно любому кружку юных техников.

УЧИТЕСЬ РАБОТАТЬ С ТКАНЬЮ.

(В помощь юному мастеру, выпуск 1-й.)

Эта книжка научит вас быть аккуратным и опрятным. В ней рассказывается, как самому сшить мешочек для чернильницы или для галош, нарукавники, воротничок, санитарную сумку, тапочки, как починить одежду, как заштопать носки и чулки. Много полезных советов найдете вы в этой книжке.

САМОДЕЛЬНЫЙ БАТАРЕЙНЫЙ ПРИЕМНИК.

Здесь вы найдете принципиальные и монтажные схемы и краткое описание двух несложных одноламповых и двухламповых радиоприемников с питанием от батарей.

САМОДЕЛЬНЫЙ ПОХОДНЫЙ РАДИОПРИЕМНИК.

А эта книжка поможет вам построить походный и карманный радиоприемники, которые пригодятся вам летом в походе.

САМОДЕЛЬНЫЙ СЕТЕВОЙ РАДИОПРИЕМНИК.

Если вы задумали сделать одноламповый радиоприемник и выпрямитель с силовым трансформатором или двухламповый радиоприемник, питающийся от сети переменного тока,— описание их вы найдете в этой книжке.

Книжки «Для умелых рук» все в цветных обложках, объем их — 1,5 печатного листа. Стоят они недорого — всего по 85 копеек. Покупайте эти книжки в магазинах Книготорга.

Главкниготорг Министерства культуры СССР.

Цена 2 р. 50 к.

ФЕСТИВАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Рисунки М. Зотовой.

Вот образцы орнаментов для вышивки и народные игрушки. О том, как делать красивые подарки, вы узнаете внутри журнала, в Клубе «Пионера».